

Миллс Чарльз Райт.

Социологическое воображение Миллс Чарльз Райт.

М 60 Социологическое воображение// Пер. С англ. О. А. Оберемко.

Под общей редакцией и с предисловием Г. С. Батыгина. - М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. - 264 с.

Книга известного американского социолога Ч. Миллса (1915 – 1962) издается в России впервые. Его публикации неизменно вызывали большой общественный резонанс. В данной работе, ставшей классической, автор выдвигает новые идеи по методологии исследования социальных процессов, рассматривает связи и взаимозависимость личности и общества, анализирует факторы распределения власти. Особое внимание Миллс обращает на принципы интеллектуального творчества и качества, необходимые социологу для объективных исследований. Книга актуальна и сегодня. Рассчитана на социологов — студентов, преподавателей, научных работников, а также на специалистов других общественных наук.

Содержание

Предисловие	2
1. Что нам обещает социология	8
2. «Высокая теория»	31
3. Абстрактный эмпиризм	62
4. Типы практицизма	94
5. Бюрократический дух	121
6. Философии науки	140
7. Человеческое многообразие	154
8. О пользе истории	165
9. Разум и свобода	190
10. О политике	202
Приложение	220
Об интеллектуальном творчестве	220
Выражение признательности	257

Предисловие

Если попытаться сформулировать основную тему «Социологического воображения», то можно сказать, что книга посвящена призванию социолога. Ее основной тезис предельно краток: «Каждый социолог сочиняет свою методологию». Чарльз Райт Миллс был одним из первых, кто максимально резко поставил вопрос о моральной ответственности обществоведа и тем самым бросил вызов академическому сообществу. Социологическое воображение — это мастерство критически мыслящего интеллектуала. Цель социологии заключается, по мнению Миллса, в том, чтобы превратить бесформенную и темную человеческую массу, включая политиков, в просвещенную разумную публику — задача, которую ставили основатели американской социологии. Миллс говорил: «Одно дело толковать об общих проблемах на национальном уровне и совсем другое — сказать конкретному человеку, как следует поступать»².

Судьба и характер Миллса поразительно отразились в «Социологическом воображении». Ученик и биограф Миллса Ирвинг Горовиц, обсуждая стили социологической работы, провел различие между социологами, которые занимаются своим делом восемь часов в день, и социологами, можно сказать, двадцатичетырехчасовыми². Речь идет не столько о количестве рабочего времени, сколько об отношении социолога к своему ремеслу и, более широко, о призвании обществоведа. «Двадцатичетырехчасовой» социолог подчиняет профессии всего себя и, адресуя свои идеи не столько коллегам, сколько публике, ставит целью научить людей жить и переустраивать мир на началах разума и справедливости. Личные проблемы он обычно возводит в ранг проблем общественных, научные расхождения равно значны для него мировоззренческому конфликту, а профессиональная карьера становится судьбой мыслителя, иногда непризнанного.

Превращая ремесло в творческое горение, он нередко забывает о I Horowitz I. *Professing sociology*. Chicago: Aldine Publishing Co., 1968. P. 171.

² Ibid. P. 206.

чувстве меры, и тогда одержимость определенной идеей мешает ему дистанцироваться от личных пристрастий и соблюдать дисциплинарные каноны науки. В то же время такой исследователь сохраняет веру в факт и объективность научного метода. Разрушая каноны «нормальной науки», он может развенчать устоявшиеся идеалы и, отвергнув привычные нормы воспроизводства знания, создать новую парадигму мира. При этом не исключена возможность превращения «двадцатичетырехчасового» социолога в маргинала. Почти всегда в его работе возникает драматическая дилемма — нечто вроде ролевого конфликта, присущего самой миссии интеллектуала как «легитиматора» общественных ценностей в современном мире¹. По всей видимости, Миллс был именно таким «двадцатичетырехчасовым» социологом, не отделявшим свою жизнь от науки. Э. Шиле нашел исключительно точное заглавие для своей разгромной рецензии на «Социологическое воображение» — «Воображаемая социология»². Иное дело, что, во многих случаях, последствия воображаемой Миллсом ситуации оказывались реальными.

Чарльз Райт Миллс родился в 1916 г. в Техасе в католической семье. Умер он в 1962 г. в сорокашестилетнем возрасте от инфаркта, получив незадолго до этого профессию в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В студенческие годы Ч. Миллс испытал сильное влияние прагматизма с его акцентом на определяющую роль индивидуально-личностного освоения мира. Социологией он стал серьезно заниматься в университете Висконсина, под влиянием Говарда Беккера, где защитил докторскую диссертацию о прагматизме. В 1939 г. Миллс опубликовал в «*American sociological Review*» статью «Язык, логика и культура», принесшую ему известность среди профессионалов. В 1940 г. выходит в свет его статья о мотивационном словаре, используемом в науках о поведении. Но творческий стиль Миллса нашел наиболее полное выражение в его статье «Профессиональная идеология социальных патологов»³, которая вызвала шок среди американских социологов.

1 Homwitz I. L. C. Wright Mills: An American Utopian. New York: The Free Press, 1983.

2 Shils E. Imaginary Sociology // *Encounter*. June, 1960. P. 77 — 80.

3 Mills Ch. W. The professional ideology of social pathologists // *American Journal of Sociology*. Vol. 49. No. 2. September 1943.

Проанализировав две дюжины учебников по социальной дезорганизации, двадцатисемилетний доктор социологии показал, что в основе «научных» представлений социологов и социальных психологов о социализации лежит расхожая мораль жителя небольшого американского городка. Впоследствии эта статья много раз переиздавалась как образец «социологии социологии».

В 1945 г. сбылась мечта Миллса — он был приглашен в Колумбийский университет в Нью-Йорке, где стал руководителем отдела социологии труда в Бюро прикладных социальных исследований, которое возглавлял Пол Лазарсфельд. Несколько лет работы с Лазарсфельдом и Джорджем Ландбергом самым серьезным и причудливым образом повлияли на интересы и образ мышления Миллса. Успехом своих книг по социальному расслоению американского общества он в немалой степени обязан не только постоянному интересу к теоретическому наследию Макса Вебера, но и хорошо отработанной методике анализа эмпирических данных. В то же время Миллс испытывал органическую неприязнь к эмпирической рутине, которая в полной мере проявилась в резкой и местами несправедливой критике «методологического эмпиризма», что отражено в одной из глав «Социологического воображения».

Его отношение к теории было довольно противоречивым. Как и многие критически мыслящие американские интеллектуалы, Ч. Миллс находился под сильным впечатлением от работ Ч. Пирса, Д. Дьюи, Т. Веблена и одновременно считал себя последователем М. Вебера и К. Маркса. В начале 1950-х годов он вместе с Хансом Герттом опубликовал книгу «Характер и социальная структура», где его ранее прагматистские установки были вытеснены идеей обусловленности характера и поведения надличностными социальными структурами¹. С этого времени Миллс стал считать себя последователем «классической традиции» в общественной мысли. Своей приверженностью идеям Вебера он обязан прежде всего Х. Гертту, вместе с которым издал в переводе на английский язык сборник эссе великого немецкого социолога². Несомненно, интерпретация 1 Mills Ch. W., Gerth H. Character and social structure. New York: Oxford University Press, 1953.

2 From Max Weber: Essays in sociology // Ed. By H. Gerth, C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1946.

Миллсом социального класса в терминах доходов, власти и престижа определена веберовской теорией. При этом неокантианская «свобода от ценностей» Миллсу была совершенно чужда. Ирвинг Горовиц имеет все основания считать, что Миллс прагматизировал и радикализировал Вебера¹, в то же время не принимая марксовский постулат о возрастании анархии капиталистического производства и противопоставляя ему тезис Вебера о рационализации современного капиталистического общества. У К. Маннгейма Миллс заимствовал идею о революционной миссии интеллигенции. Он был убежден, что социолог не должен быть беспристрастным наблюдателем, а, наоборот, обязан активно участвовать в преобразовании социальных порядков, открыто отстаивая определенные ценности и нести всю полноту моральной ответственности. Вероятно, его восприятие теоретического классического наследия было по преимуществу эмоциональным. Во всяком случае в сухих теоретических выкладках Парсонса он не обнаружил ничего, кроме банальностей. Напряженная спекулятивная изощренность, казалось бы, близких по духу «франкфуртцев», Миллсу была столь же недоступна. Он остался независимым мыслителем и даже при своих антикапиталистических убеждениях не примкнул к леворадикальному движению.

Адаптацию Миллса в академическом сообществе затрудняла не только теоретическая эклектичность его воззрений. Он считался среди социологов аутсайдером и анархистом еще и потому, что характер правдолюбца позволял ему не признавать условностей. При этом Миллсу, как искреннему и бескорыстному человеку, многое сходило с рук. Будучи студентом, он препирался с преподавателями, но по чти все они дали ему хорошие рекомендации для успешного завершения учебы. Ученую степень ему присудили, несмотря на то, что он отказался учесть замечания рецензентов. Работая в Бюро прикладных социальных исследований, он не справился с порученным ему проектом и был уволен со своей должности, но все-таки умудрился сохранить работу в одном из самых престижных университетов Америки. В 1956 г. Миллс получил звание профессора Колумбийского университета, хотя ему так и не разрешили преподавать.

1 Horowin. I. Professing sociology. Chicago: Aldine Publishing Co., 1968. . 192.

социологию на старших курсах. Признание пришло к Миллсу уже после смерти, в 1960-е годы, когда на волне «критики социологического разума» он стал одним из героев «новых левых».

Апогей профессиональной карьеры Миллса пришелся на 1950-е годы, когда социологическая наука приобрела отчетливые институциональные очертания. Довоенная монополия Чикагской школы сменилась интенсивным развитием социологических центров в Колумбийском университете, в Гарварде, Мичигане, Калифорнии. Это был период, когда вера в возможности научного знания была практически безгранична. Профессионализация социологии выдвинула на первый план ее внутридисциплинарные, прежде всего теоретические и методологические проблемы. Эталоном исследовательской работы считался тогда проект «Американский солдат» (руководитель Сэмюэл Стауффер), в котором участвовали почти все ведущие американские социологи и социальные психологи. Социальные проблемы рассматривались в этой традиции лишь в той мере, в какой они сформулированы как проблемы науки. Миллс же не принимал автономии научного знания и считал обществоведа ответственным за несовершенство социальных порядков.

В центре научных интересов Миллса — проблема распределения власти в современном обществе. Он был последовательным критиком капитализма и считал, что западная демократия представляет собой власть олигархии. В книгах «Новые люди у власти» (1948), «Белые воротнички: средние классы в Америке» (1951) и «Властвующая элита» (1956)¹ он показал взаимопроникновение финансового капитала, политической власти и стандартов престижа.

«Властвующая элита» стала одной из самых популярных книг, написанных в жанре социологической публицистики. Наряду с «Человеком организации» Уильяма Уайта, «Одинокой толпой» Дэвида Рисмена, Н. Глейзера и Р. Дэнни, «Другой Америкой» Майкла Харрингтона, «Сексуальным поведением мужчин [и женщин]» Альфреда Кинси, «Академическим сознанием» Пола Лазарсфельда и В. Тиленса, книга Миллса стала бестселлером и сформировала у образованной публики 1950-х годов впечатление о социологической науке. Миллс развивал идею, что институты представительной

¹ Имеется русский перевод: Миллс Ч. Властвующая элита. М.: Иностранный литература, 1959.

демократии используются в интересах финансовой, военной и бюрократической олигархии, а на смену малому бизнесу приходит «новый средний класс» — менеджеры и профессионалы, зависящие от бюрократии. В 1958 г. Миллс опубликовал книгу «Причины третьей мировой войны», в 1959-м — «Социологическое воображение», в 1960-м — «Слушайте, янки», в которой в ярких красках убеждал американцев в демократическом характере кубинской революции и доказывал необходимость сближения капитализма и социализма. В 1960 г. под редакцией Миллса вышла небольшая хрестоматия «Марксисты», сыгравшая важную роль в пропаганде леворадикальной идеологии. В этой книге рассматриваются идеи Маркса, Троцкого, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, Хрущева, Че Гевары, и завершается она вопросом, адресованным Коммунистической партии Советского Союза: «Используются ли идеалы классического марксизма лишь в качестве идеологии для циничного прикрытия власти или они воспринимаются правящей элитой вполне серьезно как направление политики и цель, к которой действительно следует стремиться?»

Книга «Социологическое воображение» многократно переиздавалась на английском языке и остается одной из классических работ по социологии. На русском языке книга издается впервые. Читая Миллса сегодня, в конце 1990-х годов, можно представить, будто он участник современных дискуссий. В книге есть удивительные прозрения. Например, он точно и ясно говорит о постмодерне, о котором ныне не пишет только ленивый. В то же время считать Миллса первым постмодернистом нет необходимости. Также нет нужды использовать идею «социологического воображения» для очередного опровержения эмпиризма. Миллс по преимуществу принадлежит американской социологии 1950-х годов. Вместе с тем, социальные структуры и человеческая деятельность, феноменологическое и реифицированное знание, социология и политика, призвание и судьба интеллектуалов — таковы «вечные темы» социологии, которые вряд ли могут компетентно обсуждаться без ссылок на работы Миллса.

Поэтому «Социологическое воображение» лучше принимать широким и рассматривать как одну из книг, которые занимают достойное место в социологической библиотеке.

Г. С. Батыгин, доктор философских наук, профессор.

1. Что нам обещает социология

В наши дни частная жизнь нередко представляется чередой ловушек. Люди чувствуют, что в повседневной жизни они не в состоянии справиться со своими бедами, и часто в этом абсолютно правы. Все то, о чем человек обычно знает непосредственно из опыта, все, что пытается делать, находится в пределах частной жизни; его представления и возможности ограничены узкими рамками работы, семьи, соседского окружения, за пределами которых за него действуют другие, а сам он остается простым зрителем. Но чем сильнее чувствуется, пусть даже смутно, приближение внешней угрозы со стороны чьих-то честолюбивых замыслов, тем сильнее становится ощущение западни.

За этим ощущением скрываются, казалось бы, независимые ни от чьей воли изменения, которые происходят в самой структуре обществ и охватывают целые континенты. Однако исторические факты суть еще и факты успехов и неудач отдельных людей. В период индустриализации общества крестьяне становятся рабочими, феодалы или теряют свое могущество, или превращаются в предпринимателей.

Когда одни классы возникают, а другие сходят с исторической арены, люди получают работу, или оказываются не Удел; когда кривая инвестиций идет вверх или вниз, люди обретают новое дыхание или падают духом. Когда случаются войны, страховой агент получает в руки гранатомет, служащий магазина становится оператором радиолокационной установки; их жены живут без мужей, дети растут без отцов. Жизнь индивида и ход истории общества нельзя понять по отдельности, без постижения того и Другого вместе.

Однако люди обычно не объясняют испытываемые ими трудности историческими событиями или институциональными противоречиями, они не связывают личное благополучие с подъемами и кризисами в обществе. Редко отдавая себе отчет в существовании сложной связи между тем, как складывается их жизнь, и историческим процессом, простые люди обычно не знают, что от этой связи зависит и то, какими они станут завтра, и то, как будет делаться история, в которую они могли бы внести свою лепту. Большинство не обладает тем качеством ума, которое необходимо для осмысливания взаимосвязей между человеком и обществом, между биографией и историей, между отдельной личностью и целым миром. Люди не могут, стараясь улаживать свои личные неурядицы, контролировать стоящие за ними структурные трансформации.

Это и неудивительно. В какую еще эпоху столь значительные массы людей переживали невероятно стремительные и глубокие социальные потрясения? Если американцам неведомы катастрофические изменения, претерпеваемые людьми в

других обществах, то этим они должны быть обязаны конкретным историческим обстоятельствам, которые очень быстро становятся «просто историей». Те или иные исторические события оказывают влияние на каждого человека. В течение жизни одного поколения Европа, вмещающая шестую часть человечества, бывшая некогда средоточием феодализма и отсталости, превратилась в развитую и грозную силу. С освобождением колоний от политической зависимости установились новые, завуалированные формы империализма.[В мире постоянно орпnhqundr революции, ибо люди оказываются зажаты в тиски новых типов власти. Возникают тоталитарные общества, одни из которых вскоре разваливаются, другие достигают сказочных успехов. После двухсот лет победоносного шествия капитализм доказал, что только он способен превратить общество в промышленную машину. Однако по истечении двух веков радужных надежд даже формальной демократией пользуется ничтожно малая часть человечества. Повсюду в развивающихся странах старый жизненный уклад рушится, и ранее смутные чаяния оформляются в насущные требования. В развитых странах орудия власти и насилия становятся тотальными по проникновению во все сферы жизни общества и бюрократическими по форме. Само человечество предстает перед нами сверхнацией, которая концентрирует на своих полюсах наиболее организованные и мощные силы для подготовки третьей мировой войны.

Скорость, с которой ныне история обретает новые формы, опережает способность человека ориентироваться в мире в соответствии с подлинными ценностями. Да и о каких ценностях можно говорить? Даже не впадая в панику, люди часто понимают, что старое мышление и мироощущение терпят крах, а новые веяния сомнительны в моральном отношении. Надо ли удивляться тому, что простые люди чувствуют себя беспомощными, столь неожиданно оказавшись перед необходимостью непосредственно иметь дело с более широкими социальными контекстами? Они не могут понять ни смысла современной исторической эпохи, ни того, какое влияние она оказывает на их собственную жизнь. Стремясь сохранить свою индивидуальность, они становятся морально бесчувственными и каждый пытается замкнуться в своей частной жизни. Надо ли удивляться тому, что ими овладевает чувство безысходности? Люди нуждаются не только в информации — ибо в «эпоху факта» информация настолько поглощает их внимание, что они не успевают ее усваивать. Люди нуждаются не только в навыках здравого мышления, несмотря на то, что усилия, затрачиваемые на их приобретение, нередко истощают и без того скудные духовные силы.

Они нуждаются, и чувствуют это — в особом качестве ума, которое поможет пользоваться информацией и развивать мышление, чтобы достичь ясного понимания того, что происходит как в мире, так и с ними самими. Я намерен утверждать — надежды на развитие такого качества ума журналисты и гуманитарии, артисты и публика, ученые и издатели начинают возлагать на то, что можно назвать социологическим воображением.

1.

Тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей. Оно позволяет объяснять, как в бурном потоке повседневной жизни у людей часто формируется ложное сознание своих социальных позиций. В этом водовороте событий являет себя устройство современного общества, которое формирует психический склад людей. Также и личные трудности людей упираются в независимые от них проблемы, а равнодушие публики к отдельному индивиду проявляется в озабоченности лишь социально значимыми вопросами.

Первым результатом социологического воображения и первым уроком основанной на нем социальной науки является понимание того, что человек может постичь приобретенный жизненный опыт и выверить собственную судьбу только тогда, когда определит свое место в контексте данного времени, что он может узнать о своих жизненных шансах только тогда, когда поймет, каковы они у тех, кто находится в одинаковых с ним условиях. С одной стороны, это *fsgrjhi* урок, с другой — замечательный. Нам неведомы пределы, человеческих возможностей в стремлении к покорению высот и к добровольному падению, к страданию и ликованию, к упоению жес токостью и к наслаждению игрой разума. Но в настоящее время мы узнали, что границы «человеческой природы» пугающе широки, что каждый индивид от поколения к поколению проживает свою биографию в определенном обществе, в соответствующем историческом контексте. Самим фактом своего существования он вносит собствен ный, хотя и ничтожно малый, вклад в формирование общества, выбор направления его исторического развития, несмотря на то, что он сам является продуктом общества и конкретно-исторических обще ственных сил.

Социологическое воображение дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества. В этом заключается задача, которую можно выполнить с его помощью. Принятие на себя такой задачи и осознание ее перспектив — характерная черта классической общественной мысли. Эта черта присуща и напыщенно многословному и скрупулезному Герберту Спенсеру, и изящно, но бескомпромиссно вскрывавшему язвы общества Эдварду Россу, Огюсту Конту и Эмилю Дюркгейму, замысловатому и проницательному Карлу Маннгейму. Ею отмечены все наиболее выдаю-“ щиеся интеллектуальные достижения Карла Маркса, в ней источник блистательных ироничных прозрений Торстейна Веблена, многомерных конструкций реальности Йозефа Шумпетера, это основа психологической гибкости У. Лекки и, равным образом, необычайной глубины и ясности Макса Вебера. Эта черта присуща всем лучшим современным достижениям в области исследований человека и общества.

Ни одно социальное исследование, если оно не обращается к проблемам человеческой жизни, истории и их взаимодействию в обществе, не может выполнить стоящие перед авторами задачи.

Какие бы специальные вопросы ни затрагивали классики общественной мысли, сколь бы узкой или, напротив, широкой ни была картина изучаемой ими социальной реальности, всякий, кто ясно осознал перспективы своей работы, вновь и вновь ставит перед собой три группы вопросов.

1. Что представляет собой структура изучаемого общества в целом? Каковы ее основные элементы и взаимоотношения между ними? Чем структура изучаемого общества отличается от других типов социального порядка? Какую роль играют те или иные особенности данной структуры в процессе ее воспроизводства и изменения?
2. Какое место занимает данное общество в человеческой истории? Каковы механизмы его изменения? Каковы его место и роль в развитии всего человечества? Какое влияние оказывает тот или иной элемент структуры изучаемого общества на соответствующую историческую эпоху и что в этом элементе, в свою очередь, обусловлено исторически? В чем заключается сущность конкретной исторической эпохи? В чем ее отличие от других эпох? Каковы характерные для нее способы «делания» истории?
3. Какие социальные типы преобладают в данном обществе и какие будут преобладать? Какой отбор они проходят и как формируются, как обретают свободу или подвергаются угнетению, становятся восприимчивыми или безразличными? Какие типы «человеческой натуры» раскрываются в социальном поведении и характере индивидов, живущих в определенном обществе в данную эпоху? И какое влияние оказывает на «человеческую натуру» каждая конкретная особенность исследуемого общества? Именно такого рода вопросы ставили перед собой лучшие представители общественной мысли независимо оттого, являлись ли объектом интереса великое государство или узкое литературное *gewerbe*, семья, тюрьма или религиозное движение. Подобные вопросы составляют интеллектуальный каркас классических исследований о поведении человека в обществе, их неизбежно задает каждый, кто обладает социологическим воображением. Ибо такое воображение дает возможность социологам переходить от одной Перспективы к другой, от политической к психологической, от рассмотрения отдельной семьи к сравнительному изучению государственных бюджетов разных стран, от воскресной школы к армейскому подразделению, от обследования отдельного предприятия к изучению современной поэзии. Социологическое воображение по зволяет перейти от исследования независимых от воли отдельного индивида общих исторических изменений к самым сокровенным свойствам человеческой личности, а также видеть связь

между ними. Использовать эту возможность нас побуждает постоянное стремление понять социально-историческое значение человека в таком конкретном обществе, которое обеспечивает ему проявление своих человеческих качеств и самое существование.

Короче говоря, посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории общества.

Самосознание современного человека, которому свойственно видеть себя по меньшей мере пришельцем, если не вечным странником, во многом обусловлено отчетливым представлением о социальной относительности и трансформирующей силе истории. Социологическое воображение является наиболее плодотворной формой такого самосознания. С его помощью у людей, чей кругозор ограничивается небогатым набором замкнутых траекторий движения, часто появляется неожиданное чувство, как будто они проснулись в доме, который до этого им лишь казался знакомым и родным. Верно это или нет, но они начинают понимать, что теперь они сами способны к правильным обобщениям, непротиворечивым оценкам и взвешенным суждениям. Прежние решения, некогда казавшиеся весомыми, теперь представляются безрассудными и невежественными умствованиями. В людях вновь оживает способность удивляться. Они обретают новый способ мышления, производят переоценку ценностей, короче говоря, их мысли и чувства способствуют осознанию культурной значимости социальных наук.

2.

Пожалуй, наиболее важно, что социологическое воображение дает возможность различить понятия «личные трудности, связанные с внешней средой» и «общественные проблемы, обусловленные социальной структурой». Такой подход служит важнейшим фактором социологического воображения и отличительной чертой всех классических работ в области социальных наук.

Личные трудности определяются характером индивида и его непосредственными отношениями с другими; они касаются его «я» и тех ограниченных областей жизни общества, с которыми он лично знаком. Соответственно, осознание и преодоление этих трудностей, строго говоря, не выходят за рамки компетенции индивида как носителя конкретной биографии, а также за рамки непосредственной сферы его жизнедеятельности, то есть того социального окружения, которое определяется его личным опытом и до некоторой степени доступного его сознательному воздействию. Трудности - это частное дело: они возникают, когда индивид чувствует, что ценности, которых он придерживается, находятся под угрозой.

Общественные проблемы обычно касаются отношений, которые выходят за пределы непосредственного окружения индивида и его внутренней жизни. Такой выход необходим на уровень институциональной прс`mhg`vhh множества индивидуальных сред жизнедеятельности, а далее на более широкую структуру социально-исторической общности, которая, как целое, складывается из многообразного переплетения и взаимопроникновения индивидуальных сред жизнедеятельности и общественно-исторической макроструктуры.

Общественные проблемы — называются общественными по-, тому, что при их возникновении под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества. Часто спорят о том, что же на самом деле представляют собой эти ценности и что именно им угрожает. Нередко спор оказывается беспредметным только потому, что, отличаясь по своей природе даже от самых распространенных личностных трудностей, общественные проблемы плохо поддаются определению в терминах непосредственного повседневного окружения простых людей. В действительности общественные проблемы часто связаны с кризисом институционального порядка, а также с тем, что марксисты называют «противоречиями» или «антагонизмами».

Рассмотрим с этой точки зрения безработицу. Когда в городе со стотысячным населением только один человек не имеет работы — это его личная проблема, для решения которой следует обратить внимание на характер, способности и непосредственные возможности данной личности. Но когда нация, обладающая пятидесятиmillionным трудоспособным населением, насчитывает пятнадцать миллионов безработных — это уже общественная проблема, и в этом случае мы

не можем надеяться на ее решение в сфере возможностей, доступных каждому безработному в отдельности. Нарушена сама структура возможностей. Чтобы правильно сформулировать проблему и определить уровень ее возможных решений, надо принимать во внимание экономические и политические институты общества, а не только личные ситуации и особенности характера отдельно взятых индивидов.

Рассмотрим войну. Во время войны личные проблемы связаны с тем, что каждый решает, как выжить или героически погибнуть, или сделать на ней деньги, или занять тепленькое и безопасное местечко в аппарате военного управления или содействовать завершению войны. Короче говоря, в соответствии со своей шкалой ценностей люди вписываются в особую конфигурацию индивидуальных сред обитания, чтобы там пережить войну или придать смысл своей смерти. Но для решения структурных проблем войны требуется выявление ее причин, изучение того, как и какого рода люди выдвигаются на командные посты, каково ее влияние на экономические, политические, семейные и религиозные институты, а также исследование международных отношений, в которых царят неорганизованность и безответственность.

Рассмотрим семью. Состоя в браке, мужчина и женщина могут испытывать личные трудности, но если за первые четыре года совместной жизни на каждую 1000 браков в среднем приходится 250 разводов, то это является индикатором структурной проблемы, решение которой коренится в самих институтах брака, семьи и других опирающихся на них социальных установлениях.

Или возьмем метрополис — жуткий и прекрасный, безобразный и великолепный большой город-спрут. Для многих представителей высшего класса личное решение «проблемы города» заключается в том, чтобы в самом сердце метрополиса иметь квартиру в доме с подземным гаражом, а за сорок миль от города — дом, построенный по проекту Генри Хилла, сад в стиле Гаррета Экбо*,

- Г. Хилл и Г. Экбо — известные американские архитекторы и дизайнеры.

Разбитый на сотне акров собственной земли. Внутри этих двух сред обитания, контролируемых владельцами с помощью небольшого вертолета и обслуживаемых собственным вертолетом, многие люди могли бы решить массу личных проблем, обусловленных «фактами» города. Однако сколь бы замечательным ни было это решение, оно отнюдь не снимает общественные проблемы, которые порождены городом как структурным фактом. Как следует преобразовывать это удивительное чудовищное создание? Разбить его на отдельные части, совместив место жительства с местом работы? Провести косметические улучшения, ничего не меняя по существу? Или эвакуировав население, взорвать старые города и выстроить новые на новом месте по новому плану? Каким должен быть этот план? И кому делать выбор, принимать решение и воплощать его в жизнь? Это проблемы структурного характера; при их постановке и решении нам нужно учитывать политические и экономические последствия, которые отразятся на несчетном количестве индивидуальных сред жизнедеятельности.

Пока экономика устроена так, что в ней происходят сбои, проблема безработицы не может иметь личностного решения. До тех пор, пока война будет неизбежным спутником системы национальных государств и неравномерного промышленного развития стран мира, простой человек в своей ограниченной индивидуальной среде жизнедеятельности - с психиатрической помощью или без нее — будет бессилен устранить трудности, которые эта система (или отсутствие системы) ему навязывает. До тех пор пока семья как социальный институт превращает женщин в милых рабынь, а мужей - в их повелителей или беспомощных иждивенцев, проблема брака не может быть удовлетворительно решена исключительно частным образом. До тех пор пока сверхразвитые мегаполисы со своими суперсовременными автомобилями будут составлять неотъемлемую часть самого развитого общества, проблемы городской жизни не разрешатся ни с помощью личной одаренности, ни благодаря частному достатку.

Как отмечалось выше, то, что мы переживаем в своих индивидуальных средах жизнедеятельности, часто вызвано структурными изменениями в обществе. Поэтому, чтобы понять изменения, происходящие в отдельных индивидуальных «ячейках», необходимо выйти за их пределы. Тем более что количество и разнообразие структурных изменений растет, поскольку институты, внутри которых мы живем, все шире распространяют свое влияние и связь между ними становится все более тесной. Осознать идею социальной структуры и научиться адекватно применять ее - значит получить возможность проследить связи внутри величайшего многообразия индивидуальных сред жизнедеятельности. Уметь это делать - значит обладать социологическим воображением.

3.

Каковы же главные проблемы нашего общества и какие основные трудности испытывают индивиды? Чтобы определить и те и другие, мы должны, исходя из характеристики основных тенденций современной эпохи, ответить на вопрос, какие ценности раз деляются людьми, но находятся под угрозой, а какие сохраняются и поддерживаются. В обоих случаях необходимо выяснить, какие структурные противоречия могут скрываться за этими процессами».

Когда люди придерживаются неких ценностей и не чувствуют, что им что-либо угрожает, они находятся в состоянии благополучия. Когда люди разделяют определенные ценности, но чувствуют, что им угрожает опасность, они переживают кризис: либо как личные затруднения, либо как общественную проблему. А если людям кажется, что все ценности, которым они привержены, находятся под угрозой, их может охватить паника.

Но представим себе людей, которые не имеют ни одной общей ценности и не чувствуют никакой угрозы. Это состояние ин дифферентности, которое, распространившись на все их ценности, влечет за собой апатию. Представим, наконец, ситуацию, характеризующуюся отсутствием общих ценностей при остром осознании угрозы. Это состояние тревоги, беспокойства, которое, достигнув определенного порога, превращается в нераспознанную смертельную болезнь.

Мы как раз и переживаем время безразличия и тревоги, еще не оформившейся настолько, чтобы дать соответствующую работу разуму и свободу чувствам. Вместо того, чтобы определить наши беды в терминах ценностей и угрожающих им опасностей, мы часто лишь страдаем от смутной тревоги; нет четко сформулированных социальных проблем и на душе неспокойно от того, что все кругом как-то не так. А раз мы не осознаем, что нам дорого, и что именно угрожает нашим ценностям, не может быть и речи о принятии каких-то конкретных решений. Еще меньше оснований говорить о постановке проблем перед социальной наукой.

В тридцатые годы, за исключением находящихся в плену иллюзий определенных деловых кругов, мало кто сомневался в существовании экономических проблем, благодаря которым возникали личные трудности. Среди рассуждений о «кризисе капитализма» формулировки Маркса и его многочисленных непризнанных последователей, пожалуй, содержали наиболее верную трактовку этих проблем, и некоторые люди стали представлять свои личные трудности в марксистской терминологии. Стало ясно, что разделявшиеся всеми ценности оказались под угрозой структурных противоречий, которые также представлялись очевидными. И то и другое глубоко переживалось многими. Это вызывало политические действия.

Однако в послевоенную эпоху оказавшиеся под угрозой ценности многие перестали рассматривать как ценности и ощущать грозящую им опасность. Разнообразные личные тревоги почти не получали резонанса; социальные болезни и решения важных вопросов, имевших огромное значение для структуры общественных отношений, так и не становились предметом обсуждения широкой общественности. Для тех, кто по-прежнему признавал унаследованные от прошлого интеллектуальные ценности и свободу, сама тревога была личной, а безразличие — общественной проблемой. Состояние тревоги и безразличия стало отличительной чертой нашей эпохи.

Все это настолько поразительно, что исследователи часто говорят о принципиальном изменении характера проблем, нуждающихся в артикуляции. Мы постоянно слышим, что решение ключевых проблем нашей эпохи переместилось из внешней среды экономики и теперь связано с качеством жизни отдельного индивида, то есть с вопросом о том, как скоро наступит время, наиболее благоприятное для индивидуального развития личности. Не детский труд, а проблема комиксов, не бедность, а проблема массового досуга находятся теперь в центре внимания. Нередко кажется, что многие крупные общественные проблемы вместе с частными описываются как «психиатрические» вследствие трогательного желания социологов избавиться от обсуждения коренных проблем современного общества.

Часто кажется, что такая постановка вопроса основывается на провинциальной ограниченности интереса истеблишмента исключительно к западному обществу или даже только к Соединенным Штатам. В этом случае игнорируется не только две трети человечества, но нередко произвольно отделяется жизнь индивида от институтов, в рамках которых она протекает, и которые иногда оставляют в ней более глубокий след, чем то непосредственное социальное окружение, в котором проходит детство человека.

Проблемы досуга, например, даже обсуждать не имеет смысла без проблем труда. Без учета бедственного положения, в котором очутилась семья по отношению к новейшим социальным институтам, невозможно проблематизировать беспокойство родителей о влиянии комиксов на детей. Ни досуг, ни его вредные формы нельзя понять как проблему, не учитывая, насколько социальные болезни и безразличие влияют на отношения между людьми и на климат современного американского общества в целом. В этом климате нельзя ни поставить, ни решить ни одной проблемы «частной жизни» без признания кризиса ценностей, охватившего трудовую деятельность людей в условиях экономической экспансии корпораций.

Верно, как об этом без устали говорят психоаналитики, что люди нередко испытывают «растущее ощущение, будто ими движут скрытые внутри них силы, которые они не способны определить». Но неверно утверждать, как это делает

Эрнст Джонс, что «самый опасный враг человека — это его неуправляемая природа и загнанные внутрь темные силы». Напротив, «главная опасность для человека» кроется в неуправляемости сил современного общества с его порождающими отчуждение способами производства, тотальными методами политического господства, анархией в международных отношениях — одним словом, с глубокой трансформацией самой природы человека, условий его существования и жизненных целей.

В настоящее время первостепенная политическая и интеллектуальная задача обществоведа — в данном случае обе задачи совпадают — прояснить элементарные основания сегодняшних тревог людей и безразличия общества. Это главное требование, которое ставят перед ним другие работники сферы культуры — физики и лирики, интеллектуальное сообщество в целом. Думаю, что эти задачи делают социальные науки общим знаменателем нашей культурной эпохи, а социологическое воображение — самым необходимым сегодня качеством интеллекта.

4.

В каждую интеллектуальную эпоху какой-то один стиль мышления стремится определять культурную жизнь. Правда, в наши дни определенные интеллектуальные увлечения ненадолго овладевают умами широкой публики, чтобы через год-два смениться новыми.

Подобная восторженность может добавить живости культурным забавам, но едва ли способна оставить сколь-нибудь заметный след в духовной жизни общества, чего нельзя сказать о таких способах мышления, как «ньютоновская физика» или «дарвиновская биология».

Каждый из этих интеллектуальных универсумов приобрел влияние, далеко выходящее за рамки узкой сферы идей и представлений.

Пользуясь их языком, или производными от него, безвестные исследователи и модные комментаторы открывали новые перспективы, по-новому формулировали интересующие их проблемы.

На протяжении Нового времени физика и биология стали главным общим знаменателем и для серьезных размышлений, и для популярной метафизики в западных обществах. Метод лабораторного эксперимента стал общепринятой процедурой и критерием надежности интеллекта. В этом заключается идея общего интеллектуального знаменателя: в терминах эксперимента можно отстаивать свои самые сильные убеждения; рассуждения в иной терминологии и иных стилях мышления кажутся просто уходом от обсуждения и невежеством.

Разумеется, преобладание какого-то одного общего интеллектуального знаменателя не отрицает существование других стилей мышления и способов восприятия. Просто с его помощью общие интеллектуальные задачи могут быть наиболее четко сформулированы и осмыслены, что если и не приведет крещению какой-либо орнамент, то по крайней мере укажет перспективный путь его поиска.

Думаю, что социологическое воображение становится главным общим знаменателем нашей культурной жизни и ее отличительным признаком. Это качество мышления, хотя и обнаруживается в социальных и психологических науках, выходит далеко за пределы этих дисциплин. Отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто наощупь; многие обществоведы лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что применение такого воображения является основным условием для наилучшего выполнения той работы, которую они могли бы делать; что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин.

В то же время присущие социологическому воображению качества как в

моральном плане, так и в отношении познания фактов социальной действительности регулярно востребуются литературной работе и для политического анализа. Эти качества трансформируются самыми разнообразными способами, став основными свойствами интеллектуальной деятельности и интерпретации процессов в области культуры. Ведущие литературные критики наряду с серьезными журналистами являют примеры этого, когда оценивают работу и тех и других. Популярная критика – как высокая, так и среднего и низкого ранга — во всяком случае сейчас, в одинаковой мере использует социологические и эстетические категории.

Писатели-романисты, чьи серьезные книги воплощают наиболее распространенные концепции человеческой реальности, обычно обладают социологическим воображением и способствуют его распространению. С его помощью многие пытаются понять настоящее в контексте истории. Как только начинает осознаваться противоречивость представлений о «человеческой природе», воз растает потребность в творческом и более пристальном взгляде на рутинный социальный порядок и те катастрофические перемены, которые в наше время общественных волнений и идеологических конфликтов обнажают (и формируют) природу человека. Хотя мода обнаруживается в стремлении ей следовать, социологическое воображение не просто дань моде. Это особое качество мышления и интеллекта, которое, вероятно, обеспечивает наиболее наглядное представление о самых сокровенных областях нашего бытия в их связи с более широкой социальной действительностью. Это не просто одно из выработанных культурой свойств современного разума. Это именно то свойство, более широкое и искусное применение которого открывает возможность всем остальным качествам и фактически самому человеческому разуму играть более важную роль в жизни людей.

Культурное значение физики, старейшего общего знаменателя, все больше ставится под сомнение. Многие приходят к мысли, что физическая наука как стиль интеллектуальной деятельности в чем-то становится неадекватной. Издавна адекватность научного стиля мышления, чувствования, воображения и восприятия была предметом религиозных сомнений и теологических споров. Но наши ученые отцы и прадеды перебороли подобные религиозные представления.

Сегодняшние сомнения - светские и гуманистические - часто затуманивают суть дела. Развитие физики в последние десятилетия, высшим технологическим достижением которой стало создание водородной бомбы и средств ее доставки в любую точку планеты, едва ли воспринимается как решение проблем, над которыми ломали головы поколения интеллектуалов и деятелей культуры. В этих достижениях справедливо видят результат узкоспециальных hqqkednb`mhi, по недоразумению вызвавших у некоторых восхищение.

Они не только не решили имеющихся глобальных проблем, но поставили еще

больше новых, как интеллектуальных, так и моральных, почти целиком относящихся к социальной сфере, а не к естествознанию. Живущие в развитых странах люди понимают, что овладение природой, преодоление голода, холода и нищеты фактически осуществлены, и сейчас среди них крепнет убеждение, что наука, как основное средство овладения природой, утратила ориентиры, определенность целей и нуждается в переоценке.

Характерная для современности уважительная оценка науки долгое время ей только приписывалась, теперь же связанные с ней дух технологизма и инженерное воображение внушают скорее сомнение и страх, чем надежду на прогресс. Разумеется, наука не сводится к технике, но есть опасение, что она может целиком замкнуться на ней. Ощущаемая потребность произвести переоценку физики как науки отражает потребность в новом общекультурном знаменателе.

Комплексной переоценке подвергается значение науки для человека, ее социальная роль, военное и коммерческое применение, политическая значимость. Научные достижения в области ядерных вооружений могут привести к «необходимости» мирового политического переустройства, но такая «необходимость» не может быть реализована именно физикой.

Многое из того, что выдавалось за «науку», теперь кажется сомнительным философствованием; во многом, что считалось «реальной наукой», сейчас видят лишь отражение беспорядочных фрагментов реальности, среди которых живут люди. Широко распространилось мнение, что люди науки больше не стремятся дать целостную картину реальности или выявить истинное предназначение судьбы человечества. Более того, многим наука представляется не столько творчеством и познанием мира, сколько гигантской машиной, управляемой экономистами и военными, приводимой в действие механиками, которые не только не воплощают науку как особый эмос и способ постижения мира, но и не считают ее таковой. В то же время философы, выступающие от имени науки, часто превращают ее в «сциентизм», отождествляя ее опыт с человеческим опытом, и доказывая, что только с помощью научного метода можно решить жизненные проблемы. Учитывая это, многие деятели культуры начинают считать «науку» ложным и претенциозным мессией или по крайней мере весьма сомнительным элементом современной цивилизации.

Но, говоря словами Ч. П. Сноу, существуют «две культуры»: научная и гуманистическая. Будь то история, драма, жизнеописание, поэзия или беллетристика, сущностью гуманистической культуры была и остается литература. Однако сегодня распространяется мнение, будто серьезная литература во многих отношениях стала второстепенным видом искусства. Если это и верно, то причина заключается не только в появлении массового потребителя культуры, укреплении средств массовых коммуникаций и всего

того, что оказывает влияние на производство серьезной литературы. Причину следует искать в исторических особенностях нашего времени, а также в громадной потребности мыслящих людей постичь эти особенности.

Какая книга, статья или картина сравнится с исторической реальностью и фактами современной политической жизни? Может ли изображение ада вселить больший страх, чем эпизоды войн XX века? Какие обличения в безнравственности соизмеримы с моральным бесчувствием людей, осуществляющих первоначальное накопление капитала? Люди стремятся познать социальную и историческую реальность, но часто не находят в современной литературе адекватных инструментов познания. Они жаждут фактов, ищут их, хотя и хотят иметь достоверную «широкую панораму» происходящего, на фоне которой можно понять самих себя. Они также готовы получить ценностные ориентиры, соответствующее мироощущение, эмоциональный настрой и готовые выражения для объяснения своих поступков. Но отыскать все это в современной литературе непросто. Важно не то, можно ли найти в литературе ответы на волнующие многих вопросы, а то, что люди часто их не находят.

В прошлом литераторы выступали в качестве критиков и историков, писали очерки об Англии, рассказывали о путешествиях в Америку.

Они пытались охарактеризовать те или иные общества в целом, раскрыть их нравственный смысл. Живи А. Де Токвиль или И. Тэн в наше время, стали ли бы они социологами? Задавая подобный вопрос о Тэне, обозреватель лондонской газеты «Таймс» (См. Times Literary Supplement. . 15 November.) делает вывод: «Тэн всегда смотрел на человека прежде всего как на социальное животное, а на общество — как на скопление групп людей: он мог подмечать мельчайшие детали, был неутомимым наблюдателем и обладал качеством... особенно ценным для понимания связи между социальными феноменами, - гибкостью мышления. Он слишком интересовался настоящим, чтобы быть историком, был слишком теоретичным, чтобы пробовать себя в качестве писателя, и придавал слишком большое значение литературным произведениям как культурным документам эпохи или страны, чтобы добиваться славы критика... Его труд об английской литературе, посвященный не столько самой литературе, сколько морали английского общества, стал выразителем его позитивизма. Он прежде всего социальный теоретик».

То, что Тэн остался «литератором», а не обществоведом, пожалуй, свидетельствует об одержимости социальной науки XIX века кропотливым поиском «законов», в определенной степени сравнимых с теми, которые, как полагали тогда, уже найдены естествоиспытателями. В обществе, не имеющем адекватной социальной науки, критики и писатели, драматурги и поэты становятся главными, если не единственными, выразителями не только личных, но и общественных тревог. Именно искусство часто отображает подобные чувства

и фокусируется на них – в лучших своих образцах ярко и образно, однако без той интеллектуальной ясности, какая необходима для понимания их причин и способов смягчения.

Искусство не формирует и не может влиять на чувства так, чтобы личные и общественные проблемы представляли в виде задачи, которую люди должны немедленно решать, если хотят преодолеть тревогу и безразличие вместе с таящимися за ними бедами. На самом деле художник редко пытается это сделать. Более того, серьезный художник мучается сам и вправе рассчитывать на некоторую интеллектуальную и культурную помощь со стороны социальных наук, обогащенных социологическим воображением.

5.

В своей книге я намерен раскрыть значение социальных наук для решения стоящих в наше время задач развития культуры. Я бы хотел подробно рассмотреть преимущества, которые сулит нам распространение социологического воображения, показать, какие следствия оно может иметь в политической и культурной жизни, и, может быть, подсказать, что требуется для его использования.

Чтобы осуществить поставленные задачи, я должен прояснить при роду социальных наук, показать, как они применяются в наши дни и дать краткую характеристику их современного состояния в Соединенных Штатах¹.

1 Здесь нужно заметить, что слово «обществоведение» («the social») для меня более предпочтительно, чем «социальные науки» («social sciences»), и не потому, что я не люблю ученых-естественников (напротив, они мне очень импонируют), а потому, что слово «наука» приобрело огромный престиж и весьма неопределенное значение. Мне не хотелось бы покушаться на завоеванный ею престиж или еще более размывать значение слова «наука», употребляя его как философскую метафору. Но я подозреваю, что если бы я писал об «обществоведении», читатель мог бы подумать, что я имею в виду только чиновников высшей школы, ассоциации с которыми из всего того, что составляет систему обучения, мне бы хотелось избежать. Употреблять сочетание «поведенческие науки» просто невозможно, ибо оно было изобретено, я полагаю, как пропагандистский инструмент для выколачивания денег на социальные исследования из руководителей фондов и конгрессменов, которые пугали «Социальные науки» с «социализмом». Наиболее подходящее определение должно включать историю (и психологию — в той мере, в какой она имеет отношение к человеческим существам) и иметь максимально недискуссионное содержание, поскольку мы должны, рассуждая, использовать термины, а не бороться за них. Пожалуй, термин «гуманитарные дисциплины» мог бы удовлетворить этому требованию. Я все же надеюсь, что не введу своих читателей в заблуждение, если буду использовать общепринятый стандартный термин «социальные науки».

И еще одно замечание. Я надеюсь, что мои коллеги благожелательно примут термин «социологическое воображение». Политологи, прочтя эту рукопись, говорили о «политическом воображении», антропологи

- об «антропологическом» и так далее. Термин, вынесенный в название книги, менее значим, чем идея, которая, надеюсь, прояснится в ходе изложения. Применяя его, я, конечно, не свожу социологию только к учебной дисциплине. О многом из того, что я вкладываю в это понятие, писали отнюдь не социологи. В Англии, например, социология как учебная дисциплина по сей

день занимает несколько маргинальное положение, в то время как в английской журналистике, художественной литературе и прежде всего в исторической науке социологическое воображение получило мощное развитие. Сходная ситуация во Франции. Отсутствие междисциплинарных границ и смелость французской послевоенной мысли проистекают из внимания последней к социологическим параметрам человеческой судьбы в наше время. Тем не менее я использую понятие «социологическое воображение» потому, что, во-первых, всякий кулик свое болото хвалит, а я, к добру или к худу, - социолог; во-вторых, я искренне полагаю, что на протяжении истории общественное сознание с большим постоянством и живостью выражалось социологами-классиками, чем представителями других социальных наук; в-третьих, поскольку я собираюсь критически рассмотреть некоторые социологические школы, для обозначения своей позиции мне необходим некий термин, на котором я мог бы основывать свои аргументы.

Разумеется, в любой момент исторического развития «социальные науки» впитывают результаты деятельности тех, кого по праву считают обществоведами. Однако это не означает, что все они занимаются одним и тем же. На самом деле эти ученые исследуют совершенно разные предметы. Кроме того, социальные науки включают в свой оборот и то, что сделали обществоведы прошлого, хотя свои построения они основывали на разных традициях.

Надеюсь, ясно, что, рассуждая о том, «что обещают нам социальные науки», я руководствуюсь собственными представлениями.

Ныне среди обществоведов широко распространена озабоченность, как интеллектуального, так и морального плана, вызванная *mesberetmnpqr|~* в том, в правильном ли направлении ведутся исследования. Думаю, эта озабоченность, усугубляемая другими не благоприятными тенденциями, проистекает из общего болезненного состояния современной интеллектуальной жизни. Вместе с тем, эта озабоченность наиболее остро ощущается именно обществоведами ввиду еще недавно ожидавшейся от них существенной отдачи и самой природой исследуемого предмета и настоятельной необходимостью что-либо сделать для решения актуальных проблем сегодняшнего дня.

Не все разделяют это беспокойство, но сам факт, что его многие игнорируют, порождает еще большее беспокойство людей, у которых хватает честности признать претенциозную посредственность большинства предпринимаемых ныне усилий. Я искренне надеюсь стимулировать эту озабоченность, вскрыть некоторые ее источники, постараться обратить ее в специфическую настоятельную потребность реализовать возлагаемые на социальные науки надежды, прояснить основания для новых начинаний, короче говоря, указать некоторые очередные задачи и доступные средства выполнения той работы, которую необходимо сделать в настоящее время. Нельзя сказать, что концепция

общественной науки, которой я придерживаюсь, переживает подъем. Моя позиция противостоит взгляду на общественную науку как на набор бюрократических процедур, которые опутали социальное познание своими «методами логическими» претензиями, переполняют его схоластическими концепциями и опошляют мелкотемьем, не имеющим отношения к общественно значимым проблемам. Эти пути, схоластичность и пошлость ввели обществоведение в кризисное состояние и не содержат даже намека на пути выхода из него.

Одни ученые ратуют за организацию «узкопрофильных исследовательских команд», другие — за приоритет исследователей-одиночек. Одни затрачивают массу энергии на усовершенствование исследовательских методов и процедур, другие думают о необходимости реабилитировать старых мэтров с их забытыми способами гуманитарных исследований. Одни следуют в своей работе жесткому набору механических процедур, другие стремятся развить и использовать социологическое воображение. Одни, заразившись крайним формализмом чистой теории, разлагают и синтезируют понятия в такой манере, которая другим кажется чудачеством, а те, в свою очередь, берутся за разработку терминов только тогда, когда ясно видят, что они расширят границы познания и* осмысления предмета исследования. Одни ограничиваются изучением мелкомасштабных сфер социальной жизни в надежде на «восхождение» к более крупным структурам, другие тщательно изучают социальные структуры, в которых пытаются «разместить» мельчайшие сферы человеческой жизнедеятельности. Одни, пренебрегая сравнительными исследованиями, занимаются синхронным изучением какой-либо одной общности в конкретной стране, другие, целиком следуя сравнительному методу, непосредственно изучают социальные структуры разных стран мира. Одни ограничиваются скрупулезным установлением связи между сиюминутными событиями, другие занимаются проблемами, которые, возможно, дадут о себе знать лишь в отдаленной исторической перспективе. Одни организуют свою работу строго в соответствии с делением на учебные факультеты, другие, черпая сведения из всех отраслей, специализируются на определенной теме или проблеме, нисколько не заботясь о том, к компетенции какой академической дисциплины относятся их работы.

Одни сопоставляют многообразные факты истории, личных биографий и целых обществ, другие этого не делают.

Эти и многие другие контрасты предпочтений могут не исключать друг друга, хотя в пылу кулуарных баталий и ленивой неуязвимости qoev'h`khg`vhi их нередко принимают за подлинные противоположности. Здесь я даю лишь предварительные формулировки и намерен вернуться к ним в конце книги. К тому времени я надеюсь обнаружить собственные предпочтения и предубеждения, ибо полагаю, что критику нужно выражать открыто. Но,

несмотря на свое особое мнение, я попытаюсь установить культурное и политическое значение общественной науки. Мои пристрастия являются, разумеется, такими же субъективными, как и те, которые я собираюсь критиковать. Пусть тот, кто не разделяет Моих пристрастий, отвергнет их и таким образом выразит и признает свои собственные столь же вразумительно, как это намерен сделать я. Тем самым моральный аспект обществоведения — общественная значимость социальных наук — получит свое признание, что даст возможность для его обсуждения. Это будет способствовать повышению самосознания, которое является необходимым предварительным условием объективности общественной науки как научной дисциплины.

Короче говоря, я считаю, что классический социальный анализ составляет определенный комплекс традиций, которые могут быть осмыслены и использованы, а его существенной особенностью является связь с конкретно-историческими социальными структурами.

Исследуемые с его помощью явления имеют прямое отношение к требующим безотлагательного решения проблемам общества и человека. Кроме того, я считаю, что, несмотря на наличие серьезных препятствий на пути развития этой традиции как в самих социальных науках, так и в соответствующих образовательных и политических установлениях, определенные качества интеллекта, конституирующие ее, постепенно становятся общим знаменателем культурной жизни в целом и что потребность в них, пусть еще смутно и через обманчивую многоликость, начинает осознаваться.

Многие из тех, кто работает в области общественных наук, особенно в Америке, к моему удивлению, отказываются принимать брошенный им вызов. Одни фактически отрекаются от выполнения присущих социальному анализу интеллектуальных и политических задач; другие без тени сомнения просто не готовы к той роли, для которой они предназначены. Иногда кажется, что они едва ли не сознательно прикрываются старыми уловками и выдумывают новые отговорки. И все же, несмотря на отказ, внимание интеллектуалов и широкой общественности сейчас столь явно обращено к многообразию социальных миров, которое они изучают, что нельзя не согласиться с тем, что перед ними возникла уникальная возможность новых открытий. В реализации этой возможности раскрывается интеллектуальное предназначение социальных наук, культурное значение социологического воображения и политическое значение обществоведения — и человековедения.

6.

Мне, как социологу, довольно неловко осознавать, что все печально известные интеллектуальные направления (возможно, за исключением одного), которые я собираюсь критически рассмотреть в следующих главах, принято относить к «области социологии», хотя скрытое в них отречение от политических и культурных задач безусловно присуще и каждодневной научной деятельности пред ставителей других социальных наук. Как бы ни обстояло дело в политологии и антропологии, исторической и экономической науках, очевидно, что в Соединенных Штатах именно то, что понимается под социологией, стало сегодня центром осмысления социальных наук.

Именно социологи усиленно разрабатывают методы исследования и именно они обнаруживают живейший интерес к «общей теории».

Онqhqrhme замечательно разнообразие интеллектуальных направлений, внесших свой вклад в развитие социологической традиции.

Интерпретировать это разнообразие как единую традицию само по себе дерзость. Многие, наверно, согласятся, что все, чем занимаются сегодня социологи, более или менее укладывается в одно из трех направлений, искажение каждого из которых заводит в тупик.

Первое направление ведет к теоретическому осмыслению истории. У О. Конта, например, как и у К. Маркса и М. Вебера, социология представляет собой попытку энциклопедически охватить всю целостность общественной жизни человека. В то же время она является исторической и систематической дисциплиной: исторической, поскольку изучает и использует факты прошлого, а систематической, потому что, занимаясь историей, пытается выде лить «стадии» исторического процесса и повторяющиеся явления социальной жизни.

Теорию исторического процесса легко превратить в транс историческое прокрустово ложе для многообразия фактов челове ческой истории, из которого рождаются пророчества (обычно мрач ные) относительно будущего. Сочинения Арнольда Тойнби и Освальда Шпенглера — хорошо известные тому примеры.

Ч Направление второе ведет к систематической теории «природы человека и общества». Например, начиная с трудов формалистов, в частности Г. Зиммеля и Л. Фон Визе, в социологии стали Разрабатываться концепции, с помощью которых можно было бы классифицировать все социальные отношения и проникать в существо их предполагаемых ин вариантных свойств. Короче говоря, „этому направлению на высоком уровне обобщения свойственно статичное и абстрактное представление о компонентах социальной структуры.

В этом случае отказ от истории можно рассматривать как реакцию на искажения, допущенные первым направлением, однако систематическая теория о сущности

человека и общества также легко может превратиться в доведенный до совершенства бесплодный формализм, где основное внимание уделяется умножению понятий и бесконечному манипулированию ими. У сторонников этого направления, которое я буду называть «Высокой теорией», понятия по существу заменяют действительность. Работы Толкотта Парсонса

- наиболее характерный пример систематической теории в современной американской социологии.

Направление третье — эмпирические исследования социальных фактов и проблем. Несмотря на то, что примерно до 1914 г. столпами американской социальной науки оставались О. Конт и Г. Спенсер, а также на сильное влияние немецкой теоретической традиции, в Соединенных Штатах очень рано ведущее положение заняли эмпирические исследования. Отчасти это явилось результатом более ранней академической институционализации экономики и политической науки. При этом социология, которой отводилось изучение особой сферы общества, среди социальных наук быстро превратилась в своего рода разнорабочего, взяв на себя всевозможные исследования, за которые не брались представители «солидных» дисциплин: исследования города и семьи, расовых и этнических отношений и, конечно, «малых групп». Как мы увидим впоследствии, получившаяся в результате смесь преобразовалась в своеобразный стиль мышления, который я буду называть «либеральным практицизмом».

Изучение современного положения дел легко может обернуться нагромождением не связанных между собой и часто малозначимых фактов о локальных сферах человеческой деятельности. Это дока зывают многие разработанные в Америке учебные курсы по социологии, но, пожалуй, наилучшим примером могут служить учебные курсы по проблемам социальной дезорганизации. В то же время, социологи хотят быть специалистами по методике исследования едва ли не всего, что происходит в обществе, и именно они подняли разработку методов на уровень методологии. Многие работы Джорджа Ландберга, Сэмюэля Стауффера, Стюарта Додда, Пола Лазарсфельда являются примерами этого направления. Склонность заниматься мелочами и культивирование метода ради самого метода хорошо совмещаются, хотя и не всегда идут рука об руку.

Особенности современного состояния социологии можно трактовать как результат искажения одного или нескольких из перечисленных традиционных направлений. Однако и то, что на социологические исследования возлагаются большие надежды, также находит объяснение в русле названных направлений. В настоящее время в Соединенных Штатах происходит нечто вроде эллинистического соединения разнородных элементов и целевых установок, взятых из социологии различных западных обществ. Если от такого изобилия социологических подходов представители других общественных наук начнут проявлять нетерпение, а социологи в ответ постараются всюду поспеть со своими

«исследованиями», то они рискуют выпустить из рук бесценное наследие прошлых поколений. Однако такое положение дел заключает в себе и определенные возможности, поскольку в социологической традиции наилучшим образом представлена перспектива дальнейшего развития социальных наук в целом и некоторых уже имеющихся достижений. Невозможно в нескольких словах описать все, что может дать изучение традиционных направлений социологии, но любой ученый, взявший на вооружение накопленные знания, будет щедро вознагражден.

Овладение этими знаниями поможет открыть новые ориентиры для конкретной работы на ниве социальных наук.

К вопросу о том, какие перспективы открывают перед нами социальные науки, я вернусь (в главах 7 — 10) после того, как подробно рассмотрю некоторые из наиболее распространенных заблуждений социологов (в главах 2 — 6).

2. «Высокая теория»

В качестве типичного примера «Высокой теории» рассмотрим некоторые положения из «Социальной системы» Толкотта Парсонса.

По распространенному мнению, это весьма важная книга, написанная наиболее выдающимся представителем этого интеллектуального стиля.

«Элемент общепризнанной символической системы, представляющий собой критерий или стандарт отбора альтернатив ориентации, которые внутренне полагаются ситуацией, можно назвать ценностью... Но от этого мотивационно-ориентационного аспекта тотальности действия, ввиду той роли, которую играют символические системы, необходимо отличать «ценностно-ориентационный» аспект. Этот аспект имеет отношение не к тому, как ожидаемое положение дел может повлиять на баланс вознаграждений-деприваций актора, а к содержанию самих стандартов отбора. При таком подходе понятие ценностных ориентации является логическим инструментом для формулирования одного из основных аспектов артикуляции культурных традиций в системе действия.

Из производной природы нормативной ориентации и той роли, которую ценности, как показано выше, играют в действии, следует, что во всех ценностях присутствует то, что можно назвать социальной референцией... Одним словом, «нормативная ориентированность» действия внутренне присуща самой системе действия. Это вытекает, как было показано, из понятия ожиданий и его места в теории действия, в особенности в «активной» фазе, в которой актор преследует свои цели. Далее, ожидания в сочетании с тем, что выше я называл «двойной контингентностью» процесса взаимодействия, порождают принципиально важную проблему порядка.

В свою очередь, в этой проблеме можно различить два аспекта: порядок в обеспечивающих возможность коммуникации символических системах и порядок во взаимности мотивационной ориентации на нормативный аспект ожиданий — гоффсову проблему порядка.

Проблема порядка и, тем самым, проблема природы интеграции стабильных систем социального взаимодействия, то есть социальной структуры, сводится, таким образом, к интегрированию мотивов акторов с нормативными культурными стандартами, интегрирующими систему действия в данном случае на межличностном уровне. Эти стандарты являются, в терминологии предыдущей главы, типовыми образцами ценностных ориентации и в этом своем качестве составляют принципиально важный компонент культурной традиции социальной системы»¹.

¹ Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1951. P. 12, 36 - 37. ‘Pronunciamentos (ucn.) — торжественное обнародование доктрины личных заслуг.

Если некоторые читатели почувствовали желание немедленно перейти к следующей главе, надеюсь, они не поддадутся этому. Как процесс сочетания и различения понятий, «Высокая теория» все же заслуживает внимания. Правда, она не получила такого значительного влияния, как рассматриваемое в следующей главе «методологическое самоограничение», поскольку возможность использования «Высокой теории» как особого стиля научной работы довольно ограничена. Это объясняется тем, что ее весьма нелегко понять, и может возникнуть подозрение, что она вообще непостижима. Непонятность обеспечивает ей надежную защиту, однако по этой же причине ее *pronunciamientos**, предпринимающиеся с целью повлиять на исследовательскую манеру обществоведов, не достигают успеха. Не ради забавы, а следуя фактам, мы должны признать, что среди обществоведов продукция «Высокой теории» воспринимается неоднозначно.

По крайней мере для некоторых, кто претендует на ее понимание, и для тех, кому она нравится, «Высокая теория» являет собой одно из величайших достижений во всей истории общественной науки.

Для других, которые тоже претендуют на ее понимание, но которым она не по вкусу, эта теория представляется неуклюжей высокопарной бессмыслицей. (Таких очень немного, хотя бы потому, что неприязнь и отсутствие терпения отвращают от попыток распутывать «Высокую теорию».)

Для тех, кто не претендует на ее понимание, но кому она очень нравится — а таких довольно много — «Высокая теория» служит волшебным лабиринтом, чарующим именно своей восхитительной непостижимостью.

Те же, кто не претендует на понимание «Высокой теории» и не любит ее, если им хватает духу стоять на своем, почувствуют, что «король-то голый».

Разумеется, многие высказывают свои взгляды, но еще больше тех, кто сохраняет молчаливый нейтралитет в ожидании, не принесет ли «Высокая теория» значимые с профессиональной точки зрения результаты, если вообще следует их ждать. И, хотя это может показаться крамолрой, многие обществоведы ничего не знают о ней, либо знают понаслышке.

Закономерно возникает неприятный вопрос о вразумительности «Высокой теории», который, конечно же, выходит за рамки самой теории¹.

¹ См.: Приложение, раздел 5.

Однако адепты столь сильно увлечены ею, что, боюсь, нам остается только выяснить, является ли «Высокая теория» простым нагромождением слов или в ней все-таки содержится рациональное зерно. Думаю, рациональное зерно есть, но оно очень глубоко зарыто. Поэтому мы поставим вопрос следующим образом: если из «Высокой теории» убрать все, препятствующее ее пониманию, что же можно узнать из нее, иными словами, о чем собственно говоря, там идет речь?

1.

Есть только один способ ответить на этот вопрос: «перевести» один из фрагментов этого стиля мышления, а затем разобраться в «переводе». Выше я уже привел такой отрывок. Хочу только отметить, что не стремлюсь оценивать парсонсовское творчество в целом. Если я и буду обращаться к другим его сочинениям, то только за тем, чтобы с наименьшими издержками прояснить некоторые моменты, содержащиеся в «Социальной системе». Переводя текст «Социальной системы» на английский язык, я не претендую на совершенство перевода, но постараюсь не упустить ничего того, что выражено в книге ясно и отчетливо. При этом я утверждаю, что только то, что сказано ясно, является и вразумительным. В частности, я попытаюсь отсортировать содержательные утверждения от словесной игры. Сделать это важно, поскольку неразличение этих элементов фатально для понимания текста. Чтобы наглядно это продемонстрировать, я сначала приведу несколько фрагментов перевода, а далее предложу два варианта сокращенного перевода всей книги.

Перевод приведенного в начале главы отрывка выглядит следующим образом: «Люди часто придерживаются определенных стандартов и ожидают, что и другие будут им следовать. В той мере, в какой они это делают, данное общество может быть упорядоченным».

Парсонс пишет:

«В свою очередь существует двойная структура этого «связывания».

Во-первых, благодаря интернализации стандарта конформность приобретает для «Эго» личностную, экспрессивную и (или) инструментальную значимость. Во-вторых, структурирование реакций «другого» как санкций на действия «Эго» являет собой функцию его конформности относительно стандарта. Поэтому конформность как прямой путь удовлетворения собственных потребностей-диспозиций имеет тенденцию к сочетанию с конформностью как условием получения благоприятных и ухода от неблагоприятных реакций со стороны других. В той мере, в какой, по отношению к действиям некоторого множества акторов, подчинение «ценностно-ориентационным стандартам» отвечает обоим критериям, то есть, когда с точки зрения любого действующего в этой системе актора конформность является одновременно и способом удовлетворения собственных потребностей-диспозиций, и условием «оптимизации» реакций других значимых акторов, такой стандарт может быть назван «институционализированным».

Понимаемый таким образом ценностный стандарт всегда институционализируется в контексте взаимодействия. Вот почему система ожиданий всегда совмещает в себе два интегрированных по отношению к нему аспекта. С одной стороны, имеются ожидания, которые содержат и отчасти

устанавливают стандарты поведения «Эго», актора, взятого в качестве исходной точки, — это «ролевые ожидания». С другой стороны, с точки зрения этого актора, имеется некоторый набор ожиданий относительно контингентно вероятных ответных реакций со стороны «других»; последние будут $m'g\{b'r|q$ «санкциями», которые, в свою очередь могут подразделяться на позитивные и негативные в зависимости от того, воспринимает их актор как влекущие за собой поощрения или, наоборот, как депривацию. Поэтому между ролевыми ожиданиями и санкциями устанавливаются отчетливые взаимные отношения. Что для «Эго» санкции, для «другого» — ролевые ожидания, и наоборот.

Роль, следовательно, является одним из секторов тотальной системы ориентации индивидуального актора, которая формируется относительно ожиданий в специфическом контексте взаимодействия, то есть интегрирована в специфический набор ценностных ориентации, управляющих взаимодействием с одним или более «другими» во взаимодополняющих ролях. Эти «другие» не обязательно составляют определенную группу индивидов, но могут включать любого «другого», если и когда последний вступает в особенное дополнительное отношение взаимодействия с «Эго», для которого характерна взаимность ожиданий относительно общих стандартов ценностных ориентации.

Явно, что степень институционализации тех или иных совокупностей ролевых ожиданий и соответствующих им санкций может быть разной.

Эта степень является функцией переменных двух видов: с одной стороны, тех, которые воздействуют на актуальное принятие стандартных ценностных ориентации, а с другой - тех, которые детерминируют мотивационную ориентацию или сознательную готовность следовать соответствующим ожиданиям. Как мы увидим, через оба эти канала на степень институционализации влияют самые различные факторы. Прямую противоположность полной институционализации составляет аномия, то есть отсутствие структурной дополненности в процессе взаимодействия, или, что то же самое, полное разрушение нормативного порядка в обоих указанных смыслах. Аномия, однако, является предельным понятием, которое не применимо для описания какой-либо конкретной социальной системы. Как и в случае с институционализацией, можно говорить лишь о степени аномии. Последняя является обратной стороной институционализации.

Институт можно определить как комплекс институционализированных интегративных ролей, имеющий стратегическую структурную значимость для конкретной социальной системы. Институт следует рассматривать как социально-структурную единицу более высокого порядка, чем роль, поскольку он состоит из множества взаимозависимых ролевых образцов и их компонентов»¹.

¹ Parsons T. Op. Cit. P.

Изложим то же самое другими словами. Люди действуют либо совместно с другими людьми, либо против них. Каждый учитывает ожидания других. Когда такие взаимные ожидания достаточно определены и устойчивы, мы называем их стандартами. Кроме того, каждый ожидает реакции других на свои действия. Эти ожидаемые реакции мы называем санкциями. Некоторые из них кажутся нам поощряющими, другие - нет. Когда люди руководствуются стандартами и санкциями, можно сказать, что они вместе играют свои роли. Это – удобная метафора. В самом деле, то, что мы называем институтом, пожалуй, лучше всего определить как более или менее устойчивый набор ролей. Когда внутри некоторого института, или в пределах состоящего из таких институтов общества, стандарты и санкции перестают сдерживать людей, мы можем говорить, вслед за Дюркгеймом, об аномии. Таким образом, на одном полюсе институты со строго упорядоченными и приведенными в полное соответствие стандартами и санкциями, а на другом — аномия, о которой Йитс говорил как об отсутствии «центров» и которую я называю разрушением нормативного порядка.

Должен признать, что мой перевод не совсем точен. Отчасти положение спасает тот факт, что в тексте содержались очень хорошие мысли. В самом деле, многие идеи «Высоких теоретиков» при переформулировании оказываются более или менее стандартными положениями, которые можно найти во многих учебниках по социологии. Однако, что касается «институтов», то приведенное выше определение не совсем полное. Поэтому к нашему переводу нужно добавить, что роли, составляющие институты обычно не являются просто одним большим «взаимодополнением» «общепринятых ожиданий». Вспомните службу в армии, работу на заводе или, наконец, семью. Все это суть институты. Тем, кто находится внутри них кажется, что соответствовать ожиданиям некоторых людей важнее, чем ожиданиям всех остальных. Это происходит потому, что они, как говорят, «имеют больше власти». Или изъясняясь более социологически, институт представляет собой совокупность ролей, упорядоченных по авторитету. Парсонс пишет: «С точки зрения мотивации приверженность общим ценностям означает, что при поддержке данных ценностных стандартов акторы разделяют общие «чувства», смысл которых заключается в том, что подчинение релевантным ожиданиям трактуется как «благо» сравнительно независимо от любого специфически инструментального «преимущества», извлекаемого из конформности, например, неприятия негативных санкций. Более того, приверженность общим ценностям, хотя и может соответствовать удовлетворению непосредственных потребностей актора, всегда имеет некоторый «моральный» аспект, и в этом плане конформность в известной мере определяет «сферы ответственности» актора в более широких, а именно социальных системах действия, в которых он участвует.

Очевидно, что специфической сферой ответственности является коллективность, конституируемая особой общей ценностной ориентацией.

При этом, совершенно ясно, что «чувства», которые испытывают люди, поддерживающие подобные общие ценности, по своей специфической структуре обычно не являются выражением конституциональных предрасположенностей организма. Они при обретаются путем воспитания и обучения либо достигаются личными усилиями. Более того, роль, которую играют эти «чувства» в ориентировании действия, не совпадает, по преимуществу, с ролью культовых объектов, которые должны быть опознаны и к которым следует «приспособиться», скорее, речь идет о роли типовых образцов культуры, которые должны быть интернализованы; они конституируют часть структуры личностной системы самого актора.

Эти «чувства», которые можно назвать «ценностными установками», являются, таким образом, внутренними потребностями-диспозициями личности. Только посредством интернализации

институционализированных ценностей осуществляется подлинная мотивационная интеграция поведения в социальной структуре, и для того, чтобы выдержать ролевые ожидания, мобилизуются «глубинные» уровни мотивации. Только когда этот процесс достигает определенного уровня, можно говорить о высокой степени интегрированности некоторой социальной системы и о примерном* совпадении интересов коллективного образования и частных интересов его членов.

Интеграция совокупности общих ценностных образцов с интернализованной потребностно-диспозиционной структурой конституирующих общество лиц является ключевым феноменом динамики социальных систем. Если не принимать во внимание процесс самых незначительных взаимодействий, стабильность любой социальной системы зависит от степени такой интеграции -это положение можно назвать фундаментальной динамической теоремой социологии. Это *по сути* точка всякого анализа, претендующего на рассмотрение динамики социальных процессов».

„Примечание Парсонса: «Полное совпадение следует считать предельным случаем подобно пресловутому вечному двигателю. Хотя абсолютную интеграцию социальной системы мотивации с полностью согласованным набором типовых образцов культуры эмпирически наблюдать невозможно, понятие подобным образом интегрированной социальной системы имеет важное теоретическое значение»¹.

¹ Ibid. P. 41 -42. 42

Поясним то же самое другими словами. Когда люди придерживаются одних и тех же ценностей, они склонны вести себя так, как того от них ожидают другие. Более того, они часто считают такую конформность самым благим делом даже тогда, когда она, казалось бы, противоречит их непосредственным интересам. То обстоятельство, что общие ценности воспитываются, а не наследуются, совсем не умаляет их значение для мотивации поведения и образа мыслей человека. Напротив, они становятся частью самой личности и в этом качестве соединяют людей в общество, поскольку социальные ожидания становятся индивидуальной потребностью. Это настолько важно для стабильности любой социальной системы, что я буду прибегать к нему в качестве главной отправной точки всякий раз, когда буду анализировать какое-нибудь общество как функционирующую систему».

Мне кажется, аналогичным образом пятасотпятидесятипятистраничную «Социальную систему» можно было бы перевести на вразумительный английский язык на 150 страниц. При этом книга не представляла бы ничего особенного. Однако в ней бы использовалась терминология, способствующая наиболее ясному пониманию изложенных ключевых проблем и путей их решения. Конечно, любой замысел, любую книгу можно выразить как в одном предложении, так и растянуть на двадцать томов. Вопрос заключается в том, насколько пространным должно быть изложение, чтобы развернуть ту или иную конкретную мысль, и насколько важной представляется эта мысль: в какой мере она позволяет осмыслить наш собственный жизненный опыт и насколько широк круг тех проблем, которые она помогает решать или хотя бы сформулировать.

Изложить парсонсовскую книгу в двух-трех фразах можно, например, следующим образом. «Нас спрашивают: каковы основы социального порядка? Ответ, по всей видимости, таков: общепринятые ценности». И это все, о чем говорится в книге? Конечно нет, но это - главное. Разве это не так? Разве нельзя подобным же образом переложить любую книгу? Конечно, можно. Моя книга* может быть препарирована точно так же: «Кто, в конце концов, правит Америкой? - Никто полновластно не правит, но если какая-то группа и правит, то это — властвующая элита». А вот книга, которую вы держите в руках: «Что должны изучать социальные науки? — Они должны изучать человека и общество; иногда они этим и занимаются. Они пытаются помочь нам понять жизнь отдельного индивида и историю, понять связь между ними, проявляющуюся в разнообразии социальных структур».

- Имеется в виду книга Ч. Райта Миллса «Властвующая элита». - Прим. Ред.

Дадим перевод парсонсовской книги в четырех абзацах.

Вообразим себе нечто, что можно назвать «социальной системой», в которой индивиды действуют с ориентацией друг на друга. Многие их действия до некоторой степени упорядочены, ибо индивиды в этой системе имеют общие ценностные стандарты и соответствующие $jnmjperm\{e$ способы практической деятельности. Некоторые из этих стандартов мы можем назвать нормами. Действующие в соответствии с нормами индивиды в сходной ситуации скорее всего будут действовать аналогичным образом. В той мере, в какой это соблюдается, существуют «социальные регулярности», которые обычно можно наблюдать в течение весьма продолжительного времени. Устойчивые во времени регулярности я буду называть «структурными». Все входящие в социальную систему структурные регулярности можно рассматривать как всеобъемлющее, чрезвычайно сложное равновесие. О том, что это метафора, я собираюсь забыть, потому что хочу, чтобы читатель вполне реально воспринимал употребляемое мной понятие «социальное равновесие».

Существуют два основных механизма, поддерживающие равновесие в обществе. Если один из них или оба не срабатывают, равновесие нарушается. Первый, механизм «социализации», включает в себя все обстоятельства и условия, при которых новорожденный превращается в социальную личность. Часть социального утверждения личности заключается в усвоении ею мотивов для выполнения требуемых или ожидаемых от нее другими социальных действий. Второй — механизм «социального контроля», под которым я понимаю все способы поддержания порядка в обществе и посредством чего люди сами держатся в определенных рамках. Под «рамками» я, разумеется, имею в виду любые типичные действия, ожидаемые и одобряемые в социальной системе.

Первая задача по поддержке социального равновесия заключается в том, чтобы заставить людей добровольно делать то, что требуется и ожидается от них. Если это не удастся, появляется вторая задача — другими средствами заставить их делать то, «что положено». Классификация и определение способов социального контроля лучше всего сформулированы Максом Вебером, и мне по существу нечего добавить к тому, что хорошо изложено им и некоторыми другими авторами.

Однако меня несколько смущает следующее. Как возможно, чтобы в условиях социального равновесия, поддерживаемого всеми механизмами социализации и социального контроля, кто-нибудь делал не то, «что положено»? Толком в терминах моей Систематической и Общей Теории Социальной Системы я не могу этого объяснить. Есть и другой пункт, который я не до конца прояснил для себя: чем объяснить социальные изменения, то есть историю? Единственное, что я могу порекомендовать тем, кто столкнется с этими проблемами, — попробовать провести эмпирическое исследование.

Пожалуй, сказанного достаточно. Разумеется, можно дать и более полную трактовку, но «более полная» не обязательно значит «более адекватная». Поэтому я приглашаю читателя самому полистать «Социальную систему» и найти в ней что-нибудь еще. Теперь поставим перед собой три задачи: во-первых, охарактеризовать логический стиль мышления, представленный «Высокой теорией»; во-вторых, развеять общее недоразумение на конкретном примере; в-третьих, показать, как сейчас большинство обществоведов ставят и решают парсонсовскую проблему порядка. Тем самым я намерен помочь представителям «Высокой теории» спуститься с их заоблачных высот.

2.

Обществоведы делятся не на бездумных наблюдателей и не наблюдающих мыслителей, различия между обществоведами скорее касаются того, как они мыслят, как наблюдают и как связывают (если вообще связывают) свои мысли и наблюдения.

Главный признак «Высокой теории» заключается в исходной ориентации на столь общий уровень рассуждений, что снизить до наблюдений становится логически невозможным. Оставаясь в рамках «Высокой теории», ее последователи никак не могут спуститься с высот своих генерализаций и рассмотреть конкретные проблемы в их историческом и структурном контекстах. Из-за неспособности этих ученых видеть подлинные проблемы реальность практически исчезает со страниц их трудов, в результате чего начинает преобладать надуманная и нескончаемая проработка дефиниций, которые не расширяют наше познание и не способствуют лучшему осознанию собственного опыта. Это, в свою очередь, находит выражение в частично организованном отречении от какой-либо попытки дать ясное описание и объяснение поведения человека и общества.

Когда мы выясняем, что обозначает то или иное слово, мы имеем дело с его семантикой; когда мы рассматриваем его в соотношении с другими словами, мы имеем дело с его синтаксическими свойствами¹.

¹ Кроме того, мы можем изучать слово с точки зрения того, кто его использует — так возникает прагматический аспект, который нас здесь не интересует. Таковы три «измерения значения», которые столь четко выделил Чарльз Моррис в своей очень полезной книге «Основания теории знаков» (Morris Ch. Foundation of the Theory of Signs // International Encyclopedia of United Science.

Vol. 1. No. 2. University of Chicago Press, 1938.

Я использую здесь эти узко специальные термины потому, что они позволяют коротко и точно выразить мою мысль: «Высокая теория» настолько упивается синтаксисом, что остается слепа к семантике.

Ее сторонники действительно не понимают, что, когда мы даем определение какому-то слову, то просто предлагаем другим употреблять его так, как нам бы того хотелось; что цель определения заключается в том, чтобы сфокусировать внимание на факте, и что искомый результат поисков точного определения заключается в том, чтобы превратить спор о терминах в дискуссию о фактах и, таким образом, открыть путь дальнейшему познанию.

Представители «Высокой теории» настолько поглощены синтаксическими построениями и мало заботятся о соотношении их семантики с реальностью, настолько жестко ограничивают себя высокими уровнями абстракции, что их «типологии», и вся работа по их построению, представляются скорее бесплодной игрой в понятия, чем попыткой систематически, то есть ясно и последовательно, определять насущные проблемы и направить усилия на их решение.

Можно извлечь немало поучительного из того обстоятельства, что «Высокие теоретики» систематически забывают о том, что каждый ответственный и мыслящий человек должен постоянно отдавать себе отчет, а следовательно, уметь контролировать, уровень абстракции, на котором он работает. Способность легко и с полной ясностью переходить с одного уровня абстракции на другой является отличительной чертой творческого и систематического мышления.

Вокруг таких терминов, как «капитализм», «средний класс», «бюрократия», «властвующая элита», «тоталитарная демократия», образуется множество затемняющих смысл коннотаций, которые при употреблении этих терминов должны тщательно отслеживаться и контролироваться. Подобные термины всегда «нагружены» как комплексами фактов и отношений, так и простыми догадками и непроверенными наблюдениями. Давая определения и употребляя подобные термины, мы должны тщательно все прояснять и просеивать.

Чтобы выявить синтаксические и семантические свойства подобных понятий, мы должны четко представлять себе соотносящуюся с ними иерархию значений по степени конкретности и уметь учитывать все уровни этой иерархии. Мы должны ответить на вопрос: действительно ли мы понимаем под «капитализмом», как это мы намереваемся делать, только тот факт, что все средства производства находятся в частной собственности? Или мы также хотим включить в содержание этого термина более далеко идущую идею свободного рынка как механизма, определяющего уровень цен, зарплат и прибыли? И в какой степени этот термин, по определению, допускает, наряду с выводами об экономических институтах, выводы, касающиеся политического режима.

Я полагаю, что подобные установки сознания открывают путь систематическому

мышлению, тогда как их отсутствие приводит к фетишизации термина «Понятие». К чему это может привести, возможно, станет яснее, когда мы рассмотрим, теперь уже более подробно, главное заблуждение Парсонса.

3.

Претендуя на разработку «общей социологической теории», представители «Высокой теории» наделе творят мир понятий, из которого изгоняются многие структурные характеристики человеческого общества, которые долгое время и совершенно справедливо признавались фундаментальными для его понимания. Возможно, это делается преднамеренно, чтобы придать социологической деятельности специализированный облик, отграничив его от того, чем занимаются экономисты и политологи. Социология, по Парсонсу, должна изучать «тот аспект теории социальных систем, который касается явлений институционализации типовых образцов ценностных ориентации в социальной системе, условий этой институционализации, изменений этих типовых образцов, условий конформности и девиации относительно совокупности типовых образцов, а также мотивационных процессов в той мере, в какой последние включены во все перечисленные выше явления»¹. Если переформулировать и очистить это определение от неявных допущений, как того требует всякое определение, его можно прочесть следующим образом: социологи моего круга могли бы выяснять и изучать, что хотят и чем дорожат люди. Мы бы также хотели установить причины разнообразия ценностей и их изменений. Если действительно обнаруживается более или менее однородная совокупность ценностей, мы хотели бы установить, почему одни люди принимают их, а другие нет.

Как отмечал Дэвид Локвуд², подобные утверждения избавляют социолога от всякого соприкосновения с «властью», экономическими и политическими институтами. Я бы высказался еще более определенно. Приведенное утверждение, а на деле, и вся парсон-совская книга, относятся скорее к тому, что традиционно называли «легитимацией», чем к каким-либо институтам. Результат, я думаю, должен заключаться в том, чтобы превратить все институциональные структуры в своего рода моральную сферу или, точнее, в то, что можно назвать «сферой символов»³. Чтобы прояснить это утверждение, я, во-первых, попытаюсь дать некоторые разъяснения относительно этой сферы, во-вторых, обсудить приписываемую ей автономность и, в-третьих, показать, что парсонсовские концептуализации крайне затрудняют саму постановку некоторых наиболее важных проблем социальной структуры.

Власть имущие пытаются оправдать свое господство над институтами, представляя его якобы необходимым следствием широко распространенных верований в моральные символы, священные

1 Parsons T. Op. Cit. P. 552.

2См. Прекрасную публикацию Д. Локвуда (Lockwood D. Some remarks on “The Social System” // The British Journal of Sociology. Vol.

VII. 2 June 1956).

3 Gerth H. H., Mills C. W. Character and Social Structure. New York: Harcourt, Brace & Co., 1953. . 274 – 277. Фрагменты этой книги я использую также в главе 5.

эмблемы и юридические формулы. Перечисленные виды социальных концепций могут относиться к богу или богам, «голосам большинства избирателей», «воле народа», «аристократии таланта и богатства», «божественному праву монарха» или якобы сверхъестественным дарованиям самого правителя. Социологи называют вслед за М. Вебером подобные понятия «легитимациями», или иногда «символами оправдания».

Для обозначения аналогичных реалий мыслители пользовались разными терминами: Г. Моска говорил о «политической формуле» и «великих предрассудках», Дж. Локк — о «принципе суверенитета», Ж. Сорель — о «господствующем мифе», Т. Арнольд — о «фольклоре», М. Вебер — о «легитимации», Э. Дюркгейм — о «коллективных представлениях», К. Маркс — о «господствующих идеях», Ж.-Ж.

Руссо — о «всеобщей воле», Г. Лассуэлл — о «символах власти», Э.

Маннгейм - об «идеологии», Г. Спенсер - об «общественном чувстве». Все эти термины и большое количество им подобных свидетельствуют о том, какое важное место в общественной науке занимают символы господства.

Аналогичным образом в психологическом анализе символы господства, возобладавшие над частной сферой, выступают в качестве объяснений и даже мотивов, побуждающих индивида к исполнению определенных ролей и их санкционирующих. Если, на пример, экономические институты получают общественное признание посредством названных символов, то ссылка на личный интерес может стать приемлемым оправданием индивидуального действия. Но, если возникает общественная необходимость оправдывать эти же институты в терминах «служения обществу и выполнения долга», прежние мотивы и рассуждения, опирающиеся на личную, заинтересованность, могут породить у капиталистов чувство вины или, по крайней мере, беспокойство. Легитимации, получающие общественное оправдание, закономерно становятся признанными формами личной мотивации.

Таким образом, то, что Парсонс и другие сторонники «Высокой теории» называют «ценностными ориентациями» и «нормативной структурой», относится, главным образом, к легитимирующим символам господства. Безусловно, это полезный и важный предмет исследований. Изучение отношений этих символов к структуре институтов входит в число наиболее важных проблем общественной науки. Однако эти символы не образуют какой-либо автономной сферы внутри общества. Социальная природа символов раскрывается в их использовании для оправдания или критики существующих подсистем общества и отдельных позиций внутри них.

Психологическая природа символов господства проявляется в том, что они становятся основой как для приверженности к власти, так и для оппозиции.

Мы не можем утверждать, что для предотвращения распада социальной структуры должен преобладать какой-то комплекс ценностей или легитимации. Нельзя также считать, что социальная структура должна быть связана или объединена какой-либо «нормативной структурой». И уж, конечно, нельзя просто утверждать, что подобная «нормативная структура», какой бы влиятельной она не была, в каком-либо смысле является автономной. На самом деле очевидно, что для современных западных обществ, и, в особенности, для Соединенных Штатов, более верны как раз обратные утверждения. Часто — хотя это и не относится к послевоенным Соединенным Штатам — возникают очень хорошо организованные символы оппозиции, которые используются для оправдания мятежных движений и свержения правящих режимов.

Преимственность американской политической системы совершенно уникальна, угроза внутреннего насильственного вмешательства в нее наблюдалась всего один раз. Возможно, наряду с другими, этот факт ввел Парсонса в заблуждение относительно «нормативной структуры ценностных ориентации».

Истоки государственного правления вовсе не обязательно, как полагал Р. Эмерсон, коренятся в моральной природе людей. Верить в это — значит смешивать формы легитимации с ее причинами. Столь же часто, даже в большинстве случаев, моральное самосознание людей в определенном обществе зиждется на тех символах господства, которые официальные власти успешно монополизируют и даже навязывают обществу.

Сто лет назад эту тему уже плодотворно обсуждали те, кто верил в самоопределение символических сфер и в то, что «ценности» на самом деле могут господствовать в истории. Оправдывающие власть символы отрывались от конкретных личностей и социальных слоев, непосредственно наделенных этой властью. Тогда полагали, что правят идеи, а не пользующиеся идеями социальные слои и отдельные личности. Чтобы придать сменяющим друг друга символам видимость преемственности, их представляли так, будто Они как-то связаны между собой, и, таким образом, рассматривали как «самоопределяющиеся». Чтобы придать этому странному представлению больше правдоподобия, символы часто «персонифицируются», или им придается «самосознание». При этом они уже воспринимаются как «Идеи истории» или как ряд «философов», чьими мыслями направляются движущие силы институционального развития.

Можно еще добавить, перефразируя высказывание Маркса и Энгельса по поводу Гегеля, что Идея нормативного порядка становится фетишем¹.

Если «ценности» не оправдывают общественные институты и не побуждают индивидов к выполнению институционализированных ролей, они не представляют интереса ни с исторической, ни с социологической точек зрения, сколь бы важным ни было их значение для индивидуальных сфер деятельности.

Разумеется, между оправдывающими порядок символами, официальными институтами власти и законопослушными гражданами происходит взаимодействие.

Иногда мы без колебаний должны приписывать действию символов господства свойство причинности, но неправомерно возводить эту идею в конкретную теорию социального порядка, объясняющую как может быть достигнуто единство общества. Далее мы увидим, что есть более адекватные способы конструирования «единства», более пригодные для постановки актуальных проблем социальной структуры и использования эмпирических данных.

Если мы хотим составить себе представление о том, что такое «общие ценности», нужно изучить, как в различных социальных структурах легитимируется институциональный порядок вместо того, чтобы пытаться сначала постичь ценности, а затем из них «объяс нять» из чего состоит общество и что его объединяет². Мы можем, я полагаю, говорить об «общих ценностях» там, где большинство 1 См.: Marx K., Engels F. *The German Ideology*. New York: International Publishers, 1939. . 42ff.

2 Более подробный эмпирический анализ «ценностей», которые стре мятся, в частности, афишировать американские бизнесмены, содер жится в публикации Каттона, Харриса, Кейсена и Тобина (Sutton H., Kaysen, T. *The American Business Creed*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956.

членов институционального порядка признают его легитимным, когда с помощью конкретной легитимации успешно достигается повиновение или, по крайней мере, сдерживается недовольство. В этом случае символы используются при «определении ситуаций», выражающих конкретные роли, и служат той меркой, по которой оценивают лидеров и их последователей. Естественно, что социальные структуры, располагающие универсальными основополагающими ценностями, являют собой предельные «чистые» типы.

На другом конце шкалы находятся общества, в которых доминирующий комплекс институтов, осуществляя тотальный контроль над обществом, навязывает свои ценности с помощью насилия или угрозы его применения. Это не обязательно ведет к распаду социальной структуры, поскольку действия людей могут эффективно обуславливаться формальной дисциплиной, и иногда, если они не принимают институциональные требования соблюдать дисциплину, у них может не оказаться шансов на выживание.

«Хороший журналист, работающий на реакционную газету, например, может ради заработка и сохранения места подчиняться хозяйским требованиям. В душе и за пределами редакции, он может быть агитатором-радикалом. Многие немецкие социалисты позволили себе стать дисциплинированными солдатами и воевать под знаменами кайзера, несмотря на то, что субъективно они придерживались революционных марксистских ценностей. Между символами и человеческим поведением пролегает большая дистанция и не всякая интерфация базируется исключительно на символах»¹.

¹ Gerth H. H., Mills C. W. Op. Cit. P. 300. 52

Подчеркивать наличие такого ценностного конфликта не значит отрицать «силу рациональных соответствий». Расхождения между словом и делом встречаются часто, но столь же часто проявляется и тяга к соответствию. Какое явление доминирует в данном конкретном обществе, нельзя решить а priori, основываясь на «человеческой природе», «принципах социологии» или велении «Высокой теории». Можно вообразить «чистый тип» общества, абсолютно дисциплинированную социальную структуру, в которой подданные по самым разным причинам не могут выйти за пределы предписанных им ролей, несмотря на то, что они не разделяют ни одной из ценностей властителя и, таким образом, совершенно не верят в легитимность порядка. Такое общество напоминало бы галеру, приводимую в движение рабами, где слаженные движения весел превращают самих гребцов в шестеренки огромной машины, и нужда в кнуте надсмотрщика возникает сравнительно редко. Галерникам не нужно даже знать, куда движется корабль, несмотря на то, что каждое отклонение от курса вызывает ярость капитана — единственного на судне, кто способен смотреть вперед. Но это уже скорее описание, чем воображение.

Между двумя чистыми типами - «системой общих ценностей» и принуждением к дисциплине - существует множество форм «социальной интеграции». Большинство западных обществ инкорпорируют разнородные «ценностные ориентации», единство которых обеспечивается различными комбинациями легитимации и принуждений. И это, разумеется, может относиться к любому институциональному порядку, а не только к экономическому или политическому. Глава семьи может навязывать свои требования всей семье под угрозой лишения наследства, или используя иной, дозволенный ему политическим порядком вид насилия. Даже в таких священных малых группах как семья единство «общих ценностей» не обязательно: недоверие и ненависть друг к другу могут быть необходимы для единения любящего семейства. Точно также может процветать и общество, лишенное «нормативной структуры», в универсальность которой верят представители «Высокой теории».

Я не хотел бы предлагать здесь собственное решение проблемы социального порядка. Я только ставлю вопросы. В противном случае мы должны, как велит достаточно произвольное определение, допустить существование «нормативной структуры», которую Парсонс вообразил душой «социальной системы».

4.

В соответствии с нынешним употреблением в общественных науках слова «власть» оно подразумевает любые решения людей относительно социальных условий их жизни и тех событий, которые составляют историю их времени. События, выходящие за рамки этих решений, все равно происходят; социальные установления все равно претерпевают изменения независимо от намерений конкретных людей.

Но в той степени, в какой общественно значимые Решения принимаются (или могли бы приниматься, но не принимались), проблема того, кто участвует в принятии решений (а кто не участвует) остается фундаментальной проблемой власти.

Сегодня у нас нет оснований говорить о том, что в конечном счете управление людьми должно основываться на их взаимном согласии. В настоящее время в качестве средств власти преобладают управление и манипулирование согласием. То, что мы не знаем пределов власти, но надеемся, что таковые существуют, не отменяет того факта, что сегодня власть зачастую успешно обходится без санкций со стороны разума и совести подвластных.

Безусловно, в наше время нет нужды доказывать, что насилие представляет собой «решающее» средство власти. Но мы далеко не всегда испытываем на себе насилие. Вместе с насилием нужно рассматривать и авторитет (власть, которой сознательно и добро вольно подчиняются) и манипулирование (власть, о механизме действия которой подчиненные ничего не знают). Фактически, рассуждая о природе власти, мы должны постоянно различать эти три вида ее действия.

Нужно учитывать, что в современном обществе власть зачастую не столь авторитетна, какой она казалась в средние века. Похоже, что нынешние правители для осуществления своей власти больше не нуждаются в оправдании со стороны населения. По крайней мере при принятии многих решений эпохального значения, особенно в международной сфере, «убеждать» массы не считается «обязательным» — их просто ставят перед фактом. Более того, властные структуры зачастую не дают себе труда предварительно разрабатывать идеологическое обоснование решений или прибегать к соответствующим клише. Обычно к идеологии прибегают лишь в ответ на эффективные разоблачения действий власти. А, например, в Соединенных Штатах конца пятидесятых — начала шестидесятых не существовало эффективной оппозиции, достаточной для возникновения потребности в новых идеологических представлениях о формах правления.

Конечно, сегодня многие люди, освободившись от приверженности к господствующим политическим ценностям, не обретают новых и потому теряют

всякий интерес к политике. Их настроения не революционны и не реакционны. Они неакционны. Если мы воспользуемся древнегреческим определением «идиота» как человека, который полностью замкнут в своей частной жизни, то должны будем сделать вывод, что большинство граждан во многих странах самые настоящие идиоты. Такое, выражаясь осторожно, dsunbmne состояние представляется мне ключом ко многим болезням нашего времени среди интеллектуалов от политики, равно как и к политической неразберихе современного общества. Для сохранения и даже процветания структуры власти ни тем, кто правит, ни тем, кем правят, не нужны больше ни сознательная «убежденность», ни «моральная» уверенность. Если говорить о роли идеологии, то регулярное отсутствие реальной легитимации и преобладающая апатия масс несомненно являются двумя главными политическими феноменами современных западных обществ.

В ходе любого серьезного исследования тем, кто придерживается развиваемой мною точки зрения на власть, приходится сталкиваться с многими проблемами. Но решить их едва ли помогут уводящие от сути дела предположения Парсонса, который просто утверждает, что в любом обществе якобы существует воображаемая им «ценностная иерархия». Более того, выводы из его теории систематически затрудняют ясное формулирование важных проблем развития общества.

Чтобы принять его схему, требуется вычеркнуть из картины мира реальное существование власти, а на деле и наличие всех институциональных структур, в частности экономической, политической и военной. В этой странной «общей теории» таким структурам доминирования не находится места.

В предлагаемых Парсонсом терминах мы не можем толком поставить эмпирически вопрос о том, насколько легитимны те или иные социальные институты, и каким образом достигается в каждом случае их легитимность. Идея нормативного порядка в том виде, в каком ее используют сторонники «Высокой теории», приводит нас к выводу о том, что всякая власть фактически легитимна. В самом деле, в социальной системе «поддержание установленной взаимодополняемости ролевых ожиданий не является проблематичным... Для объяснения того, как происходит поддержание комплементарной ориентации на взаимодействие не нужно никаких особых механизмов»¹.

¹ Parsons T. Op. Cit. P. 205.

При таком понимании нельзя эффективно сформулировать идею конфликта. Невозможно также представить структурные антагонизмы, массовые волнения, революции. Фактически сторонниками «Высокой теории» делается вывод, что «система», раз установившись, является не только стабильной, но внутренне гармоничной. На языке Парсонса это означает, что нарушения должны «вводиться в систему извне»¹. Таким образом идея нормативного порядка приводит к признанию гармонии интересов как естественной характеристики любого общества. Данная мысль оказывается таким же метафизическим постулатом, что и весьма сходная идея о естественном порядке у философов XVIII века².

Магическое устранение конфликта и чудесное достижение гармонии лишают «систематическую» и «общую» теорию возможности иметь дело с социальными изменениями, то есть с историей. В нормативно порожденных социальных структурах сторонников «Высокой теории» не находит себе места не только «коллективное поведение» доведенных до крайности людей, взвинченных толп и массовых движений, чем наша эпоха столь богата. «Высокой теории» вообще недоступны какие-либо систематические представления о действительном ходе истории, о ее механике и процессах. Все это, как утверждает Парсонс, вообще недоступно для социальной науки: «Когда построение такой теории станет возможным, для социальной науки наступит золотой век. Он не наступит в наше время и, скорее всего, не наступит никогда»³. Необычайно смутное утверждение.

Фактически никакую существенную проблему невозможно ясно сформулировать в терминах «Высокой теории». Хуже того: ее постулаты часто нагружены оценочным содержанием и затемнены словами-паразитами. Трудно представить себе более никчемного занятия, чем, например, анализ американского общества в терминах «ценностного стандарта», «универсальности достижения» без учета понимания успеха, изменения его природы и форм, характерных

2 См.: Becker C. The Heavenly City. ; Coser L. Conflict.

Glencoe, Illinois: The Free Press, 1956.

3 Цит. По: Gouldner A. Some Observations on Systematic Theory, 1945 -

55 // Sociology in the United States of America. Paris: UNESCO, 1956. P. 40.

для современного капитализма. Невозможно провести анализ изменения структуры самого капитализма, стратификационной структуры Соединенных Штатов в терминах «господствующей системы ценностей» без учета известных статистических данных о жизненных шансах людей в зависимости от величины их собственности и уровня доходов¹.

Думаю, не будет большим преувеличением сказать, что, когда представители «Высокой теории» реалистично подходят к проблемам, они используют терминологию, которой не только нет места в их теории, но которая часто противоречит ей. «В самом деле, — отмечал Олвин Гоулднер, — то, что стремление к теоретическому и эмпирическому анализу социальных изменений вынуждает Парсонса прибегнуть к целому корпусу марксистских терминов и базовых допущений, просто ставит в тупик... Складывается впечатление, что Парсонс имел под рукой сразу две подборки книг: одну для анализа равновесия, другую для исследования изменений»².

Гоулднер, далее, замечает, что при анализе поражения Германии во второй мировой войне Парсонс рекомендует направить огонь критики на социальную основу юнкерства как «явление исключительно классовой привилегии» и анализирует состав германского государственного аппарата с точки зрения «классового подхода к рекрутированию». Короче говоря, неожиданно обнаруживается и экономическая, и профессиональная структуры, которые осмысливаются в последовательно марксистских терминах, а не в терминологии воображаемой «Высокими» теоретиками нормативной структуры.

Это оставляет надежду, что они еще не совсем утратили связь с исторической реальностью.

5.

Теперь я возвращаюсь к проблеме порядка, которая у Парсонса в его «Социальной системе», по-видимому, является главной и представлена, скорее всего, в гоббсовской трактовке. Эту проблему можно рассмотреть вкратце, поскольку в ходе развития социальных наук она не раз переформулировалась и наиболее подходящим образом может быть названа проблемой социальной интеграции.

1 См.: Lockwood D. Op. Cit. P. 138.

2 Gouldner A. Op. Cit. P. 41.

Разумеется, для ее рассмотрения необходима рабочая концепция социальной структуры и ее исторического изменения. В отличие от представителей «Высокой теории» у большинства обществоведов, как я полагаю, эта концепция выглядит примерно следующим образом.

Прежде всего, вопрос о том, «что объединяет социальную структуру» не имеет единого ответа. Его и быть не может, потому что социальные структуры существенно различаются между собой по степени и способу объединения. Фактически типы социальной структуры полезно рассматривать в терминах различных способов интеграции. Когда мы спускаемся с уровня «Высокой теории» к историческим реалиям, мы сразу же осознаем неадекватность ее монолитных «Понятий». При их помощи мы не можем осмыслить разнообразие человеческих обществ: нацистскую Германию 1936 г., Спарту VII века до н. э., США в 1836 г., Японию в 1866, Великобританию в 1950, Рим при правлении Диоклетиана. Это простое перечисление уже предполагает, что, если эти общества и имеют нечто общее, то оно должно быть обнаружено путем тщательного изучения эмпирического материала. Выносить какие-либо общие суждения, кроме пустых формальных определений, относительно совершенно различных конкретно-исторических социальных структур

- значит преувеличивать свои возможности в понимании того, что составляет смысл социального исследования.

Различные типы социальных структур можно плодотворно рассматривать в терминах родовых отношений, политических, военных, экономических, религиозных и других институтов. Выявив наиболее характерные черты каждого институционального порядка конкретно-исторического общества, можно ставить вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой эти институциональные порядки, или, иначе говоря, как они образуют единую социальную структуру. По результатам рассмотрения конкретно-исторических обществ найденные ответы составляют в некоторую совокупность «рабочих моделей», с помощью которых достигается лучшее понимание связей, которыми «скрепляются» общества.

Одну из таких «моделей» можно представить в виде процесса выработки различными институциональными порядками сходного структурного принципа. Вспомним, например, описанную Токвилем Америку. В этом классическом либеральном обществе каждый отдельный институциональный порядок представляется автономным, причем такая свобода обеспечивается координацией со стороны других социальных институтов. В экономике господствует принцип *laissez-faire*; в религиозной сфере на рынке спасения душ идет свободная конкуренция между различными конфессиями и сектами; формирование институтов родства происходит на брачном рынке, где отдельные индивиды выбирают друг друга. Человек независимо от семейной принадлежности делает

сам себя и поднимается по статусной лестнице. В политических институтах партии соревнуются за голоса избирателей. Даже в военной области каждому штату предоставлена значительная свобода в формировании своей милиции, а в более широком смысле принят очень важный принцип: один человек — один ствол. Принцип интеграции общества, обеспечивающий также основу его легитимности, заключается в том, что внутри каждого институционального порядка соревнуются за продвижение обладающие свободой инициативы независимые люди.

Именно этот процесс позволяет понять как складывается классическое либеральное общество.

Но такое положение представляет собой лишь один тип интеграции, является одним из решений «проблемы порядка». Есть и другие типы единства. Нацистская Германия, например, интегрировалась посредством «координации». Общую модель можно описать следующим образом. Экономический порядок предполагает высокую степень централизации соответствующих институтов; несколько крупнейших объединений контролируют все операции. В рамках политического порядка фрагментация выражена в большей степени: многие партии jnmjsphps~r за влияние на государство, но ни одна из них не обладает достаточным могуществом, чтобы контролировать последствия сверхконцентрации в экономике, в том числе спад производства. Нацистское движение умело использовало в условиях экономического спада отчаяние масс, в частности, низших слоев средних классов, и приводит в более тесное соответствие политические, военные и экономические институциональные системы. Одна партия монополизировала и перестраивала политический порядок, запрещает или присоединяет к себе все остальные партии, которые могли бы составить конкуренцию в борьбе за власть. Для осуществления этого нацистской партии необходимо было найти общие интересы с крупнейшими монополиями и, кроме того, с представителями военной элиты. Поначалу в каждом из этих главенствующих институтов концентрируется соответствующая власть; затем они сближаются и действуют совместно при захвате власти. Армия президента Гинденбурга не была заинтересована ни в защите Веймарской республики, ни в разгоне марширующих колонн популярной партии войны. Большой бизнес охотно оказывал финансовую поддержку нацистской партии, которая, кроме всего прочего, обещала подавить рабочее движение. Наконец, три элиты с трудом объединяются в коалицию ради сохранения власти в своих институциональных системах и для координированного управления всем остальным обществом. Конкурирующие партии подавляются, объявляются вне закона, либо самораспускаются. Нацизм проникает в семейные и религиозные институты, а также во все организации, функционирующие как внутри институциональных структур, так и между ними, координируя или, по крайней мере, нейтрализуя их деятельность.

Тоталитарная партийно-государственная машина становится средством, с помощью которого высшие представители каждого из трех главенствующих социальных институтов координируют как свои, так и другие институциональные системы. Она превращается во всеобъемлющую «организационную рамку», которая навязывает цели всем без исключения институциональным системам вместо того, чтобы просто гарантировать «законное правление». Сама партия расширяется, обрастая «вспомогательными» и «дочерними» организациями. Она либо разрушает общество, либо проникает внутрь его, но в любом случае захватывает контроль над всеми типами социальной организации, в том числе и над семьей.

Символические сферы всех институтов контролируются партией. За некоторым исключением религиозных институтов, всякие конкурирующие претензии на легитимную автономию пресекаются.

Устанавливается партийная монополия на официальные виды коммуникаций, включая образовательные институты. Все символы перекраиваются под фундаментальное оправдание координированного общества. Принцип абсолютного и магического лидерства (ха ризматического правления) в рамках жесткой иерархии повсеместно внедряется в социальную структуру, которая в значительной степени скрепляется сетью рэкета¹.

¹ Книга Франца Нойманна (Neumann F. Behemoth. New York; Oxford,) является прекрасным образцом того, каким должен быть структурный анализ конкретно-исторического общества. Об этой книге см.: Gerth H. И., Mills C. W. Op. Cit. P. 363ff.

Überhaupt (нем.) — здесь «в качестве первостепенного принципа».

- Прим. Ред.

Сказанного достаточно чтобы сделать очевидной и без того простую мысль: нет никакой «Высокой теории», никакой универсальной схемы, которая бы могла объяснить интеграцию социальной структуры, никакого единого ответа на набившую оскомину старую орпакелс социального порядка, взятую tiberhaupt“. Изучение этой проблемы будет плодотворным, если рассматривать ее в рамках разнообразия тех рабочих моделей, которые я наметил выше. Эти модели могут применяться вместе с непосредственным эмпирическим анализом разнообразных исторических и современных социальных структур.

Важно понять, что подобные «способы интеграции» можно рассматривать и как рабочие модели исторических изменений. Если, например, мы рассмотрим американское общество времен Токвиля, а затем середины XX века, мы сразу увидим, что способ, которым «сцепляется» социальная структура в XIX веке, совершенно отличается от нынешних форм ее интеграции. Нам нужно будет изучить каждый институциональный порядок с точки зрения про изошедших изменений внутри него и во взаимоотношениях со всеми и каждой в отдельности институциональными системами. Требуется выяснить, с какой скоростью происходили структурные изменения в различных институтах и в каждом институте в отдельности, каковы необходимые и достаточные причины этих изменений. Ясно, что установление адекватной причины требует, как минимум, некоторой работы сравнительного и исторического плана. Мы можем обобщить подобный анализ социальных изменений и таким образом обеспечить более экономичную постановку ряда крупных проблем, показав, что изменения привели к смене одного «способа интеграции» другим.

Например, последние сто лет американской истории демонстрируют переход от социальной структуры, интегрированной преимущественно взаимным соответствием элементов, к социальной структуре, подчиненной скорее координации.

Общую проблематику теории истории нельзя отделять от общей проблематики теории социальной структуры. Мне кажется совершенно ясным, что в своих нынешних исследованиях обществоведы не испытывают серьезных теоретических трудностей в понимании этой связи. Вероятно поэтому один «Бегемот» Ф. Нойманна* для общественной науки значит несравненно больше, чем двадцать «Социальных систем» Парсонса.

Разумеется, в своих суждениях я не претендую на то, чтобы давать окончательную трактовку проблемы социального порядка и социальных изменений, то есть проблем социальной структуры и истории. Моя цель — дать общий обзор этих проблем и отметить кое- что из того, что уже сделано в этой области. Возможно, мои замечания будут способствовать выделению еще одного специфического аспекта перспектив развития общественной науки. Формулируя свои замечания, я прежде всего хотел показать, сколь неадекватно представители

«Высокой теории» обращаются с одной из центральных проблем обществоведения. В «Социальной системе» Парсонс оказался не в состоянии спуститься на уровень общественной науки потому, что им овладела идея, будто та единая модель социального порядка, которую он сконструировал, является универсальной, потому что фактически фетишизировал свои «Понятия». Если в его, так сказать, «Высокой теории» и есть что-либо «систематическое», так это систематическое избегание любой конкретной эмпирической проблемы. Его теория не направлена на более точную и адекватную постановку какой-либо новой проблемы, значение которой получило бы признание. Автор исходил не из потребности окинуть взглядом общую панораму социального мира с тем, чтобы более отчетливо рассмотреть какую-то его часть, решить какую-то проблему в контексте исторической реальности, в котором люди и институты обретают конкретное бытие. Постановка проблем, пути их разработки и сами решения слишком теоретичны.

Систематическая разработка понятий должна быть лишь формальным моментом в работе обществоведа. Полезно вспомнить.

- В монографии Ф. Нойманна «Бегемот» рассматривается становление нацизма в Германии. — Прим. Ред.

Что в Германии результат такой формальной работы быстро нашел себе энциклопедическое и историческое применение. Это применение, вдохновленное блестящим примером Макса Вебера, было высшей точкой развития классической традиции немецкой исторической науки. Во многом это стало возможным благодаря большой социологической работе, в которой общие социальные концепции тесно соединились с историческим анализом. Классический марксизм сыграл очень важную роль в развитии современной социологии. М.

Вебер, как и многие другие социологи, работал, во многом полемизируя с Марксом. Однако амнезия американских гуманитариев всегда дает о себе знать. В «Высокой теории» мы вновь стали киваемся с уходом в формализм, и снова то, что должно быть промежуточной фазой в работе ученого, становится перманентным.

Как гласит испанская пословица, «чтобы уметь тасовать колоду, не обязательно уметь играть в карты»¹.

¹ Очевидно, что особенный взгляд на общество, который можно обнаружить в парсонсовских текстах, имеет непосредственное идеологическое звучание; традиционно подобные взгляды ассоциируются с консервативным типом мышления. Представители «Высокой теории» не часто спускаются на политическую арену; безусловно они редко рассматривают проблемы в политическом контексте современного общества. Однако это не лишает их работу идеологического значения. Я не стану анализировать Парсонса в этой связи, ибо политическая направленность «Социальной системы» при ее более понятном изложении обнаруживается незамедлительно, и я не вижу необходимости пояснять это. «Высокая теория» не играет сейчас какой-то особой роли в бюрократии, и отмеченная мною ее невразумительность ограждает ее от благосклонности широкой публики. Но это обстоятельство может обратиться в преимущество; непонятность теории может придать ей большой идеологический потенциал.

По своему идеологическому смыслу «Высокая теория» очень сильно тяготеет к оправданию стабильных форм господства. Однако, если консервативные группы более остро почувствуют необходимость в оправдании своих позиций, у «Высокой теории» появится шанс приобрести политическое значение. Данную главу я начал с вопроса: «Является ли «Высокая теория», как она представлена в «Социальной системе», простым набором слов или в ней есть некоторое содержание?» Мой ответ на этот вопрос таков. «Высокая теория» на 50% — простой набор слов, на 40% — выдержки из хорошо известных учебников по социологии. Остальные 10% могут получить политическое применение, хотя и довольно неопределенное.

3. Абстрактный эмпиризм

Как и «Высокая теория», абстрактный эмпиризм процесса познания характеризуется тем, что исследователями выхватывается частная операция, которая целиком ими овладевает. Оба направления позволяют ученому отстраниться от основных задач общественных наук. Конечно, размышлять о методе и теории нужно, но в указанных направлениях подобные размышления становятся препятствием на пути познания. «Методологическое самоограничение» абстрактного эмпиризма здесь играет такую же роль, что и фетишизация «Понятия» в «Высокой теории».

1.

Я, конечно, не собираюсь обобщать результаты всей работы абстрактных эмпириков, а хочу лишь отметить особенности их стиля работы и некоторые исходные допущения. Широко распространенные исследования, выполненные в этом стиле, стремятся более или менее соответствовать стандарту. На практике эта школа обычно использует в качестве основного источника «данных» более или менее структурированное интервью с людьми, отобранными в соответствии с процедурой выборки. Ответы классифицируются и для удобства набиваются на перфокарты, которые затем используются для получения статистических рядов и установления связей.

Несомненно, простота и естественная легкость, с какими этой процедуре обучается любой мало-мальски смысленный человек, во многом объясняют ее привлекательность. Результаты, как правило, подаются в форме статистических распределений. На самом примитивном уровне они формулируются в виде «линеек», а на более сложных уровнях ответы на различные вопросы комбинируются в перекрестные классификации, часто искусственные, которые затем различными способами агрегируются в шкалы. Существует много мудреных способов работы с данными, но мы их здесь касаться не будем, ибо независимо от степени сложности они представляют собой манипуляции с определенного рода индикаторами.

Если не брать в расчет рекламу и изучение средств массовой информации, предметом большинства исследований, выполненных в этом стиле, является «общественное мнение». Однако в подобных работах нет ни одной более или менее связанной с ним идеи, помогающей по-новому поставить проблемы общественного мнения и коммуникации как объектов глубокого изучения. Сфера подобных исследований ограничена простой классификацией ответов на вопросы: кто, что, кому, по каким каналам и с каким эффектом говорит. Ключевые термины определяются следующим образом.

«Под «общественным» я имею в виду массовое мнение, то есть обобщение неиндивидуализированных мнений, высказанных большим количеством людей,

— пишет Б. Берельсон. — Эта характеристика общественного мнения делает необходимым применение выборочных обследований. В термин «мнение» я вкладываю не только обычное значение мнения по поводу актуальной эфемерной и, как правило, политической проблемы, но и социальные установки, настроения, ценности, знания и связанные с ними действия. Правильный подход к ним требует использования не только опросников и интервью, но также проективных методик и шкал»¹.

1 Berelson B. The study of public opinion // The state of the social sciences / Ed. By L. D. White. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 299.

В этих суждениях просматривается тенденция смешивать предмет исследования с набором исследовательских методов. То, что под этим подразумевается, может быть переформулировано примерно так: Слово «общественное», как я его употребляю, относится к любому количественно измеряемому агрегату индивидов, к которому, следовательно, можно применить процедуру статистической выборки.

Чтобы узнать мнения, которых придерживаются люди, нужно поговорить с ними. Впрочем, иногда они не желают или не могут высказать свое мнение — в этом случае вы можете попробовать применить «проективную методику и метод шкалирования».

Исследования общественного мнения проводятся регулярно с середины тридцатых годов и чаще всего основаны на национальной выборке населения Соединенных Штатов. Возможно, именно поэтому исследователями не уточняется, что означает «общественное мнение» и не переосмысляются важнейшие связанные с ним Проблемы.

В таких ограниченных исторических и социальных рамках невозможно толком сделать даже предварительные выводы.

В западных странах проблема «общественности» возникла в эпоху трансформации традиционного и конвенционального консенсуса средневекового общества и достигла своего пика в идее массового общества. То, что в восемнадцатом и девятнадцатом веках называлось «обществом», сейчас превратилось в общество «массовое». Более того структурная значимость «общественности» уменьшается по мере того как люди превращаются в «массу», внутри которой индивид оказывается совершенно безвластным. Только так или примерно так создаются условия, необходимые для проектирования выборочных обследований общественного мнения и массовой информации. Кроме того, необходимо еще более полно уяснить разворачивание всех исторических фаз демократических обществ, и, в частности, того, что можно назвать «демократическим тоталитаризмом» или «тоталитарной демократией». Короче говоря, общественно-научные проблемы, характерные для данной сферы, не могут быть осмыслены в рамках и лексике абстрактного эмпиризма, по крайней мере, в той форме, в которой он сегодня выражается.

Многие проблемы, которые пытаются изучать эмпирики, например, влияние средств массовой информации, нельзя адекватно сформулировать вне каких-либо структурных фоновых характеристик.

Можно ли разобраться в воздействии на население, оказываемом средствами массовой информации, а тем более определить их значение для развития массового общества, если изучать, пусть даже с максимальной точностью, только ту его часть, которая «накачивалась» массовой информацией на протяжении

одного поколения.

Попытка классифицировать индивидов на «менее подверженных» и «более подверженных» влиянию того или иного средства массовой информации может представлять большой интерес для рекламодателей, но она не дает адекватной основы для развития какой-либо социальной теории средств массовой информации.

В проводимых этой школой исследованиях политической жизни в качестве главного предмета выступало «поведение избирателей», по-видимому, потому, что подобные исследования легко сводятся к статистическим процедурам. В этом случае для обеспечения ожидаемых результатов требуется лишь тщательная проработка методики и аккуратность ее применения. Представьте, с каким интересом политолог углубляется в дебри крупномасштабного исследования проблемы голосования и даже не упоминает о партийных кампаниях по «добыванию голосов» и фактически не рассматривает ни один из политических институтов. Именно таким является знаменитое исследование президентских выборов 1940 г. в Эри Каунти, штат Огайо, описанное в книге «Народный выбор»^{*}.

- Имеется в виду классическая работа П. Лазарсфельда и соавторов (Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. New York: Columbia University press, 1948). - Прим. Ред.

Из этой книги мы узнаем, что богатые жители села и протестанты чаще голосуют за республиканцев, а другие люди склонны отдавать голоса демократам и тому подобное. Но мы мало что узнаем о движущих силах политического процесса в Америке.

Идея легитимации является одним из основных концептуальных инструментов политической науки, особенно в тех работах, где проблематика этой дисциплины затрагивает вопросы общественного мнения и идеологии. Исследование «политических мнений» представляется весьма странным занятием, поскольку имеются обоснованные подозрения в том, что американская электоральная политика — это политика без мнений, если всерьез принимать слово «мнение»; голосование обычно не обладает большим политическим смыслом и какой-либо психологической глубиной, если придавать научное значение выражению «политический смысл». Но серьезные вопросы — а я намеренно ограничиваюсь лишь их постановкой — не имеют места в таких «политических исследованиях». Да и как их рассматривать, если подобные проблемы требуют некоторого знания истории и определенной психологической рефлексии. И то и другое не пользуется должным признанием у абстрактных эмпириков и, по правде говоря, недоступно большинству из них.

Пожалуй, главным событием последних двух десятилетий была вторая мировая война; ее исторические и психологические последствия во многом определили предмет наших исследований в течение последних десяти лет. Мне кажется странным, что нам так и не довелось получить ясную картину причин этой войны, но зато Мы все еще пытаемся, и не безуспешно, охарактеризовать ее как исторически обусловленную форму ведения военных действий и с определить как поворотный пункт нашей эпохи. Помимо официальной военной историографии, наиболее крупные работы в этой области были выполнены в серии многолетних исследований, проведенных по заказу американского военного ведомства под руководством Сэмюэла Стауффера. Эти работы, как мне кажется, доказали, что социальное исследование может использоваться в административной сфере и при этом не иметь никакого отношения к общественно-научной проблематике. Их результаты годятся для того, чтобы сбить с толку каждого, кто захочет что-нибудь узнать об американском солдате, побывавшем на этой войне, особенно того, кто поставит перед собой вопрос, как можно было выиграть столько сражений с людьми столь «низкого морального духа»? Но попытки ответить на подобные вопросы уводят далеко от принятого эмпириками стиля в область ненадежных «спекуляций».

Однотомная книга А. Фогта «История милитаризма» * и вос хитительные репортажи из гущи боя, использованные С. Л. Мар шаллом в книге «Человек под огнем» ** представляют гораздо боль шую ценность, чем все четыре тома Стауффера ***.

- Vagt A. The history of militarism. - Прим. Ред.

** Marshall S. L. A. The man under fire. - Прим. Ред.

*** Имеется в виду монография «Американский солдат», опубликованная в четырех книгах (Stouffer S. e. a. The American Soldier: Adjustment during army life. Boston: Princeton University Press, 1949; Stouffer S. e. a. The American Soldier: Combat and its Aftermath. Boston: Princeton University Press, 1949; Hoveland C.

e. a. The American Soldier: Experiments on Mass Communication.

Boston: Princeton University Press, 1949; Stouffer S, e. a.

Measurement and Prediction. Boston: Princeton University Press, 1950). — Прим. Ред.

В книгах, где исследователи социальной стратификации обращались к этому новому стилю, не появилось ни одного нового понятия.

Фактически ключевые термины, заимствованные из других направлений, до сих пор не «переведены» и, как правило, соотносятся с весьма туманными «показателями» «социально-экономического статуса». Эмпирики даже не пытались разработать труднейшие проблемы «классового сознания», «ложного сознания», понятие «статуса» в противоположность «классу» и веберовскую идею статистически подтверждаемого «социального класса». И, что самое печальное, при исследовании социальной стратификации в выборку постоянно попадают малые города, хотя совершенно очевидно, что никакая совокупность подобных исследований не может ни на йоту приблизить нас к пониманию подлинной общенациональной картины распределения классов, статусов и власти.

Обсуждая изменения в исследованиях общественного мнения, Бернард Берelson формулирует тезис, который касается, я полагаю, большинства исследований, проведенных в стиле абстрактного эмпиризма:

«Произошедшие (за двадцать пять лет. - Ч. Р. М.) изменения знаменуют революционные перемены в области изучения общественного мнения: это изучение стало формальным и количественным, атеоретичным, сегментированным, конкретизированным, специализированным, институционализированным и «модернизированным», короче говоря, как настоящая поведенческая наука, оно американизировалось. Двадцать пять лет назад и ранее выдающиеся писатели, руководствуясь общими интересами к природе и обществу, прилежно изучали «общественное мнение» не «ради него самого», а в широком историческом, теоретическом и философском контекстах, и в итоге сочинялись ученые трактаты. Сегодня коллективы технических работников ведут исследовательские проекты, посвященные специальным проблемам, и публикуют результаты своих изысканий. Двадцать пять лет назад изучение общественного мнения было частью гуманитарных исследований. Теперь оно стало частью науки»¹.

¹ Ibid. P. 304 – 305.

Приводя эту краткую характеристику технологии исследований в стиле абстрактного эмпиризма, я не только хотел сказать, что эти люди не занимаются интересующими меня серьезными проблемами, но и не занимаются теми проблемами, которые считаются важными большинством обществоведов. Я хотел сказать, что они исследуют проблемы абстрактного эмпиризма, ставя вопросы и не находя на них ответа, они странным образом остаются в ими же самими установленных пределах сомнительной эпистемологии. Думаю, не будет большой смелостью сказать, что они одержимы идеей методологического самоограничения. Что касается результатов, то все сказанное означает, что в этих исследованиях накопление деталей происходит без достаточного внимания к форме; на самом деле здесь часто не имеется никакой формы, за исключением той, которую изготавливают наборщики и переплетчики в типографии.

Отдельные детали, сколь многочисленными бы они ни были, не могут убедить нас ни в каких существенных идеях.

2.

В рамках абстрактного эмпиризма как общественно-научного стиля не принято формулировать какие-либо содержательные теории и выводы. В основании рассуждений эмпирика не лежит никаких новых концепций природы, общества и человека, равным образом, здесь не найти и относящихся к ним конкретных фактов. Верно одно: этот стиль легко узнать по кругу проблем, которые его приверженцы выбирают для исследования, и по способам, с помощью которых эти проблемы изучаются. Вместе с тем бесспорно, что такие исследования совершенно не заслуживают того признания, которым пользуется данный стиль изучения общества.

Однако качество наиболее значимых результатов, полученных этой школой, не дает твердых оснований для того, чтобы судить о ней в целом. Как школа она нова; используемый ею метод требует доработки, стиль ее работы только сейчас начинает получать широкое распространение в проблемных областях общественных наук.

Отличительной, хотя, может быть, и не самой важной, особенностью *mp* школы является созданный ею административный аппарат, который рекрутирует и обучает для себя определенные типы работников умственного труда. Этот аппарат приобретает сейчас все большее распространение и имеется множество свидетельств того, что он станет еще более популярным и влиятельным. Интеллектуал-менеджер и специалист-исследователь — совершенно новые типы свободных профессий — в настоящее время конкурируют с более традиционными типами профессора и ученого-гуманитария.

Опять-таки эти изменения при всем их существенном значении для облика будущего университета, для либеральной художественной традиции и для тех качеств ума, которые могут возобладать в американской университетской жизни, не являются достаточным основанием для того, чтобы судить о рассматриваемом исследовательском стиле. На самом деле эти изменения гораздо серьезнее того, что многие приверженцы абстрактного эмпиризма согласились бы принять в качестве объяснения привлекательности и популярности своего направления. Как минимум, оно обеспечивает работой полуквалифицированных технических исполнителей в масштабе и манере, ранее невиданных. Перед ними открывается карьера, которой присуща традиционная для академической сферы стабильность, и в то же время от сотрудника не требуется старомодных академических достижений. Короче говоря, данному стилю исследований пролагает путь административный демиург, который может оказать заметное влияние на будущее обществоведения и его возможную бюрократизацию.

В интеллектуальных характеристиках абстрактного эмпиризма, самое главное заключается в том, чтобы понять, какую философию науки исповедуют его

приверженцы и как применяют ее на практике.

Именно она определяет и сущностные черты их исследований, а также функционирование административного аппарата. В этой конкретной философии науки находят свое высшее интеллектуальное оправдание и присущая проводимым в настоящее время исследованиям явная поверхностность, и ощущаемая потребность в аппарате.

В данном вопросе необходима полная ясность, ибо кое-кто может подумать, что философские постулаты не играют большой роли в становлении предприятия, столь настойчиво претендующего на то, чтобы быть «Наукой». Это важно еще и потому, что абстрактные эмпирики, по-видимому, обычно не сознают, что придерживаются определенной философии. Многие из них озабочены собственным статусом в науке и чаще всего представляют свою профессию как естественнонаучную. При наличии самых разнообразных подходов к проблемам социальных наук одним из неизменных пунктов является утверждение о том, что они «естествоиспытатели», или, по крайней мере, «представляют естественнонаучную точку зрения». При более изощренном дискурсе или в присутствии насмешливого экзальтированного физика образ «Я» вероятнее всего сузится до «просто ученого»¹.

¹ Следующие примеры буквально попались под руку. При обсуждении различных философских проблем, в частности, природы «ментальных» явлений и связанных с ней взглядов на проблемы эпистемологии Джордж Ландберг замечает: «Из-за неточности определения «школы» и. В частности, из-за множества странных ассоциаций, которыми во Многих умах сопровождается термин «позитивизм», я предпочитаю ско-Рје характеризовать свою позицию как естественнонаучную, чем пытаться отождествить ее с какой-либо из традиционных философских школ, к числу которых принадлежал позитивизм, во всяком случае, начиная с Конта». Далее: «Мы с Доддом, а вместе с нами, я думаю, и другие естествоиспытатели, действительно продолжаем утверждать, что данные эмпирической науки представляют собой символизированные посредством человеческого qngm`mh реакции (то есть, все наши реакции, и в том числе реакции «органов чувств»). Далее: «Вместе со всеми естествоиспытателями мы решительно отвергаем идею...» (См.: Lundberg G. A-The natural science trend in sociology // The American Journal of Sociology-Vol. LXI. No. 3. November, 1955. . 191 - 192).

С практической точки зрения абстрактные эмпирики, кажется, больше заняты философией науки, чем самими социальными исследованиями. То, что они, по существу, сделали, заключается в распространении последовательного философского воззрения на науку, которое считается, по их мнению, единственно научным методом. Их модель научного исследования являет собой по преимуществу эпистемологическую конструкцию, наиболее очевидным следствием которой в социальных науках стало методологическое самоограничение. Я хочу сказать, что круг доступных рассмотрению проблем и сама их постановка весьма жестко ограничиваются «Научным методом». Короче говоря, методология определяет проблематику исследования. Но это, в конце концов, ни к чему не ведет. Сконструированный ими «Научный метод» не является обобщением или развитием классических направлений социальной науки. Большей частью этот метод был извлечен, с некоторыми модификациями, из философии естествознания.

Представляется, что философия социальных наук в целом раз вивается по двум направлениям. Первое составляют философы, которые пытаются тщательно проанализировать, что на самом деле происходит в процессе изучения общества, затем обобщить и увязать между собой те методы исследования, которые им кажутся наиболее перспективными. Эта трудная работа может закончиться безрезультатно, но она намного упростится, если каждый обществовед будет ею заниматься. В том, что каждый должен делать такую работу, есть определенный смысл, ибо достигнуто очень мало, да и то применительно лишь к определенному рода методам. Второе направление я называю абстрактным эмпиризмом; оно зачастую сводится к попытке переформулировать и адаптировать некоторые варианты философии естественных наук с тем, чтобы сформировать некую программу и определенный канон для работы в области обществоведения.

Методы суть процедуры, которыми пользуются люди, стремясь что-то понять или объяснить. Методология — это исследование методов; она предлагает варианты теоретического осмысления того, как люди проводят свои исследования. Поскольку методов может быть много, методология стремится стать всеобщей по своему характеру, а потому обычно не предлагает исследователям специфических процедур, хотя, конечно, могла бы их разработать. Эпистемология

- еще более общая дисциплина, чем методология, поскольку эпистемологи занимаются поиском оснований и пределов, короче говоря, отличительными признаками «знания». Современные эпистемологи склонны оперировать признаками, заимствованными из того, что они считают методами современной физики. Поскольку они склонны задавать общие вопросы о знании и давать на них ответы в рамках своего понимания физической науки, эти ученые фактически превратились в философов физики. Одни представители естественных наук с интересом, как кажется, следят за этой

философской работой, других она, вероятно, забавляет; одни соглашаются с принятой большинством современных философов моделью, другие — нет. Однако существует подозрение, что большая часть активно работающих ученых ничего обо всем этом не знает.

Нам говорят, что физика якобы достигла такого уровня, что проблемы строгости и точности эксперимента теперь можно выводить из строгой математической теории. Не физика достигла такого уровня, а эпистемологи установили возможность такого взаимодействия в рамках модели познания, которую сами же и сконструировали. В эмпиризме, похоже, происходит все наоборот: эпистемология науки паразитирует на методах, которые физики — и теоретики, и экспериментаторы — уже давно используют.

Физик Поликарп Куш, нобелевский лауреат, заявил, что нет никакого «научного метода» и что то, что называют этим именем, можно свести к совершенно простым проблемам. Перси Бриджмен, другой нобелевский лауреат по физике, идет еще дальше: «Не существует научного метода как такового, но для ученого жизненно необходимо работать на пределе возможностей своего интеллекта и не зашориваться». «Механика открытия, — замечает Уильям Бек, — неизвестна... Я думаю, что творческий процесс настолько тесно связан с эмоциональной структурой индивида... что ... едва ли поддается обобщению»¹.

1 Beck W. S. Modern science and the nature of life. New York: Harcourt. & Co, 1957.

3.

Специалисты в области метода склонны кроме всего прочего, быть специалистами в той или иной социальной философии. Для сегодняшней социологии важно не то, что методологи — суть специалисты, а то, что результатом их научных занятий является дальнейший процесс специализации внутри социальной науки в целом.

Более того, они углубляют этот процесс согласно своему методу логическому самоограничению и в соответствии с обычаями того исследовательского института, в котором этот процесс осуществляется. Они не предлагают никакой схемы тематической специализации в зависимости от «перспективных областей исследования» или концептуализации проблем социальной структуры. Предлагаемая специализация базируется целиком на «Метод» независимо от содержания проблемы или предметной области. Это не случайные впечатления, а хорошо документированные факты.

Наиболее отчетливое и последовательное изложение сущности абстрактного эмпиризма как стиля работы и той роли, которую абстрактный эмпирик должен играть в социальной науке, было осуществлено Полом Лазарсфельдом, одним из наиболее квалифицированных представителей этого направления¹.

¹ Статья П. Лазарсфельда «Что такое социология?» ("What is sociology?" Universitets Studentkontor, Skrivemaskinstua, Oslo, , 1948, mimeo) была специально написана и распространена в группе людей, которые хотели получить общую директиву для учреждения исследовательского института. Поэтому наилучшим образом отвечает поставленным мною целям, будучи краткой, ясной и авторитетной. Более конструктивное и элегантное изложение проблемы можно найти, например, в книге «Язык социального исследования» (The Language of Social Research / Ed.

By P. Lazarsfeld and M. Rosenberg. Glencoe: The Free Press, 1955).

Лазарсфельд определяет социологию как специальность, не апеллируя к какому-то присущему только ей особому методу, и называет социологию методологической дисциплиной. Согласно его точке зрения, социолог становится методологом всех общественных наук.

«Таким образом, у нас есть возможность просто и ясно сформулировать первую функцию социолога. Он выполняет, так сказать, роль проводника-первопроходца при наступающей армии общественных наук, когда объектом эмпирических научных исследований становится новая область человеческой деятельности. Именно социолог делает первые шаги. Он является связующим звеном между социальным философом, наблюдателем-одиночкой и комментатором, с одной стороны, и организованной коллективной работой исследователей-эмпириков и аналитиков, с другой; ... подводя исторически, мы должны различать три основных способа рассматривать социальные объекты: социальный анализ, осуществляемый наблюдателем-одиночкой; организованные и технически оснащенные эмпирические науки; промежуточная стадия, посредством которой обозначается социология любой специальной сферы социального поведения... Здесь будут уместны некоторые пояснения, как в настоящее время происходит переход от социальной философии к эмпирической социологии»¹.

Прошу заметить, что «наблюдатель-одиночка» удивительным образом приравнивается к «социальному философу». Обратите внимание также на то, что здесь содержится не только изложение интеллектуальной программы, но и предлагается административный план: «Определенные сферы человеческого поведения становятся объектами организованных социальных наук, которые имеют свои названия, институты, бюджеты, эмпирические данные, штат сотрудников и тому подобное. Другие сферы остаются в этом отношении неразвитыми».

¹ Ibid. P. 4 – 5.

Значит, любую сферу можно развить и «социологизировать». В самом деле, у нас нет даже названия для социальной науки, которая могла бы заниматься проблемами счастья населения. Но нет никаких непреодолимых препятствий. Для того, чтобы сделать подобную науку возможной. Совсем нетрудно собирать рейтинги счастья, и это было бы даже дешевле, чем собирать данные о доходах, сбережениях и ценах.

Социология, подобно повивальной бабке для целого ряда специальных «социальных наук», находится на ничейной предметной территории, которая еще не стала объектом «Метода» и «полностью развитых социальных наук». Не совсем ясно, что понимается под «полностью развитыми социальными науками», но подразумевается, что лишь демография и экономика удовлетворяют этим требованиям: «Никто больше не сомневается в необходимости и возможности подходить к человеческому обществу научно. Вот уже более ста лет существуют такие полностью развитые науки, как экономика и демография, изучающие самые различные сферы человеческого поведения». Указаний на другие «полностью развитые науки» в этом двадцатистраничном эссе я не нашел.

Когда перед социологией ставится задача превратить философию в науку, то предполагается или подразумевается, что гений «Метода» столь могуч, что обходится без традиционного знания соответствующей предметной области. Поистине, усвоение такого рода знаний могло бы потребовать несколько больше времени, чем предполагается автором подобною утверждения. То, что в нем подразумевается, становится ясным из замечания Лазарсфельда по поводу политических наук: «У греков была наука политики, немцы пишут о Staatslehr*, а ангlosаксы — о политической науке. До сих пор никто не сделал хорошего контент-анализа, чтобы точно узнать, о чем же пишут в книгах на эту тему...»¹.

Итак, с одной стороны, организованные коллективы хорошо оснащенных обществоведов-эмпириков; с другой — неорганизованные социальные философы-одиночки. С точки зрения «высокой методологии» социолог должен пройти обряд перехода из философа в эмпирика и превратиться в производителя научной продукции — быть одновременно интеллектуалом (точнее, Ученым с большой буквы) и простым исполнителем.

- Учение о государстве. — Прим. Ред.

¹ Ibid. P. 5. «Контент-анализ какой-либо совокупности материалов, по существу, представляет собой классификацию малых единиц документов (слов, предложений, тем) в соответствии с определенным, установленным а priori набором категорий» (см.: Rossi P. H. *Methods of social research*, 1945 – 55 // *Sociology in the United States of America* / Ed. By H. L. Zetterberg. Paris: UNESCO, 1956. P. 33.

При переходе к организованной социальной науке в работе исследователей обычно происходят следующие изменения.

- 1) »Во-первых, акценты с истории институтов и идей переносятся на конкретное поведение людей«. Это не простая процедура. Как мы увидим в шестой главе, абстрактный эмпиризм не есть эмпиризм повседневный, поскольку единицей исследования не является «конкретное поведение людей». Далее я собираюсь показать, что на практике в ситуации выбора абстрактные эмпирики часто обнаруживают отчетливую склонность к так называемому «психологизму» и, более того, последовательно избегают рассматривать проблемы структуры, занимаясь преимущественно проблемами индивидуальной жизнедеятельности.
- 2) »Во-вторых, - продолжает Лазарсфельд, - формируется тенденция изучать не какую-то отдельную сферу человеческой деятельности, а соотносить ее с другими сферами». Я не уверен, что это так; чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить труды Маркса, Спенсера или Вебера с трудами любого абстрактного эмпирика.

Вероятно, все дело в особом значении слова «соотносить», которое сводится к статистическому анализу.

- 3) »В-третьих, начинают изучать повторяющиеся социальные ситуации и проблемы, а не те, которые случаются лишь однажды».

Здесь угадывается попытка признать важность структурного анализа, ибо «повторяемость явлений» или «регулярности» в социальной жизни, конечно же, коренятся в устоявшихся структурах. Именно поэтому, чтобы понять, к примеру, предвыборную кампанию в Америке, нужно понять структуру партий, их роль в экономике и так далее. Но не это имеет в виду Лазарсфельд. Подразумевается, что во время выборов сходный акт поведения совершают множество людей, а выборы повторяются; следовательно, к поведению индивидов при голосовании можно вновь и вновь применять статистические методы.

- 4) »И, наконец, явный упор делается на изучении современных, а не исторических общественных событий...» Этот антиисторический акцент вытекает из эпистемологической установки: «Социолог будет стремиться иметь дело главным образом с современными событиями, относительно которых он скорее соберет такого рода данные, какие ему нужны...». Подобный эпистемологический крен противоречит постановке насущных проблем, которые являются ориентирами для научного изучения общества¹.

¹ Все приведенные выше цитаты взяты из статьи П. Лазарсфельда „Что такое социология?» (Lazarsfeld P. Op. Cit. . 5 – 6).

Прежде чем перейти к этим ориентирам, я должен закончить начатое рассмотрение программы социологии, которая содержит постановку двух задач.

«...Социологическое исследование заключается в применении прикладных научных процедур к новым областям. Они (наблюдения Лазарсфельда. — Ч. Р. М.) предназначены лишь для предварительной характеристики той атмосферы, которая, вероятно, преобладает во время перехода от социальной философии к эмпирическому hqqkednb`mh~ общества... Когда социолог берется за исследование новых отраслей человеческой деятельности, все необходимые данные приходится собирать ему самому. Именно в связи с этой ситуацией получает свое развитие вторая важнейшая функция социолога.

Одновременно он является своего рода инструментальщиком (tool-) для других социальных наук. Позвольте напомнить некоторые из многих проблем, с которыми приходится сталкиваться обществоведы при сборе требующихся ему данных. Очень часто ему приходится спрашивать людей о том, что они делали, видели или хотели. Часто им нелегко вспомнить то, о чем их спрашивают, порой не хотят говорить, или точно не понимают, что мы хотим узнать. Поэтому получило развитие важное и трудное искусство интервьюирования...

Но (у социолога) исторически сохраняется и третья функция — функция интерпретатора... Полезно различать описание и интерпретацию социальных отношений. На уровне интерпретации мы ставим вопросы, которые в повседневном языке начинаются со слова «почему». Почему люди сейчас имеют меньше детей чем прежде? Почему они склонны переезжать из села в город? Почему выборы были выиграны или проиграны?..

Основные приемы поиска подобных объяснений являются статистическими. Мы должны сравнивать многодетные семьи с малодетными, перебивающихся случайными заработками, с теми, кто имеет постоянную работу. Но что в этих явлениях следует сравнивать?»¹

¹ Ibid. P. 7 – 8, 12 – 13.

Похоже, социолог неожиданно принимает поистине энциклопедическую позу. Каждый раздел социологии содержит интерпретации и теории, но в данном случае нам говорят, что «интерпретация» и «теория» как раз являются прерогативой социолога. Смысл этого высказывания проясняется, когда мы осознаем, что другие интерпретации просто не дотягивают до научности. Те виды «интерпретаций», с которыми работает социолог, превращая частные философии в научные дисциплины, суть «интерпретативные переменные», используемые в статистическом исследовании. Более того, хочу обратить внимание на тенденцию сводить социологическую реальность к психологическим переменным, которая обнаруживается в продолжении приведенной выше цитаты: «Мы вынуждены прийти к выводу, что в личности, опыте и установках людей есть нечто, что заставляет их действовать по-разному в ситуациях, которые извне представляются совершенно идентичными.

Здесь необходимы объясняющие понятия и концепции, которые могут быть проверены эмпирическим исследованием...» «Социальная теория» как целое превращается в систематическое собрание понятий, то есть переменных, полезных для интерпретации статистических наблюдений: «Мы действительно называем эти понятия социологическими, потому что они применимы к разнообразным типам социального поведения...

Мы возлагаем на социолога задачу собирать и анализировать данные в тех понятиях, которые полезны для интерпретации эмпирических результатов, найденных в таких специфических областях, как анализ статистики цен, преступности, самоубийств или голосования. Иногда термин «социальная теория» используется для систематического представления подобных понятий и их взаимосвязей»¹.

¹Ibid. P. 17.

Должен попутно заметить, что совершенно неясно, является ли это изложение в целом теоретическим осмыслением действительной *hqrnp hweqjñi* роли социологов — если так, то оно явно неадекватно; или это лишь призыв к социологам быть поставщиками и интерпретаторами данных для специальных дисциплин — в этом случае, конечно, любой социолог волен отказаться от этой миссии и заняться собственными исследованиями. Словом, совершенно неясно, с чем мы имеем дело. С фактом или предположением, констатацией или программой. А может быть под маской естественнонаучного подхода скрывается своего рода философия методики и преклонение перед административным *рвением*.

Представленная Лазарсфельдом с предельной ясностью концепция социолога, комфортно устроившегося в офисе исследовательского бюро в качестве изготовителя научной продукции, инструментарщика и интерпретатора, ставит ряд проблем, которые Необходимо рассмотреть более подробно.

4.

У абстрактного эмпиризма есть два расхожих оправдания. Если их принять, то получится, что строгость результатов достигается не благодаря какой-то сущностной характеристике «Метода», а по причинам, «по своей природе случайным», а именно благодаря деньгам и времени.

Во-первых, можно предположить, что, поскольку проведение таких исследований обходится весьма дорого, их проблематика в известной степени неизбежно формируется под влиянием интересов тех, кто за них платит, и, можно добавить, что эти интересы касаются совершенно не связанных между собой проблем. Соответственно, исследователи не располагают возможностью выбирать проблематику таким образом, чтобы обеспечивать истинное приращение данных, то есть, чтобы аккумулируемые знания были значимы. Они делают максимум из того, что могут. А поскольку они не могут заниматься серьезными перспективными проблемами, им приходится специализироваться на разработке методов, которые найдут себе применение независимо от актуальности исследуемой проблематики.

Короче говоря, экономика истины, то есть затраты на проведение исследования, вступает в конфликт с политикой истины, использованием научного исследования для прояснения сути важнейших социальных проблем и приближения политических дискуссий к реальным социальным процессам. Напрашивается вывод о том, что, если бы занятые исследованием общества организации располагали, скажем, четвертой частью средств всех фондов страны, финансирующих науку, и если бы они могли распоряжаться этими средствами по своему усмотрению, положение бы существенно улучшилось. Должен признать, что не знаю, насколько обоснованы эти ожидания. И никто не знает, хотя, скорее всего, именно в этом убеждены наши интеллектуалы-менеджеры, променявшие общественную науку на деловую активность. Но принимать это как единственно реальную проблему означало бы исключить возможность всякой интеллектуальной критики. Ясно одно: ввиду дороговизны «Метода» работа его приверженцев часто используется в коммерческих и бюрократических целях, что накладывает определенный отпечаток на стиль исследований.

Во-вторых, можно сказать, что критики явно проявляют нетерпение: достаточно вспомнить о том, что длительность споров ученых мужей о «критериях научности» исчисляется не десятилетиями, а веками.

Можно доказывать, что частные исследования будут «свои чередом» накапливаться таким образом, что позволят на основе их данных вывести общие закономерности о развитии общества. Этот способ оправдания, как мне кажется, основывается на представлении о организации социальных наук как об игре в мозаику. Он предполагает, что результаты таких исследований по своей природе могут быть «кирпичиками», которые в некоторой точке будущего можно будет

«сложить» и «подогнать друг к другу» для «возведения» достоверного и верифицируемого образа некоего целого. Это не просто допущение; это явно выраженная политика.

«Эмпирические науки, — утверждает Лазарсфельд, — должны разрабатывать специальные проблемы и расширять знание посредством сложения результатов многочисленных длительных и кропотливых детальных исследований. Весьма желательно, чтобы к социальным наукам обратилось больше исследователей, и не потому, что это в одночасье спасет мир, а потому, что в конечном счете ускорит выполнение труднейшей задачи по развитию интегрированной социальной науки, которая может помочь нам понять общественные процессы и управлять ими»¹.

¹ Ibid. P. 20.

Данная программа, если на мгновение отвлечься от ее политической двусмысленности, предлагает ограничиться «детальными» исследованиями на том основании, что их результаты, в свою очередь, приведут к «интегрированной социальной науке». Чтобы доказать ошибочность этой точки зрения, я не стану рассматривать внешние причины бессодержательности результатов, достигнутых эмпириками, а перейду к причинам, связанным с внутренними особенностями их стиля и программы.

Прежде всего надо рассмотреть отношение между теорией и конкретным исследованием, то есть ту линию, которой общество ведам следует придерживаться в определении приоритетности более Широких концепций и при выборе объектов для детальной экспозиции.

Разумеется, каждая научная школа щедра на рассуждения о слепоте эмпирических данных без теории и о пустоте теории, не подкрепленной данными. Поэтому вместо плетения философических кружев мы обратимся непосредственно к практике и ее результатам.

В наиболее откровенных высказываниях, подобно лазарсфельдовским, рабочие представления о «теории» и «эмпирических данных» выглядят совершенно прозрачными: «теория» оказывается набором переменных, используемых при интерпретации полученных статистических данных, а сами «эмпирические данные», по строгому замыслу, со всей очевидностью реализующемуся на практике, сводятся к таким статистически установленным фактам и связям, которые должны быть многочисленными, повторяющимися и измеримыми. При таком ограниченном понимании теории и данных любые пространственные рассуждения оборачиваются столь робким признанием взаимодействия между ними, что фактически отрицают его. Ни в философии, ни, как я уже указывал, в практике самой общественной науки нет никаких оснований для подобных ограничений.

Чтобы проверить и переформулировать широкую концепцию, необходимо иметь подробную картину реальности, однако не из всяких подробных описаний можно сложить единую концепцию. Какие явления и факты следует отбирать для детального описания? Каковы критерии отбора? И что значит «сложить»? Это отнюдь не механическая задача, как может показаться при буквальном прочтении слов. Мы имеем в виду взаимодействие более широко охватывающих концепций и детальной информации (теории и конкретного исследования), но надо еще сказать и о самих проблемах. Проблематика социальных исследований формулируется обычно в терминах теоретических моделей конкретно-исторических социальных структур. Если мы полагаем подобную проблематику *ре`k|mní*, то глупо начинать подробный анализ мелкомасштабных проблем до тех пор, пока мы не будем иметь надежные основания полагать, что, независимо от того, какие будут получены результаты, они позволят сделать полезные

умозаключения для решения или прояснения проблем структурной значимости. Мы не получим «перевода» этих проблем в другие термины, если просто примем перспективу, в которой все проблемы представляются в виде россыпи отдельных заказов на обрывки информации, статистической или какой-либо другой, об отдельных индивидах и обособленных сферах их индивидуальной деятельности.

Коль скоро речь идет об идеях, вряд ли вам удастся вытащить из самого детализированного исследовательского проекта больше, чем в него было заложено. От самого эмпирического исследования вы получите только информацию, а вот то, что вы сможете с ней делать, во многом зависит от того, были ли ваши конкретные эмпирические исследования проверкой каких-то теоретических конструкций. Когда «изготовитель науки» занимается трансформированием какого-либо раздела социальной философии в эмпирические науки и создает исследовательские учреждения, чтобы разместить их там, появляется огромное количество проектов. На самом деле нет никакого принципа или теории, которыми бы руководствовались ученые при выборе предмета подобных исследований. «Счастье», как мы видели, может стать предметом исследования точно также, как и поведение на рынке. Якобы стоит только применить «Метод», и исследования — от Эльмиры* до Загреба и от Загребадо Шанхая — в конечном счете внесут свой вклад в «хорошо оснащенную и организованную» науку о человеке и обществе. Между тем, на практике руки доходят лишь до очередного маленького исследования.

- Эльмира – небольшой городок в США, где в начале 50-х годов под Руководством П. Лазарсфельда проводилось знаменитое лонгитюдное Исследование электорального поведения (Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: A study of opinion formation in a presidential compign. Chicago: Chicago University Press, 1954).
- Прим. Ред.

Утверждая, что подобные исследования скорее всего не «сложатся» в более значимые результаты, я опираюсь на ту теорию общества, к которой реально тяготеет абстрактный эмпиризм. Любой вид эмпиризма стоит перед метафизическим выбором: что признать более реальным, — и теперь мы должны показать некоторые следствия того конкретного выбора, который вынужден делать абстрактный эмпиризм. Можно с уверенностью утверждать, что исследования абстрактных эмпириков зачастую являются примерами так называемого психологизма¹.

1 Под «психологизмом» подразумеваются попытки объяснить социальные явления фактами и теориями, относящимися к свойствам Индивидов. Исторически, как теоретическое направление, психологизм основывается на открытом метафизическом отрицании реальности социальной структуры. Иногда его приверженцы выдвигают какую-нибудь концепцию структуры, однако при объяснении социальных явлений они сводят ее к совокупности сфер индивидуальной деятельности. В своей более распространенной версии, которая непосредственно относится к нашему изучению современных исследовательских стратегий общественных наук, психологизм исходит из того, что результаты исследований индивидов и их непосредственного окружения представляют собой вклад в наши знания о социальной структуре.

При доказательстве этого утверждения можно исходить из факта, что источником информации в данном случае является некоторая выборочная совокупность индивидов. Задаваемые исследователями вопросы формулируются в терминах психологических реакций индивидов. Естественно, следует предположить, что институциональная структура общества, в той степени, в какой она выступает объектом подобного исследования, может быть осмыслена на основе данных об индивидах.

Чтобы понять проблемы социальной структуры и их значение даже для индивидуального поведения, требуется гораздо более широко охватывающий тип эмпиризма. Например, даже в американском обществе, в частности, в структуре «попавшего в выборку» города, имеется так много общих как социальных, так и психологических черт, что все разнообразие социального поведения, которое должно учитываться обществоведами, фактически не может быть охвачено.

Такое разнообразие, а следовательно, и постановка проблем, могут быть рассмотрены только при более широком взгляде, включающем сравнительно-исторический анализ социальных структур. Однако из-за своих эпистемологических догм абстрактные эмпирики систематически оказываются вне исторических и сравнительных перспектив, поскольку, изучая малые сегменты социальной реальности, они неизбежно впадают в психологизм. Ни в определении проблематики, ни в объяснении своих микросоциологических изысканий они никогда по-настоящему не используют базовую идею

исторической обусловленности социальной структуры.

От их исследований нельзя ожидать серьезных результатов даже в области изучения отдельных непосредственных сфер человеческой деятельности. Основываясь на наших исследованиях, мы знаем, что причины многих изменений социального положения людей (интервьюируемых) часто им неизвестны, и эти изменения могут быть поняты только в терминах структурных трансформаций. Этот общий взгляд, конечно, противоположен психологизму. Применение нашего метода кажется ясным и простым: выбор сфер человеческой жизнедеятельности для детального исследования естественным образом должен осуществляться в соответствии с проблемами, имеющими структурное содержание. Внутри сферы жизнедеятельности необходимо выделять только те переменные, важность которых была установлена в ходе изучения социальной структуры. Разумеется, между исследованием форм жизнедеятельности людей и исследованием общественной структуры должна поддерживаться двусторонняя связь. Вряд ли можно представить развитие социальных наук в виде результата деятельности работающих порознь женщин, каждая из которых изготавливает свою часть огромного лоскутного одеяла: кусочки, как точно их не размечай, нельзя соединить чисто механически, на глазок.

В практике абстрактных эмпириков совсем не редки случаи, когда «сбор данных» и их «прогон» через более или менее стандартный статистический анализ производятся недостаточно квалифицированными специалистами. Только после этого нанимают одного или нескольких социологов для «настоящего анализа». Здесь мы подошли к следующему пункту.

Среди абстрактных эмпириков в последнее время появилась тенденция предварять свои эмпирические исследования одной-двумя главами с обзором «литературы поданной проблеме». Это, конечно, хороший знак; мне кажется, в какой-то степени он является реакцией на критику со стороны ученых, работающих в сфере уже получивших признание общественных наук. Между тем, на практике эту работу зачастую проделывают после того, как данные собраны и «выписаны». Более того, поскольку такая процедура требует значительного времени и терпения, в загруженных работой исследовательских организациях ее выполнение часто перекладывается на плечи не менее загруженных помощников. Подготовленная последними записка затем переписывается так, чтобы окружить эмпирическое исследование «теорией», «осмыслить его» или, как говорится, кое-что «присочинить». Пожалуй, это лучше, чем Ничего. Однако такой подход часто вводит в заблуждение неискушенного читателя, который опрометчиво делает вывод, что данное конкретное эмпирическое исследование было спроектировано и проведено для эмпирической проверки более широких концепции и допущений.

У меня нет уверенности в том, что такова обычная практика.

Обычной она могла бы стать только у того, кто серьезно относится к литературе по общественным наукам – кто понимает ее значение и знает достаточно много, чтобы ориентироваться в понятиях, теориях и проблемах, которые в ней содержатся. Только тогда можно, не отбрасывая проблем и концепций, переводить их в специфические частные проблемы, легко доступные «Методу». Ясно, что именно таким переводом и занимаются все действующие обществоведы, однако при этом они не сводят «эмпирику» к абстрактной статистической информации о своих современниках, а «теорию» - к набору «интерпретативных переменных».

При обсуждении таких проблем проделываются интересные фокусы.

Логический анализ исследований рассматриваемого типа показывает, что важные «понятия», используемые при интерпретации и объяснении «данных» почти всегда отсылают нас: 1) к структурным и историческим «факторам» более высокого уровня, чем это доступно из материалов интервью, или 2) к психологическим «факторам», которые находятся ниже уровня доступности. Важно отметить, что при формулировании задач исследования и сборе «данных», как правило, не используются никакие сведения о социальной структуре и психологических процессах. Эти моменты могут в самом общем виде влиять на направление исследования в ту или другую сторону, но они не относятся к тем специфическим, «чистым» переменным, на которых должен основываться этот стиль исследований.

Основная причина этого представляется простой. При более или менее отработанной процедуре интервью в качестве основного источника информации приходится придерживаться довольно странной версии социального бихевиоризма. При существующей практике управления и финансирования это почти неизбежно. Ибо разве неочевидно, что, в лучшем случае, полуквалифицированный интервьюер не может – впрочем, не смог бы при любой квалификации

- в течение одной двадцатиминутной, или даже двадцатичетырехчасовой, беседы получить ту глубинную информацию об индивиде, которая, как мы знаем из опыта, должна быть получена в ходе очень сложного, продолжительного и неоднократного интервьюирования¹.

¹ Я должен заметить, что одно из оснований для упреков в излишней формальности и даже в никчемности беспорядочного нагромождения фактов заключается в том, что они содержат очень мало или вовсе не содержат прямых наблюдений исследователей.

«Эмпирические факты» суть факты, собранные бюрократически управляемой командой, как Правило, полуквалифицированных работников. Принято забывать о том, что социальные наблюдения требуют высоких навыков и остроты

восприятия. Это открытие часто происходит как раз тогда, когда способный к воображению ум помещает себя непосредственно в гущу социальных ролей.

Ad hoc (лат). — специально для данного случая. — Прим. Ред.

С помощью обыкновенного выборочного опроса невозможно получить ту информацию о социальной структуре, которую, как мы знаем, можно найти в исследованиях, непосредственно ориентированных на историю.

Тем не менее в случаях, когда для объяснения отдельных на блюдений необходимо ? привлечение общих концепций, абстрактные эмпирики «притягивают» в свои исследования теоретические положения, касающиеся социальной структуры и глубинной психологии. Общие концепции, обозначающие структурные и психологические проблемы, присутствуют только в качестве «фа сада» исследовательского «сочинения».

В некоторых исследовательских лабораториях иногда используют термин «отполировать, довести до ума» (bright), когда те или иные факты и корреляции для убедительности «объясняют» гипотезами более высокого уровня абстракции. В том случае, когда мельчайшие переменные, значение которых явно преувеличено, приводятся для объяснения широкомасштабных проблем, результат работы можно назвать «вечнухой». Я упоминаю об этом, чтобы отметить зарождение «цехового жаргона» при изложении обсуждаемых здесь процедур.

Все это сводится к использованию статистики для иллюстрации общих мест и общих мест — для подтверждения статистики. Общие утверждения не проверяются и не конкретизируются. Их подгоняют под цифры, равным образом, цифровые выражения подгоняются к ним.

Кроме того, одни и те же общие утверждения и объяснения можно сочетать с другими цифрами, а цифры можно сочетать с другими общими утверждениями. Эти логические трюки придают видимость структурного, исторического и психологического аспектов исследованиям, которые по своему стилю исключают материалы подобного рода. С помощью этих и других приемов появляется возможность не отступать от «Метода» и даже пытаться скрывать банальность его результатов.

Примеры подобных приемов обычно можно найти уже в первых абзацах некоторых глав, «общих введениях», а иногда в «интерпретативной» главе или разделе. В мои задачи не входит подробное рассмотрение данных текстов. Я лишь хочу посоветовать читателю самому обращать на это внимание при знакомстве с подобными исследованиями.

Дело обстоит просто: сутью социального исследования являются идеи, факт его только дисциплинирует. Это также верно и для абстрактно-эмпирического исследования типа: «почему люди голосуют именно так, а не иначе», и для исторического обзора положения и взглядов русской интеллигенции XIX века. Ритуал первого обычно более разработан и, безусловно, более претенциозен. Логический же статус результатов одинаков.

Наконец, одно из объяснений, почему результаты, достигнутые абстрактным эмпиризмом, столь незначительны, лучше сформулировать в виде вопроса: всегда ли то, что истинно, не важно, а что важно, не обязательно истинно? Поставим вопрос иначе: какой уровень верификации должен считаться достаточным в общественных науках? Конечно, можно в своей дотошности не признавать ничего, кроме самых подробных описаний, а можем, пренебрегая точностью, довольствоваться самыми обобщенными понятиями.

Те, кто находится в тисках методологического самоограничения часто не в состоянии сказать о современном обществе что-либо, если это что-либо не прошло сквозь мельчайшее сито «Статистического ритуала». Обычно говорят, что полученные таким образом результаты истинны, даже если они не имеют большого значения. Я с этим категорически не согласен. Как можно смешивать точность, вернее псевдоточность, с «истиной»; как можно считать абстрактный эмпиризм единственным «эмпирическим» методом.

Если вам когда-нибудь придется в течение года-двух серьезно изучать тысячи продолжительных интервью, тщательно задокументированных и набитых на перфокарты, вы увидите, сколь растяжимым на самом деле может быть царство «факта». Относительно «важности» можно сказать, что, конечно же, важно, что некоторые из наших наиболее энергичных умов находят себе применение в исследовании мелких деталей, потому что «Метод», которому они догматически следуют, не позволяет заниматься ничем другим.

Большая часть их работ, как я теперь убежден, превратилась в простое выполнение ритуала, дабы набить себе цену в мнении деловых людей и руководителей фондов, а не ради, как говорят поборники эмпиризма, «неукоснительного следования жестким научным требованиям».

Точность не является единственным критерием для выбора метода исследования. Точность метода не следует отождествлять, как это часто делают, с «эмпирической» или «истинной» точностью. Выбирая проблему для изучения, мы должны стремиться к получению правильных результатов. Но никакой метод сам по себе не должен ограничивать нас в выборе проблем для изучения за исключением тех случаев, когда речь идет непосредственно об интереснейших и труднейших методических проблемах, которые лежат за пределами уже освоенных методов.

Когда мы осознаем проблемы, которые постоянно ставит перед нами история, естественно возникает вопрос об их истинности и значимости. Мы должны работать над ними как можно тщательнее и с максимальной точностью. Важная часть работы в общественных науках заключается в тщательной разработке гипотез, ключевые моменты которых документируются самым детальным образом.

Фактически нет никаких других способов (по крайней мере, не было до сих пор) непосредственного изучения проблем, актуальность которых признается обществом.

Что стоит за требованиями заниматься важными, или, как обычно говорят, значимыми проблемами? Значимыми для кого? Здесь нужно подчеркнуть, что я не имею в виду их простое Политическое, практическое или моральное значение, какой бы смысл ни вкладывался в эти слова. Прежде всего, изучаемые Проблемы должны быть актуальными для анализа социальной структуры общества и ее изменений. Под актуальностью я понимаю явную и четкую взаимосвязь между широкими описаниями и более подробной информацией в научной работе как на этапе постановки проблемы, так и при объяснении сущности исследуемых явлений. Политическую «значимость» я рассмотрю позднее.

Совершенно ясно, что осторожность и строгость абстрактного эмпиризма, препятствует рассмотрению важнейших проблем современности, волнующих общество и человека. Люди которые возьмутся за решение этих проблем, неизбежно обратятся к другим методам познания, чтобы определить свою позицию.

5.

Специальные, не относящиеся к философии, эмпирические методы безусловно удобны в работе над многими проблемами, и я не вижу никаких оснований для критики такого их применения. Разумеется, при соответствующем абстрагировании мы можем получить точные данные о чем угодно, так как нет ничего, что по своей сути не поддавалось бы измерению.

В тех случаях, когда к исследуемым проблемам легко применимы статистические процедуры, нужно стараться всегда их использовать. Если, например, разрабатывая теорию элит, нам понадобится установить социальное происхождение какой-либо группы генералов, мы, естественно, будем пытаться установить пропорции представительства в этой категории разных социальных слоев. Если нам понадобится узнать, каковы были колебания доходов у „белых воротничков» за период с 1900 г., мы построим временной ряд доходов людей соответствующего рода занятий, рассчитанный с помощью некоторого индекса цен. Однако никто не должен считать такую процедуру единственно возможной. Нет сомнений, что эту модель совсем не обязательно принимать в качестве какого-то канона, ибо это не единственный эмпирический метод.

Конкретные детали для пристального и точного изучения мы должны выбирать в зависимости оттого объекта, который в панораме целого нам видится недостаточно отчетливо, и с тем, чтобы решать проблемы, касающиеся целых компонентов социальной структуры. То есть в своем выборе мы должны исходить из необходимости решать проблемы, а не из «необходимости», вытекающей из эпистемологической догмы.

Я не утверждаю, что всякий имеет право отвергать детальные исследования частных проблем. Узкая направленность исследований может диктоваться достойной восхищения требовательностью к точности и надежности данных, а, кроме того, разделением интеллектуального труда, специализацией, против которой опять-таки вряд ли стоит возражать. Но мы вправе задать вопрос: если узкая специализация исследований провозглашается следствием разделения труда в рамках целостной программы социальной науки, то где остальные «разделы» этого «труда»? И каков сам «труд», внутри которого узкие исследования складываются в более широкую картину?

Следует заметить, что сторонники едва ли не всех научных направлений склонны брать на вооружение одинаковые лозунги.

Сегодня каждый, кто подсчитывает количество отхожих мест (а в этой старой шутке есть доля правды), прекрасно сознает предполагаемое в этом концептуальное содержание; каждый, кто поглощен дистанциями (а многие заняты именно этим), всецело осознает «парадигму эмпирической верификации». Общеизвестно, что любая систематическая попытка понять что-либо влечет за

собой же редование (эмпирического) усвоения материала и его (теоретической) ассимиляции, что понятия и идеи должны руководить изучением фактов и что узконаправленные исследования служат для проверки и обновления наших представлений.

Методологические самоограничения привели к заторам не столько в усвоении эмпирического материала, сколько, главным образом, в разработке эпистемологической проблематики метода. Поскольку многие ученые, особенно те, кто помоложе, не слишком сведущи в эпистемологии, у них проявляется склонность к Догматическому следованию канонам того метода, которому их научили.

Фетишизация «Понятия» завела сторонников «Высокой теории» на высочайший уровень обобщения, имеющий, как правило, синтаксическую природу, так что они не могут спуститься к факту.

Оба эти направления, или школы, — «Высокая теория» и абстрактный эмпиризм живут и процветают в рамках того времени, которое должно представлять собой паузы в исследовательском процессе обществоведения. Но то, что должно было быть паузой, если Можно так сказать, стало путем в никуда.

В интеллектуальном плане эти школы являют собой пример отречения от классической социальной науки. Движущий мотив этого отречения заключается в чрезмерном увлечении «методом» и «теорией», а его основная причина связана с отсутствием прочной связи с реальными проблемами. Если бы расцвет и закат доктрин и методов были обусловлены чисто интеллектуальным соревнованием между ними (более адекватные и плодотворные выигрывают, менее адекватные и непродуктивные сходят с дистанции), «Высокая теория» и абстрактный эмпиризм не получили бы своего нынешнего развития. «Высокая теория» стала бы второстепенным философским направлением и, может быть, нашла бы себе прилежных сторонников в лице некоторых молодых преподавателей, а абстрактный эмпиризм стал бы частной теорией философии науки, а также полезным инструментом среди прочих методов социального познания.

Если бы эти два направления были бы единственными и делили между собой первенство в общественных науках, наше положение было бы поистине плачевным. В их практических результатах можно видеть убедительное доказательство того, сколь мало мы знаем о человеке и обществе. Первое направление доказывает это своим формальным и туманным обскурантизмом, второе — формальной и пустопорожней изощренностью.

4. Типы практицизма

Общественные науки переживают наряду с моральным «научный», политический и интеллектуальный кризисы. Попытки игнорировать этот факт являются одной из причин затяжного кризиса. Чтобы судить о проблематике и методах различных школ в социальной науке, мы должны разобраться в огромном многообразии окружающих нас политических ценностей и интеллектуальных задач, ибо мы не можем как следует поставить ни одну проблему, пока не установим чья это проблема. То, что представляется проблемой одному, вовсе не является таковой для другого; это зависит от личного интереса и от того, насколько он осознан. Более того, возникает неразрешимая проблема: люди не всегда проявляют любопытство к тому, что составляет их интересы. Люди не столь рациональны, как иногда думают обществоведы. Все сказанное означает, что в своей работе исследователи человека и общества явно или неявно делают нравственный и политический выбор.

1.

Работе в области общественных наук всегда сопутствуют оценки.

История этих наук знает длинную вереницу доктринерских решений, многие из которых представляют собой попытку уйти от острых вопросов, но есть и хорошо аргументированные, затрагивающие самую суть дела воззрения на мир. Часто иерархию ценностей вообще не учитывают, а суммируют разрозненные или заимствуют готовые ответы, как это делается в прикладной социологии при использовании наемных технических исполнителей. Прикрываясь ценностной нейтральностью своих методик, социолог-прикладник не обходит проблему, а фактически перекладывает ее Решение на других. Несомненно, настоящий мастер интеллектуального труда будет стараться делать свою работу с полным сознанием содержащихся в ней допущений и скрытых установок, не Последнее место среди которых занимают соображения относительно ее Моральной и политической значимости и для общества, в котором он работает, и для самой роли, которую он исполняет в этом обществе.

В настоящее время едва ли не общепринятым стало убеждение в том, что нельзя вывести оценочные суждения из фактических утверждений и определений основных понятий. Но это не значит, что такие утверждения и определения совершенно лишены оценочности. Легко заметить, что в большинстве исследований социальных проблем переплетены фактические ошибки, нечеткие определения понятий и `opedbgtnqr|` оценок. Только после логического анализа можно установить, присутствует ли в постановке конкретной проблемы какой-нибудь конфликт ценностей.

Констатация наличия или отсутствия такого конфликта, а если он существует, то разграничение факта и ценности, является одной из первостепенных задач, решение которой часто берут на себя обществоведы. Логический анализ может вскрыть несовместимость ценностей при постановке какой-то одной цели, что быстро приведет к новой разработке проблемы, открывающей путь для ее решения. Например, если нельзя достичь новых ценностей, не принося в жертву старых, то, чтобы действовать, заинтересованная сторона должна определить, какие ценности представляют для нее наибольший интерес.

Но, когда конфликтующие стороны отстаивают свои ценности столь жестко и последовательно, что конфликт нельзя решить ни путем логических доказательств, ни при обращении к фактам, тогда, по- видимому, разумный выход в этом деле невозможен. Мы должны определить значение и последствия достижения определенных ценностей, мы можем согласовать их друг с другом и уточнять их действительную приоритетность, мы можем подкрепить свои доводы фактами, но в конце концов все придется свести к суждениям и контрсуждениям, а затем нам останется только умолять или убеждать оппонентов. В конечном

счете, моральные проблемы превращаются в проблемы власти, а окончательным средством, к которому прибегает власть, если до этого доходит дело, является насилие.

Мы не можем выводить, — гласит знаменитое юмовское правило, - как нам должно поступать, из того, во что мы верим. Равным образом, нельзя делать выводы о том, как должны поступать другие, исходя из собственных убеждений о том, как бы поступили мы сами. Но, если такой итог действительно приходится подводить, нам остается лишь бить по головам тех, кто с нами не согласен; можно надеяться, что такие исходы бывают редко. Однако, будучи настолько рассудительными, насколько это возможно, мы должны полагаться на здравый смысл.

При выборе проблемы исследования ценности фигурируют в определенных ключевых понятиях, которые влияют и на определение пути их решения. Что касается основных понятий, то наша задача заключается в том, чтобы использовать как можно больше «ценностно-нейтральных» терминов, и в то же время понимать и эксплицировать сохраняющееся в них ценностное содержание. Что касается выбора проблемы исследования, то при этом необходимо ясно осознать те ценности, под влиянием которых сделан этот выбор, а затем всячески стараться избежать влияния на выработку решения собственных ценностных предпочтений, независимо от того, какую ценностную позицию занимает исследователь и к каким моральным и политическим последствиям может привести реализация этого решения.

Между прочим, некоторые критики судят о работе обществоведов по тому, дают ли они мрачные прогнозы или вселяют радужные надежды, отрицательные или позитивно-конструктивные. Такие жизнерадостные моралисты жаждут ощутить душевный подъем, их переполняет счастьем малая толика горячего нестигаемого оптимизма, в котором они черпают силы, чтобы опять радостно двинуться вперед. Но мир, который мы стараемся понять, не всегда и не всем позволяет испытывать политический оптимизм и моральное удовлетворение, иначе говоря, обществоведы бывает трудно разыгрывать из себя радостного идиота. Лично я отношусь к числу оптимистов, но должен признаться, что никогда не был способен признавать или отрицать существование чего-либо в зависимости от того, хорошо ли или плохо. В то же время стенания по «конструктивной программе» и «обнадеживающим выводам» часто являются признаком неспособности воспринимать факты такими, какие они есть, сколь бы неприятны они ни были, - безотносительно к истинности или ложности научных утверждений и к оценке самой деятельности обществоведов.

Обществовед, который тратит свои силы на детальное исследование мельчайших сфер индивидуальной жизнедеятельности, не уходит в своей работе от политических конфликтов и столкновений. По крайней мере косвенно и в

конечном счете он «принимает» рамки общества, в котором живет. Но никто из тех, кто полностью признает интеллектуальные задачи общественной науки не может принять структуру общества как данность. На самом деле его работа в том и состоит, чтобы выявить эту структуру и изучить ее как целое. Начало этой работы и есть результат оценочного суждения. А поскольку имеется так много фальсификаций аме риканского общества, то простое нейтральное его описание часто воспринимается как «дикий натурализм». Конечно же, обществоведы не составят труда скрыть те ценности, которые он отстаивает, признает или подразумевает. Хорошо известно, что под рукой у него для этого всегда находится необъятный арсенал средств, поскольку значительная часть общественно-научного жаргона, и в особенности социологического, возникла как результат странного манерного стремления к демонстративной неангажированности.

Каждый, кто посвящает свою жизнь изучению общества и публикации результатов этой работы, хочет он того или нет, сознает или не сознает, уже действует морально, а часто и политически значимым образом. Вопрос заключается в том, ясно ли он представляет себе это обстоятельство и готов ли к нему морально, или, скрывая его от себя и других, остается нравственно пассивным. Многие, и я бы сказал большинство обществоведов в Америке, волей или неволей оказались сегодня либералами. Как и следует ожидать, они больше всего боятся какой бы то ни было страстной убежденности. Именно этого, а не «научной объективности», на самом деле добиваются те, кто пеняет на «оценочные суждения».

Преподавательскую деятельность, между прочим, я вовсе не приравниваю к сочинительству. Опубликованная книга становится общественным достоянием; если автор и несет какую-то ответственность перед читающей публикой, то она заключается лишь в том, чтобы сделать книгу как можно лучше, и в этом вопросе сам автор является высшим судьей. На преподавателе лежит более серьезная ответственность. В некотором смысле студенты — подне вольные люди и зависят от преподавателя, который, опять-таки в определенном смысле, является образцом для них. Его сверхзадача состоит в том, чтобы как можно полнее показать им самодисциплину умственного труда. Искусство обучать есть в значительной степени искусство думать вслух и при этом ясно выражать свои мысли. В книге писатель часто пытается убедить других в результатах своих размышлений; в аудитории преподаватель должен стараться показать другим, как человек мыслит, и в то же время продемонстрировать, какое замечательное чувство он испытывает, когда делает это хорошо. Далее, преподаватель должен, как мне кажется, ясно излагать допущения, факты, методы и выводы. Он должен ничего не утаивать, а прорабатывать материал медленно, шаг за шагом, и каждый раз давать весь набор моральных альтернатив и только после того делать собственный выбор. Писать так было бы жуткой глупостью и неслыханным

самоуверенностью. Вот почему самые яркие лекторы обычно не публикуются.

Очень трудно быть оптимистом подобно Кеннету Боуддингу, который пишет: «Несмотря на все попытки наших позитивистов dehumanize науку о человеке, остается моральная наука».

Но еще труднее не согласиться с высказыванием Лайонела Роббинса: «Не будет преувеличением сказать, что сейчас одна из главных опасностей цивилизации коренится в неспособности воспитанных на естественных науках умов увидеть разницу между экономикой и техникой»¹.

¹ Эти два высказывания цитируются по книге: Barzun J., Graff H.

The modern researcher. New York: Harcourt, Brace, 1957. P. 217.

2.

Само по себе такое положение не является поводом для огорчений и считается общепризнанным. Сегодня социальные исследования часто непосредственно используются армейскими генералами и социальными работниками, управляющими корпораций и тюремными надзирателями.

Результаты исследований получают все более широкое бюрократическое применение, которое, несомненно, будет расширяться. Кроме того, эти результаты и у обществоведов, и представителей других профессий находят идеологическое применение. На самом деле идеологический потенциал социальной науки неотделим от самого ее существования как социального факта. Каждое общество имеет представления о своей собственной природе, и, в частности, представления и лозунги, оправдывающее систему власти и способы ее отправления. Обществоведы заняты производством идей и представлений; последние то согласуются с преобладающими в обществе представлениями, то противоречат им, но всегда на них ориентируются. Разрабатываемые идеи обычно выполняют определенные функции. Когда ими оправдывают существующий порядок или приход новой влиятельной силы, то реальной власти придается авторитет. Когда в идеях содержится критика и разоблачения, общественное устройство и правительство теряют свой авторитет. Если разрабатываемые представления со вершенно не касаются проблем власти и авторитета, они отвлекают внимание людей от структурных реалий общества.

Такого рода использование науки вовсе не обязательно входит в намерения обществоведов. Я говорю об этом как о возможности, хотя, как правило, обществоведы приходят к осознанию политического значения своей работы. Если одни действительно не осознают этого, другие — в наш век идеологии - скорее всего, осознают.

Спрос на идеологические обоснования существенно возрос хотя бы потому, что сформировались новые институты, имеющие огромную власть, но не обладающие легитимностью, потому что старые институты по-прежнему применяют устаревшие санкции. Власть современной корпорации, например, не получает автоматически своего оправдания в рамках унаследованных от восемнадцатого века либеральных доктрин, которые образуют главную линию легитимации власти в Соединенных Штатах. Каждый интерес и каждая власть, каждая страсть и каждый предрассудок, ненависть и надежда находят идеологический аппарат, посредством которого они конкурируют с лозунгами и символами, доктринами и призывами, сформированными на основе других интересов. По мере расширения и ускорения массовых коммуникаций, их содержание становится все более банальным вследствие постоянного повторения одних и тех же сюжетов. Таким образом возникает постоянный спрос на новые лозунги, верования и идеологии. Было бы странно, если бы с расширением массовых коммуникаций и усилением

интенсивности контактов между людьми, социологи сохраняли бы безразличие к запросам со стороны идеологического аппарата, а исследования не соответствовали им.

Но независимо оттого, сознает или нет обществовед реальное положение дел, занимаясь своей работой, он в определенной мере выполняет некоторую бюрократическую и идеологическую роль. Более того, выполнение одной из этих ролей немедленно ведет к выполнению другой. Использование самых формализованных методик по заказу бюрократической организации легко приводит к оправданию решений, которые якобы принимались на основании результатов исследования. В свою очередь идеологическое использование результатов социологического исследования быстро вошло в арсенал бюрократических методов управления: сегодня легитимация власти, попытки подсластить горькие пилюли проводимого политического курса часто составляют сущность «управления пер соналом» и «связей с общественностью».

История показывает, что применение результатов обществоведения имело больше идеологический, чем бюрократический характер; такое положение сохраняется, пожалуй, и сейчас, хотя часто кажется, что это соотношение меняется. В значительной степени современные общественные науки обязаны своей идеологичностью тому, что сами они развивались как негласный спор с наследием Маркса, а также как осмысление вызова, брошенного социалистическими движениями и коммунистическими партиями.

Классическая политическая экономия составляет главную идеологию капитализма как системы власти. Это обстоятельство часто «блистательно не понимают», даже когда современные советские публицисты ссылаются на наследие Маркса. То, что экономисты всегда упорно цеплялись за метафизику естественного права и моральную философию утилитаризма, ясно показала критика классической и неоклассической доктрин, осуществленная исторической и институциональной школами политической экономии. Но сами эти школы можно понять только в соотнесении с консервативной, либеральной или радикальной «социальными философиями». Особенно начиная с 30-х годов, экономисты, став советниками правительств и корпораций, начали активно разрабатывать отчетливо ориентированные на политику методы управления и установили стандарты детальной экономической отчетности. Хотя не всегда явно, но весьма энергично экономическому анализу находили Идеологическое, равно как и бюрократическое применение.

Неразбериху в экономической науке сегодня создают и разногласия по политическим вопросам, и по научным методам. В равной степени выдающиеся экономисты придерживаются диаметрально

противоположных взглядов. Гардинер Мине, например, обвиняет своих коллег в

том, что они находятся в плену у характерных для восемнадцатого века представлений о мелких разрозненных предприятиях, и ратует за новую модель экономики, в которой гигантские корпорации устанавливают и контролируют цены. С другой стороны, Василий Леонтьев обвиняет своих коллег в расколе на чистых теоретиков и собирателей фактов и развивает замысловатую схему «затраты-выпуск». В то же время Колин Кларк считает подробные схемы «бессмысленной тратой времени» и призывает экономистов задуматься над тем, как улучшить «материальное благосостояние человечества», требуя снижения налогов, тогда как Джон Гэлбрейт утверждает, что экономистам следует перестать интересоваться повышением материального благосостояния, что Америка уже достаточно богата и что дальнейшее наращивание производства — просто глупость. Он призывает своих коллег потребовать расширения сферы услуг и повышения налогов (имеется в виду налогообложение торговли)“.

„Сравните обзор взглядов экономистов в: Business Week. 1958. 2 . Р. 48.

Даже демография, будучи статистической дисциплиной, оказалась втянутой в политический спор о фактах, начатый Томасом Мальтусом. Многие из этих проблем сейчас остро стоят в бывших колониальных странах, на примере которых мы обнаруживаем, что культурная антропология была глубоко пропитана практикой и духом колониализма. С либеральной или радикальной точек зрения экономические и политические проблемы этих стран в общем определяются как потребность в быстром экономическом развитии, в частности, в индустриализации и всем, что с ней связано. Антропологи в ходе этой дискуссии в общем выступают, как и прежние колониальные власти, с предостережениями о необходимости избежать потрясений и напряженности, которые в наши дни якобы едва ли не неизбежно сопровождают развитие слаборазвитых стран.

Содержание и развитие культурной антропологии, конечно же, не следует «объяснять» фактами колониализма, хотя подобные факты в данном случае важны. Кроме того, эта дисциплина служащая либеральным и даже радикальным целям, когда подчеркивала самобытность народов примитивных обществ, социальную обусловленность человеческой психологии и вела пропаганду универсализма в самом западном обществе.

Некоторые историки обнаруживают крайнее усердие в переписывании истории, чему едва ли можно найти иное объяснение, кроме служения идеологическим целям настоящего. Одним из недавних примеров является «переоценка» деловой жизни крупного и среднего бизнеса в эпоху, последовавшую за Гражданской войной. После тщательного изучения многих трудов по американской истории нескольких последних десятилетий мы вынуждены признать, что независимо от практики и идеалов исторической науки ее легко превратить в нудное переписывание национального или классового мифов. С тех пор как общественные науки стали предметом бюрократического использования, предпринимаются попытки, особенно после второй мировой войны, прославить «историческое значение Америки» и в этом прославлении некоторые ученые сумели поставить историю на службу консервативным умонастроениям и их духовным и финансовым покровителям.

Политологов, особенно тех, кто занимается международными отношениями после второй мировой войны, никак нельзя обвинить в том, что в своем анализе политики Соединенных Штатов они решительно придерживаются оппозиционных взглядов. Наверно, профессор Нил Хьютон заходит слишком далеко, когда утверждает что «многое из того, что выдавалось за политическую науку, не шло дальше подстрочных примечаний с рационализациями и дешевой апологетикой этой политики»¹. Этот тезис нельзя оставить без самого тщательного рассмотрения. Также и на вопрос профессора Арнольда Рогоу «Что произошло с великими проблемами?»² нельзя ответить, не осознав, что большая часть политологии последнего времени хотя и ничего не сделала для понимания

важных политических реальностей, но зато вносила вклад в научные рукоплескания официальному политическому курсу и его провалам.

1 Речь на конференции Западной ассоциации политической науки.

1958.12 апреля.

2Rogow A. Whatever happened to the Great Issues? // American Political science Review. . 1957.

Все это я пишу не ради критики и не для того, чтобы доказать необъективность общественных наук. Я лишь хочу напомнить читателю, что общественные науки неизбежно связаны с бюрократической рутинной и идеологическими целями, что эта связь проявляется в разнообразии и неупорядоченности нынешних общественных наук и что их политическую подоплеку лучше обсуждать открыто, чем умалчивать о ней.

3.

Во второй половине XIX века общественные науки в США были непосредственно связаны с реформистским движением и со вершенствованием социальной жизни. «Движение за социальную науку», оформившееся в 1885 г. в «Американскую ассоциацию общественной науки» представляло собой характерную для конца XIX века попытку «применить науку» к решению социальных проблем, не прибегая к явным тактическим средствам политической деятельности. Короче говоря, это была попытка превратить жизненные проблемы и трудности людей низшего класса в предмет забот общественности из средних классов. К началу XX века это движение изжило себя. Оно утратило всякий радикализм реформистских идеологий среднего класса; его стремление к общему благополучию превратилось в узкоспециализированные виды социальной работы в рамках благотворительных, детских организаций, поддержки тюремной реформы. Но «Американская ассоциация общественной науки» породила ряд профессиональных ассоциаций, а впоследствии и академических общественно-научных дисциплин.

Таким образом, от реформистской социологии среднего класса отпочковались, с одной стороны, учебные дисциплины, а с другой — более специфические и организованные виды деятельности, целью которых было общественное благополучие. Этот раскол, однако, не привел академические дисциплины к моральной нейтральности и научной стерильности.

В Соединенных Штатах либерализм был и остается общим политическим знаменателем практически всего обществоведения, равно как и источником всей публичной риторики и идеологии. Этот широко признанный факт объясняют известными историческими условиями и, наверно, прежде всего отсутствием феодализма, то есть аристократического базиса для антикапиталистической элиты и интеллектуалов. Либерализм классической политической экономии, который до сих пор оказывает формирующее воздействие на взгляды влиятельных отрядов деловой элиты, не выходит из политического обихода; даже авторы наиболее изощренных экономических опусов сохраняют глубокую приверженность идее баланса или равновесия.

Особое влияние либерализм оказал на социологию и политологию. В отличие от своих европейских предшественников, американские социологи более склонны браться за изучение какой-то одной эмпирической детали, одной проблемы жизнедеятельности людей в рамках определенного промежутка времени. Одним словом, они рассеивают свое внимание. В соответствии с «демократической теорией знания» они предполагали, что все факты созданы равными.

Более того, они настаивали на том, что любое социальное явление обязательно должно иметь большое количество мельчайших причин.

Эта, так сказать, «плюралистическая каузация» весьма удобна для либеральной

политики «постепенных» реформ. Фактически идея о том, что причины социальных событий неизбежно многочисленны, фрагментарны и по отдельности ничтожны, легко укладывается в то, что можно назвать либеральным практицизмом¹.

¹ Cp. Mills Ch. The Professional Ideology of Social Pathologists // Ame-”can Journal of Sociology. . 1943.

Если истории американской социологии и присуща какая-то одна ориентация, то это, безусловно, склонность к разрозненным исследованиям, накоплению отдельных фактов и следованию догме о плюралистичности причин социальных явлений. В этом заключаются черты либерального практицизма как стиля социального исследования. Ибо, если каждая вещь обусловлена неисчислимыми «факторами», то нам лучше проявлять крайнюю осторожность в любом предпринимаемом нами практическом действии. Мы Должны учитывать множество деталей, а потому нам советуют довести начатую в одном маленьком ареале реформу и посмотреть, что получится, прежде чем браться за дальнейшее реформирование. И, конечно же, нам не следует быть догматиками и намечать слишком широкий план действий: в реку, где все взаимодействует со всем, мы должны входить, терпеливо осозная, что нам еще не известно и, может быть, никогда не будет известно все многообразие действующих в ней причин. Исследуя непосредственную жизнедеятельность людей, мы должны учитывать множество маленьких причин; чтобы действовать разумно, как люди практические, мы должны быть неторопливыми реформаторами, производя улучшения сначала в одной сфере жизнедеятельности, затем — в другой.

Следует помнить афоризм: продвигайся осторожно — все не так просто. Если мы разобьем общество на мельчайшие «факторы», то для того, чтобы составить представление о чем-то конкретном, нам, естественно, потребуются всего лишь некоторые из них и мы никогда не сможем быть уверенными, что учли все. Подчеркивать лишь «органичность целого», упускать адекватные, обычно структурные по своему характеру, причины, и неисправимая манера ограничиваться синхронным изучением лишь одной ситуации — все это серьезно затрудняет понимание структуры status quo. Для сохранения равновесия нам, пожалуй, следует вспомнить, что существуют и другие подходы.

Во-первых, разве не очевидно, что «принципиальный плюрализм», может быть, столь же догматичен, как и «принципиальный монизм»? Во-вторых, неужели изучая причины явлений, обязательно впадать в дурную бесконечность? Ведь при изучении социальной структуры мы пытаемся отыскать причины явлений, а отыскав их, установить те факторы, на которые политическое и административное воздействие даст шанс более разумно организовать жизнь людей.

Однако «органической» метафизике либерального практицизма свойственно подчеркивать все, что стремится к гармонии и равновесию. Когда исследователь во всем видит «непрерывность», резкие изменения в плавном ходе событий и революционные потрясения, столь характерные для нашего времени, упускаются из виду, или рассматриваются как признак «патологии» и «плохой адаптивности». Формализм и априорное признание целостности скрываются за такими невинными терминами, как «нравы» или «общество», которые мешают разглядеть социальную структуру современного общества.

Каковы причины фрагментарности либерального практицизма? К чему эта социология отдельных сфер жизнедеятельности? Быть может, деление на факультеты помогает обществоведам находить проблемы для исследований. Похоже, социологи весьма озабоченны тем, что представители старых социальных наук с неохотой уступают им место под солнцем. Наверно, подобно Огюсту Конту и таким «Высоким» теоретикам, как Толкотт Парсонс, социологи хотят иметь свое собственное поле деятельности, совершенно отличное от экономики и политологии. Но я не думаю, что стремлением укрыться за междисциплинарными барьерами во внутриакадемической борьбе или недостатком способностей можно адекватно и исчерпывающе объяснить ползучий эмпиризм либерального практицизма с его отказом рассматривать проблемы социальной структуры.

Посмотрите, для кого издано так много книг по социологии.

Большинство «систематических» и «теоретических» работ по этой дисциплине написано преподавателями в виде учебников для учебных целей. То, что социология во многих учебных заведениях в академической среде завоевывала себе право на существование в борьбе с другими дисциплинами, вероятно, увеличило потребность в подобных учебниках. Но существующие учебники организуют факты, чтобы студенты их усваивали, а не для того, чтобы ученые, отталкиваясь от них, проводили исследования и делали новые открытия. Поэтому написание учебников быстро превратилось в механическое собирание фактов для иллюстрирования более или менее устоявшихся концепций. Эвристическим возможностям новых идей, взаимодействию идей и фактов, как правило, придают не слишком большое значение в процессе компоновки собранных фактиков в особый, принятый в учебниках порядок. Старые идеи, подкрапленные новыми фактами, зачастую оказываются важнее новых идей, от которых как раз и исходит угроза, что книжка не будет «допущена» в качестве учебного пособия в том или ином учебном заведении. Решая вопрос о Допуске, преподаватели выносят приговор тексту и, тем самым, задают себе критерии успеха. Да и кому охота на разработку принципиально новых лекций тратить уйму своего времени.

Но кто те студенты, для которых пишутся книги? Это, главным образом, молодые люди из среднего класса, многие из них, особенно в учебных заведениях Среднего Запада, происходят из семей фермеров и мелких бизнесменов, они собираются стать людьми свободных профессий и менеджерами. Писать для них значит: работать для особой публики, для нового поколения среднего класса.

Авторы и читатели, преподаватели и учащиеся имеют сходный социальный опыт. Корни, жизненные цели и преграды, которые могут встать у них на пути – все общее.

Раньше практической социологией, изучавшей конкретную жизнедеятельность

людей, проблемы политики редко ставились радикально. Либеральный практицизм склонен к аполитичности или своего рода демократическому оппортунизму. Когда его приверженцы касаются политики, ее «патологичность» закрепляется в таких терминах, как «антисоциальная направленность» или «коррупция». В других контекстах «политика» идентифицируется с нормальным функционированием политического status quo и легко смешивается с юриспруденцией и государственным управлением. Политический порядок редко оказывается предметом рассмотрения, а принимается в качестве абсолютно застывшей и отдаленной от жизни структуры.

Либеральный практицизм полностью отвечает психологии людей, которые в силу своего положения в обществе обычно имеют официальный статус и работают с потоком отдельных индивидуальных случаев. Судьям, социальным работникам, психиатрам, учителям, реформаторам местного масштаба легче мыслить в рамках конкретной ситуации. Их кругозор не идет дальше установленных стандартов. У них формируется профессиональная неспособность абстрагироваться от конкретики. Их опыт и точки зрения на общество весьма схожи и слишком однородны, чтобы допустить противоборство идей и мнений, необходимое для построения целостной картины действительности.

Либеральный практицизм -это морализирующая социология повседневности.

Понятие «культурного отставания» целиком относится к этому «утопически»-прогрессивному стилю мышления. Подобные идеи предполагают потребность что-то изменить с тем, чтобы изучаемый объект «привести в соответствие» с уровнем прогрессивной технологии. Все, в чем видится «отставание», существует в настоящем, но причины помешаются в прошлое. Таким образом, суждения о несоответствии оказываются на поверку суждениями о временной последовательности событий. В оценочных суждениях о мер`bmnlerpmnqrh «прогресса» понятие «культурного отставания» особенно в ходу у тех, кто пребывает оптимистически-либеральном наклонении; оно сообщает им, какие изменения «назрели»: то есть должны были произойти, но не произошли. Оно сообщает, где прогресс свершился, а где дело обстоит не столь успешно, распознать патологическое «отставание», конечно, затруднительно из-за особенностей его исторического облика, а также из-за узости программ, топорно сформулированных псевдообъективными фразами о «назревшей необходимости».

Обозначить проблему в терминах «культурного отставания» -значит маскировать оценочное суждение. При этом важно ответить на вопрос, какого рода оценки склонен делать деятельный либерал? Идея об общем отставании «институтов» от «технологий» и «науки» весьма популярна. В ней содержится позитивная оценка «Науки» и признается необходимость упорядоченных прогрессивных изменений.

Иными словами, это либеральное продолжение Просвещения с его всеобъемлющим рационализмом, мессианством и очевидной политической наивностью в своем общем восхищении естественными науками как образцом мышления и действия, с отождествлением времени и прогресса. Понятие прогресса в американские колледжи было внесено во времена господства шотландской моральной философии. Со времен Гражданской войны вплоть до того времени, которое еще помнит нынешнее поколение, городской средний класс в Америке частично состоял из людей, чей бизнес расширялся, кто завоевывал средства производства вместе с политической властью и социальным престижем. Многие работающие в системе образования социологи старшего поколения либо вышли из этого переживающего подъем социального слоя, либо активно примкнули к нему. Их студенты и ученики — их аудитория — стали продуктом этого слоя.

Понятие прогресса, как неоднократно отмечалось, обычно созвучно мыслям тех, кто поднимается по шкале дохода и социального положения.

Те, кто употребляет понятие «культурного отставания», обычно не изучают позиции заинтересованных групп и принимающих решения лиц, которые в различных сферах жизнедеятельности общества могут «отставать» в силу неодинаковой «изменчивости». Но сравнению с другими сферами часто «отстает» именно технология. Таким было положение в тридцатые годы, и во многом аналогичное состояние дел сохраняется до сих пор, например, в ведении домашнего хозяйства и в пользовании индивидуальным транспортом.

В отличие от принятого многими социологами употребления понятия «отставание», Торстейн Веблен интерпретировал его в контексте структурного противоречия между промышленностью и бизнесом. Он задался вопросом: где с наибольшей остротой дает о себе знать «отставание»? Веблен попытался понять, как профессиональная ограниченность бизнесменов, действующих в соответствии с предпринимательскими канонами, приводит к существенному снижению производства и производительности труда. Кроме того, он в определенной степени понял роль прибыли в системе частной собственности, но почти не касался проблем некачественного производства. Его самое большое достижение заключается в обнаружении структурной механики «отставания». Между тем, многие социологи совершенно не учитывают политический смысл термина «культурное отставание», так что он теряет всякую специфику и связь с социальной структурой — они обобщили определенную идею для того, чтобы применять ее ко всему, чему угодно.

4.

Чтобы определить практические проблемы, необходимо производить оценки. Как правило, либеральные практицисты считают «проблемой»: 1) все, что отклоняется от мелкобуржуазного образа жизни небольших городов; 2) все, что расходится с сельскими принципами стабильности и порядка; 3) все, что противоречит оптимистическим прогрессистским лозунгам «культурного отставания», и 4) все, что не соответствует принятому пониманию «социального прогресса». Но во многих отношениях суть либерального практицизма заключается в понятии «приспособления» и его противоположности — «неприспособления».

За этим понятием обычно не кроется какой-то конкретный смысл, но довольно часто его содержание на самом деле оказывается пропагандой конформности тех норм и черт, которые отвечают идеалам среднего класса малых городов. Хотя определенные социальные и моральные элементы маскируются якобы нейтральным биологическим термином «адаптация», на деле этот термин тесно связан с такими откровенно социальными понятиями, как «существование» и «выживание». Биологическая метафора превратила «приспособление» в лишенное оценочного компонента универсальное Понятие. Но часто обнаруживается, что автор, употребляя его, исходит из тех целей и средств, которые приняты в малых территориальных сообществах. Многие авторы, которые предлагают наименее болезненные способы достижения привлекательных для среднего класса жизненных целей, обычно не задумываются, смогут ли конкретные неимущие группы и индивиды постичь этих целей без изменений институциональной структуры в целом.

Идея приспособления сразу помещает нас, в частности, в такую социальную ситуацию, где, с одной стороны, имеется «общество», а с другой — «иммигрант-одиночка», который должен «при приспособиться» к обществу. «Проблема иммигрантов» давно находится в центре социологической проблематики, а соответствующие понятия могут прекрасно стать частью общей модели для формулирования всех «проблем».

На основе подробного изучения специфических иллюстраций неприспособленности легко вывести тип личности, которую считают идеально «приспособившейся».

Идеальный человек, который фигурирует в работах раннего поколения социологов и вообще в работах сторонников либерального практицизма, это «социализированный» человек. Часто это означает этическую противоположность «себялюбцу». Социализированный индивид думает о других и ведет себя дружелюбно; он не грустит и не хандрит, напротив, он в некотором роде экстраверт, активно участвует в повседневной жизни местного сообщества, способствует его умеренному «прогрессу». Он является членом определенных

местных организаций, в работе которых участвует, посещает их собрания. Даже если он не является «душой общества», в округе его знают достаточно хорошо. К счастью, он разделяет принятые моральные нормы и вносит посильную лепту в поддержание пользующихся уважением институтов. Его отец и мать никогда не были в разводе; в его семье не было серьезных потрясений. Он достиг «успеха», пусть скромного, но у него небольшие амбиции. Такой человек не ломает голову над тем, что выходит за пределы прямой досягаемости, ибо он не «мечтатель». Как настоящий маленький человек, он не гонится за большими деньгами. Некоторые его добродетели столь абстрактны, что мы даже не можем толком сказать, что они значат. Но некоторые весьма конкретны, и тогда мы обнаруживаем, что Добродетели этого приспособившегося к своей ячейке человека соответствуют нормативным ожиданиям незаметного, независимого среднего класса, буквально воплощающего своей жизнью протестантские идеалы в малых городах Америки.

Я готов согласиться, что этот славный мирок либерального практицизма должен где-то существовать, в противном случае его обязательно нужно было выдумать. Для такой выдумки, кажется нет лучшей категории людей, чем рядовые американские социологи последнего поколения, и нет для нее более подходящей концепции, чем либеральный практицизм.

5.

В течение последних нескольких десятилетий рядом со старым практицизмом возникла его новая разновидность, вернее, даже несколько разновидностей. Либерализм стал не столько реформистским движением, сколько участником управления социальной сферой в государстве благоденствия; социология утратила свой реформистский заряд; ее склонность к мелкотемью и плюралистической каузации обернулась охранительной направленностью в интересах корпораций, армии и государства. По мере возрастания роли бюрократического аппарата в экономических, политических и военных институтах изменился и смысл «практичности»: теперь то, что признается отвечающим интересам этих господствующих институтов, считается «практичным»¹.

Пожалуй, школа «человеческих отношений в промышленности» послужит явным примером нового антилиберального практицизма².

¹ Даже на самой трактовке «социальных проблем» (которые являются, так сказать, академическим коньком либерального практицизма) отразился сдвиг от старого практицизма к новому.

Учебные курсы по социальной дезорганизации сильно изменились по сравнению с теми, что читались ранее. Практицисты образца 1958 г. далеко продвинулись в понимании ценностей, с которыми они имеют дело. В политическом отношении данная область стала в значительной степени частью общей идеологии и используется критически настроенными группами давления и административными пешками государства всеобщего благосостояния.

² Подробный анализ «Школы Мэйо» содержится в статье: Mills Ch- The contribution of sociology to studies of industrial relations // Proceedings of First Annual Meeting of Industrial Relations Research Association. Cleveland, Ohio, 1948.

Если мы изучим все термины, которые употребляются «в литературе» данного направления по отношению к менеджерам и рабочим, то обнаружим, что о менеджерах чаще говорят в категориях «умный — неумный», «рациональный — нерациональный», «знающий - незнающий», в то время как о рабочих говорят в категориях «счастливый - несчастный», «эффективный - неэффективный», «высокоморальный — аморальный».

Основное содержание рекомендаций этих ученых — эксплицитно выраженное и подразумеваемое — исчерпывается следующей формулой: чтобы сделать работника счастливым, эффективным и готовым к сотрудничеству, нам нужны умные, рациональные и знающие дело менеджеры. Разве не такова политическая формула человеческих отношений в промышленности? Если нет, то что еще в нее входит? Если она такова, то не свидетельствует ли она, говоря практически, о «психологизации» проблем производственных отношений? Не основывается ли она на классических формулах естественной гармонии интересов, которая сейчас, к несчастью, оказалась нарушенной из-за несовершенства человеческих взаимоотношений, происходящих от неадекватности менеджеров и достойной сожаления иррациональности рабочих? В какой степени рекомендации, полученные на основе анализа этих исследований, советуют менеджерам по персоналу сменить авторитарный стиль и манипулирование подчиненными на лучшее их понимание и учет неформальной солидарности против аппарата управления и, таким образом, обеспечить эффективность руководства в более спокойной и менее конфликтной манере? Все эти вопросы оказываются в самом центре внимания благодаря Понятию «морального».

Работа на современном промышленном предприятии — это работа в иерархической системе, где есть начальники, а следовательно, есть и подчиненные. Значительная часть работы стандартизована.

Это значит, что для увеличения выпуска продукции труд каждого рабочего разбивается на отдельные однотипные операции. Если мы совместим обе черты — иерархичность производственной структуры и стандартизованность труда, - то станет очевидно, что Работа на современном промышленном предприятии требует дисциплины: быстрого и стереотипного подчинения начальству. Фактор власти, которого столь робко касаются эксперты в области человеческих отношений, таким образом, оказывается центральным для адекватного понимания проблем морали.

Поскольку завод, это место, где выполняется работа и формируются социальные отношения, при определении морального климата мы должны учитывать как объективный, так и субъективный критерий.

Субъективно благоприятный моральный климат означает добровольную готовность работников выполнять необходимую работу добросовестно и даже с

удовольствием. Объективное значение, видимо, будет заключаться в том, чтобы работа была эффективной, осуществлялась в кратчайшие сроки, с наименьшими трудностями и при этом достигалась наименьшая себестоимость изделия. Соответственно, благоприятный моральный климат на современном американском заводе понимается как добровольное подчинение со стороны рабочего, результатом чего является такое выполнение текущей работы, которое получает высокую оценку руководителя.

Сколь-нибудь четкая концептуализация морали в этом случае предполагает установление определенных ценностей в качестве критерия. Две ценности мы можем назвать: удовлетворенность рабочего и его самостоятельность в работе. Если посмотреть шире, мы вспомним о «морали» самоуправляющегося работника, который участвует в принятии решений относительно своего труда и сейчас тлив делать это. Это неотчужденный человек Адама Смита и Джефферсона.

Однако нужно помнить, что все необходимые предпосылки для того, чтобы можно было вообразить такого человека, превратились в совершенный абсурд с появлением крупных предприятий, на которых устанавливается иерархическая организация труда. Фактически классический социализм явился строго логическим продолжением классического либерализма применительно к условиям крупного машинного производства. Из либерализма логически выводился и другой тип «морали», фактически реализовавшийся в классических концепциях «рабочего контроля», в которых оформился образ неотчужденного человека в объективных условиях крупных производственных коллективов.

В противоположность этим двум типам «морали» экспертами по человеческим отношениям рассматривается мораль такого работника, который, не имея никакой власти, все-таки остается довольным.

Конечно, значительная часть людей подпадает под эту категорию, но дело состоит в том, что без изменения структуры власти никакое истинно коллективное производство или самоуправление невозможны. Планируемая экспертами по «человеческим отношениям» мораль — это мораль людей, которые будучи отчужденными, тем не менее подчиняются установленным сверху и конвенциональным ожиданиям. Исходя из того, что существующая структура
опнl{xkemnnqrh не будет меняться, и что цели менеджеров совпадают с целями всех и каждого, эксперты по «человеческим отношениям» не исследуют авторитарность структуры современной промышленности и роль рабочего в ней. Они определяют проблему морали в очень узких рамках и своими методиками стараются показать заказчикам-менеджерам, как они могут улучшить моральное состояние наемных работников внутри существующей структуры власти. Их задача - манипулирование. Они позволяют наемному работнику «спустить пар», не меняя структуру, в которой тому предстоит прожить всю свою трудовую жизнь. То, что открыли эти социологи, заключается в следующем: 1) внутри

официальной властной структуры современного производства (формальной организации) существуют «статусные образования» («неформальные организации»); 2) последние часто противостоят официальным властям и их действия направлены на защиту рабочих от произвола власти; 3) тем не менее, для поддержания эффективности работы и предотвращения «несоглашательских» тенденций (профсоюзы и рабочая солидарность), менеджерам не следует ломать эти образования, а, напротив, использовать их в своих собственных целях («в интересах коллектива всей организации»); и 4) это можно делать, если признать подобные организации и изучать их деятельность для манипулирования входящими в них рабочими вместо того, чтобы авторитарно помыкать ими. Одним словом, эксперты в области человеческих отношений движутся в русле общей тенденции современного общества к рационализации и в интересах управленческой элиты¹.

¹ Конечно, не следует думать, будто в этой области исследований обществоведы не сделали ничего лучшего по сравнению со школой человеческих отношений в промышленности. Напротив, было выполнено много превосходных работ и еще больше выполняется сейчас. Среди них можно упомянуть, например, работы Чарлза Линдблума, Джона Дэнлэпа, Уильяма Форма, Делберта Миллера, Уилберта Мура, В. Л. Аллена, Сеймура Липсета, Росса Стагнера, Артура Корнхаузера, Уильяма Уайта, Роберта Дьюбина, Артура Росса.

Одна из выдающихся идей общественной науки девятнадцатого века заключается в том, что в ходе эволюции современного капитализма происходят такие структурные изменения, при которых, с одной стороны, массы людей теряют всякую самостоятельность в определении своей жизни, а с другой, ими овладевают мятежные настроения и завышенные требования. Соответственно прорисована и основная линия исторического развития: с распространением рационального сознания и расширением кругозора рабочих возвысится, в новом коллективном синтезе, от отчужденности к сознательности триумфально шествующего пролетариата. Карл Маркс совершенно правильно предсказал многие структурные изменения, но он ошибался относительно их психологических последствий.

Теоретическая проблематика промышленной социологии, поскольку она подошла к политическому и интеллектуальному климаксу в кон цепции морали, заключается в исследовании различных типов отчуждения и нравов, с точки зрения структуры власти и ее значения для жизни отдельного рабочего. Для этого требуется рассмотреть, в какой степени психологические сдвиги отвечают произошедшим структурным изменениям, в каких случаях и почему это происходит. Эти направления весьма перспективны для научного исследования трудовой жизни современного человека.

6.

Новый практицизм рождает новые представления об общественной `sje и обществоведах. Появляются новые институции, в которых утверждается ограниченный практицизм: центры изучения социальных отношений в промышленности, исследовательские бюро университетов, соответствующие исследовательские отделы в корпорациях, в авиации и правительстве. Они не интересуются обездоленными, живущими на дне общества: трудными подростками, падшими женщинами, мигрирующими рабочими, не принявшими американский образ жизни иммигрантами. Напротив, эти учреждения делами и помыслами связаны с высшими слоями общества, в особенности, с просвещенными кругами управляющих компаниями и генералами, распоряжающимися солидным бюджетом. Впервые за всю историю социальных наук ученые вступают в профессиональные отношения с частными и официальными властями более высокого уровня, чем благотворительная организация или ответственный за социальное обеспечение муниципальный чиновник.

Их позиция изменилась – с академической на бюрократическую, а публика — с участников реформаторских движений на кружки принимающих решения лиц; поменялась и проблематика: раньше тему исследования выбирал ученый, теперь — его новый заказчик. Сами обществоведы становятся интеллектуально все менее мятежными и все более административно практичными. В целом принимая status quo, они склонны планировать свою работу, исходя из тех трудностей и злободневных проблем, какие перед собой ставят администраторы. Они изучают, как мы видели, беспокойных рабочих с низкими моральными качествами, менеджеров, которые «не понимают» искусства управления человеческими отношениями. Кроме того, они усердно служат коммерческим и корпоративным целям в информационной и рекламной индустрии.

Этот новый практицизм является реакцией научно-педагогических кругов на резко возросший спрос в сфере управления на специалистов в области «человеческих отношений», и на новое идеологическое оправдание корпоративного бизнеса как системы власти. Спрос на работников и новую идеологию возник в результате таких изменений в американском обществе как рост влияния профсоюзов — конкурирующих центров лояльности граждан и общественной вражды к бизнесу — в периоды экономических спадов; как громадная концентрация власти в современных корпорациях; как разрастание государства благоденствия, общественное одобрение его деятельности и возросшее вмешательство в экономику. Подобные тенденции являются частью общего сдвига внутри мира большого бизнеса от, так сказать, экономического практицизма к политически изоциренному консерватизму.

Практические консерваторы с их утопическим представлением о капитализме

laissez-faire, по существу, никогда не принимали профсоюзы как необходимую и полезную часть политической эконoмии. Они использовали любую возможность, чтобы расколоть или ограничить профсоюзы, публично прикрываясь лозунгом свободы частного присвоения здесь и сейчас. Эта незатейливая идея все еще остается доминирующей в сфере малого бизнеса, особенно среди розничных торговцев, а также порой в большом бизнесе. «Дженерал Моторс» и «Ю. С. Стил» чаще других крупных компаний выделяются своей «практичностью» твердого консерватизма. Исторически практический консерватизм основывается на том, что бизнесмены не чувствуют потребности в создании какой-то новой или более изощренной идеологии: содержание их идеологии всегда очень близко совпадает с широко распространенными и неоспариваемыми идеями.

Когда появляются новые центры власти, еще не легитимные, еще не способные облачиться в символы законной власти, тогда возникает потребность в новых идеологиях, оправдывающих их действия.

Onbkemhe изощренных консерваторов, которых отличает использование либеральных символов с консервативными целями, можно проследить по крайней мере с рубежа веков, когда исследователи и журналисты, объявив настоящий крестовый поход против бизнеса, раскапывали целые горы грязи. В атмосфере общего экономического кризиса и с принятием «закона Вагнера» они опять появились на сцене, а со времен второй мировой войны вновь стали набирать силу.

В отличие от рядовых практиков правого толка изощренные консерваторы очень чутко улавливают политическую конъюнктуру для извлечения прибылей в экономике, где могущественные профсоюзы сталкиваются с комбинациями деловых интересов в рамках административной структуры разросшегося либерального государства. Они чутко улавливают потребность в новых символах оправдания своей власти в период, когда профсоюзы и государство со ревнуются в борьбе за лояльность граждан, и в частности рабочих.

Заинтересованность бизнесменов в новом типе практицизма кажется довольно ясной. Но каковы интересы профессоров? В отличие от бизнесменов их заботит не собственно денежное, управленческое или политическое выражение этого практицизма, которое для них может служить прежде всего другим целям, концентрирующимся, как я думаю, вокруг их «карьеры». Верно, что профессора благосклонно относятся к небольшим прибавкам к жалованью от исследовательской деятельности и консультирования. Они могут испытывать, а могут и не испытывать удовлетворение, помогая менеджерам получать от своих предприятий больше прибыли с меньшими усилиями; они могут испытывать, а могут и не испытывать мощный душевный подъем при возведении новой более приемлемой идеологии для могучего делового истеблишмента. Но в той степени, в какой они остаются представителями академической сферы, их

интеллектуальные цели не обязательно ограничатся такого рода удовлетворением.

Их участие в этих исследованиях является реакцией на новые возможности применить себя, появление которых связано с общим укрупнением и бюрократизацией бизнеса и правительства, с изменением в институциональных отношениях между корпорациями, правительством и профсоюзами. Эти изменения привели к повышению спроса на экспертов и, соответственно, к появлению новых возможностей для карьеры как вне, так и внутри университета. В ответ на запросы внешней среды высшие учебные заведения стали поставлять все больше якобы аполитичных специалистов.

Для тех, кто остался в стенах университетов, стала доступна карьера нового типа, отличная от карьеры старомодного профессора. Ее можно назвать карьерой «предпринимателя нового типа».

Люди типа такого «амбициозного консультанта» получили возможность делать свою карьеру в университете в результате престижа, который возникает даже за счет того, что они занимают невыесокие посты за пределами университета. Кроме того, такой профессор получает возможность организовать в кампусе солидно финансируемый исследовательский институт, который обеспечивает сообщество преподавателей живыми контактами с деловыми людьми.

На фоне более склонных к келейной жизни коллег такой предприниматель становится лидером в делах университета.

Думаю, мы должны признать, что преподавательская деятельность в Америке редко приносила амбициозным людям полное Удовлетворение исключительно продвижением в академической сфере. Престиж этой профессии часто непропорционален связанным с ним материальным жертвам; оплата, а вместе с ней и стиль жизни, как правило, ничтожны, и неудовлетворенность многих преподавателей возрастает из-за осознания того, что они порой Намного превосходят тех людей, которым в других областях стал Доступен больший престиж и $\text{ank}|\text{x}'$ власть. Для таких обиженных судьбой профессоров новые направления в применении общественных наук дают хорошие возможности удовлетворить свое Желание поуправлять, не будучи, так сказать, деканом.

Однако уже известно по опыту, что даже молодые и очень нетерпеливые, увлеченные новыми карьерными возможностями профессора, вырвавшись из академической колеи, могут угодить мягко говоря, в малоприятное место. Во всяком случае, есть основание выражать по этому поводу обеспокоенность, и новые академические предприниматели часто, похоже, просто не осознают, чего они хотят достичь. Складывается впечатление, что у них нет четких критериев, по которым можно было бы определить успех в достижении своих неясных целей. Не в этом ли кроется причина их возбужденной рассеянности?

В целом академическое сообщество в Америке морально готово для того нового

практицизма, в который оно вовлекается. И в самом университете, и за его пределами преподаватели становятся экспертами в административных машинах. Это несомненно сужает их внимание и диапазон политического мышления, которого можно было от них ожидать. Американские социологи в своей массе крайне редко шли, если вообще шли на явный политический ангажемент; склонность к исполнению технических ролей всегда усиливала аполитичность их взглядов, ограничивала (насколько возможно) их политическую активность и часто, от отсутствия упражнений, саму способность хотя бы в общих чертах уяснить политические проблемы. Это одна из причин, почему журнал исты гораздо более политически чутки и осведомлены, чем социологи, экономисты и, страшно сказать, политологи. Американская университетская система практически не дает политического образования; она не учит, как распознать, что происходит в общей борьбе за власть в современном обществе. Большинство социологов имеют мало контактов с оппозиционными секторами общества или не имеют их вовсе; нет левой прессы, с которой средний преподаватель мог бы вступать на протяжении своей карьеры в интеллектуально взаимообогащающие отношения. Нет такого движения, которое бы давало если не работу, то поддерживало бы престиж политических интеллектуалов; и академическое сообщество почти не имеет корней в рабочих кругах.

Все это означает, что в ситуации, в которой находятся преподаватель и ученый в Америке, принятие нового практицизма не потребует от них идеологических сдвигов или измены политическим идеалам. Поэтому было бы наивно и неправильно говорить о том, что кто-то «продался», ибо, безусловно, такая резкая фраза быть уместной только в том случае, когда есть что продавать.

5. Бюрократический дух

13 течение 30 — 50-х годов нашего века коренным образом изменились политическое значение обществоведения и его роль в практике управления. Старый либеральный практицизм, нацеленный на решение «общественных проблем», продолжает существовать, однако его затмевает административно-манипуляционный стиль новейших консерваторов. Этот новый нелиберальный, урезанный практицизм принимая различные формы, стал общей тенденцией развития гуманитарных дисциплин в целом. Обсуждение нового этоса я позволю себе начать с его логического обоснования из «последнего предупреждения студенту, собирающемуся стать социологом» Пола Лазарсфельда:

«Его, вероятно, волнует положение в мире. Опасность новой войны, между социальными системами, быстрые общественные изменения, наблюдаемые им в своей стране, наверно, заставляют его почувствовать, что изучение происходящего в обществе является делом особой важности. Опасность кроется в возможных ожиданиях того, что он сможет решить все текущие проблемы, стоит только ему позаниматься социологией несколько лет. К несчастью, это не так. Он научится лучше понимать то, что происходит вокруг него. Изредка ему случится найти направления успешного социального действия. Но социология еще не достигла той стадии, когда она может служить надежным основанием для социальной инженерии... Со времен Галилея и начала промышленной революции прошло около двух с половиной веков, прежде чем естественные науки оказали сильнейшее влияние на мировую историю.

Эмпирическое исследование общества насчитывает в своей истории три-четыре десятилетия. Если мы будем ожидать от него быстрых решений величайших мировых проблем, если мы будем требовать лишь немедленных практических результатов, мы лишь нарушим естественное его развитие»¹.

¹ Lazarsfeld P. Op. Cit. P. 19 – 20 (курсив мой. - Ч. Р. М.).

То, что в последние годы называют «Новой социальной наукой», относится не только к абстрактному эмпиризму, но также к Новому узколобому практицизму. Сказанное относится как к методу исследования, так и к использованию результатов, - это верно ибо техника абстрактного эмпиризма и его бюрократическое применение сейчас тесно взаимосвязаны. Тезис, который я отстаиваю заключается в том, что такая взаимосвязь ведет к развитию особой, бюрократической социальной науки.

В каждом своем проявлении абстрактный эмпиризм в повседневной практике представляет собой развитие «бюрократического» начала.

Во-первых, попытка стандартизировать и рационализировать каждый этап социального познания приводит к «бюрократизации» самих интеллектуальных операций абстрактно-эмпирического стиля. Во-вторых, эти операции приспособлены к тому, чтобы обеспечить исследованию человека коллективность и систематичность. В тех исследовательских институтах, агентствах и бюро где абстрактный эмпиризм крепко обосновался, в целях эффективности, если не ради чего-то еще, идет такая же рациональная рутинизация, как в любой бухгалтерии крупной корпорации. В-третьих, стандартизация и рутинизация, в свою очередь, серьезно влияют, как в интеллектуальном, так и в политическом плане, на отбор и формирование работников с особым типом сознания. В-четвертых, практикуемая в бизнесе, особенно в рекламных отделах при средствах массовой информации, в вооруженных силах, а также все больше и больше в университетах, «Новая социальная наука» стала служить любым целям, которые могут преследовать ее бюрократические клиенты. Тот, кто внедряет и практикует этот стиль исследования, сразу же становится на точку зрения своих бюрократических клиентов и руководителей, а это часто естественным образом ведет к принятию их политических взглядов. В-пятых, достижение поставленных в исследовании практических целей повышает эффективность и репутацию — а следовательно, расширяет сферу применения — бюрократических форм господства в современном обществе. Но независимо от достижения поставленных целей (это вопрос спорный) эмпирики реально способствуют распространению духа бюрократии на другие сферы культурной, нравственной и интеллектуальной жизни.

1.

По иронии судьбы именно те, кто больше всех ратовал за развитие 'к|mn стерильных методов, ушли с головой в «прикладную социологию» и «социальную инженерию». Так как работа в абстрактно-эмпирической манере стоит дорого, за нее браться могут только крупные организации. К их числу относятся корпорации, армия, государство, а также их ответвления, особенно в области рекламы, службы по организации продвижения товаров на рынки и отделы по связи с общественностью. Остаются еще раз личные фонды, но ответственные работники последних более склонны работать по новым, то есть бюрократическим канонам. В результате данный стиль получает свое воплощение в определенных институциональных центрах: с 20-х годов — в рекламных и марке тинговых агентствах, с 30-х — в акционерных обществах и поллстерских организациях, с 40-х — в высшей школе в некоторых исследовательских бюро, а во время второй мировой войны — в исследовательских отделах федерального правительства. Институциональная модель продолжает распространяться и дальше, но перечисленные центры по-прежнему остаются ее цитаделью.

Формализм используемых дорогостоящих методик делает их особенно пригодными для предоставления именно такой информации, в которой нуждаются те, кто способен и хочет за нее платить. В центре внимания новых исследований находятся частные проблемы, решение которых позволяет прояснить возможные варианты практического, то есть финансового или управленческого, действия. Совершенно неверно думать, будто бы только после открытия «общих принципов», социология может предложить «хорошее практическое руководство». Часто администратору нужно и он хочет знать только некоторые частные факты и связи между ними. Так как последователи абстрактного эмпиризма часто мало озабочены постановкой своих собственных проблем, они с готовностью передают право выбирать проблему другим.

Социолог, занимающийся прикладным социальным исследованием, обычно не адресуется к «общественности», поскольку он работает на конкретных клиентов с их частными интересами и трудностями.

Совершенно очевидно, что эта переориентация с общества на клиента подрывает идею «объективности как отстраненности», идею, согласно которой ответственность скорее возлагается на смутные, не попадающие в поле внимания мотивы, то есть на индивидуальные интересы исследователя, который тихонько их Удовлетворяет, а потому неуправляем.

Все «школы мысли» влияют на карьеру ученого. Что такое «хорошая работа», определяется в соответствии с нормами конкретной школы, и таким образом, академические успехи оказываются в зависимости от деятельного принятия догматов господствующего направления. Но когда сосуществуют много или хотя бы несколько различных «школ», и особенно в условиях расширения профессионального рынка, это требование никого не обременяет.

Если отвлечься от собственно личностных особенностей, почти нет разницы между работой обществоведа и работой мастера самого высокого класса. Но ученые-одиночки не могут проводить абстрактно-эмпирические исследования с необходимым размахом ибо их нельзя проделать без достаточно рутинной работы и развитой инфраструктуры, способной представлять необходимые материалы.

Для проведения масштабных эмпирических исследований требуются научная организация и, выражаясь академично, солидное финансирование. Рост затрат на проведение исследований и необходимость привлекать целый штат сотрудников порождает корпоративный контроль над разделением труда. На смену идее университета как группы заслуженных мэтров, каждый из которых имеет учеников, постепенно приходит идея бюрократических и следовательских организаций с развитым разделением труда, а следовательно, и с интеллектуальными подмастерьями. Для их эффективного использования, или по каким-то иным причинам, возрастает потребность в стандартизации всех операций, чтобы им было легче обучиться.

Научно-исследовательское подразделение выполняет, таким образом, функции подготовки кадров. Как и в других учреждениях, здесь отбираются определенные типы людей, и посредством вознаграждений поощряется развитие определенных умственных качеств. Из этих учреждений на академической сцене, где царили традиционные ученые и исследователи, появились два новых типа людей.

Это, во-первых, интеллектуальные администраторы и толкачи исследовательских проектов, о которых, как я подозреваю, не могу сказать что-либо такое, что неизвестно в академических кругах.

Их профессиональная репутация зиждется на их власти в академических учреждениях: они являются членами Комитета, входят в Совет директоров, они могут устроить тебя на работу, организовать поездку, предоставить грант. Они – бюрократы нового типа. Они управляют разумом, специализируются «по связям с общественностью», где в роли общественности выступают фонды. У них, как администраторов и толкачей в любой другой отрасли, книгу заменяют записные книжки. Они с максимальной эффективностью могут учредить исследовательский проект или институт, руководят «Производством книг». Свое рабочее время они измеряют «миллионами человеко-часов технического труда». Какого приращения знаний можно ожидать от такой работы, если она состоит, во-первых, из массы «методологических» проектов - методических разработок и «исследований процесса исследования» - и, во-вторых, из бесконечных «пилотажей»? Многие администраторы фондов любят давать деньги на крупномасштабные (легче «администрировать» одним большим, чем множеством «самодельных» проектов) Научные проекты с прописной буквы «Н» (что зачастую означает лишь соответствие заявки «Надлежащим» требованиям), поскольку фонды не заинтересованы в изучении политически значимых проблем. Поэтому крупные

фонды склонны поощрять крупномасштабные, бюрократически организованные исследования узкой проблематики и подыскивать интеллектуальных администраторов для их выполнения.

Во-вторых, появились новобранцы, которым больше подходит название техников-изыскателей, чем обществоведов. Я отдаю себе отчет в огрубости этого утверждения, но делаю его с соответствующей осторожностью. Чтобы понять социальное значение конкретного стиля мышления, мы всегда должны отличать лидеров от их последователей, новаторов от простых исполнителей, «первое поколение» отцов-основателей от второго и третьего поколений продолжателей. Все интеллектуальные школы, если они Добиваются успеха, включают оба типа людей, что на самом деле является критерием «успешной» школы. В этом состоит одно из важнейших интеллектуальных последствий успеха.

Часто новаторы и основатели отличаются от своих последователей по типу мышления. В этом отношении интеллектуальные школы имеют весьма глубокие различия между собой. В значительной степени эти различия зависят от типа социальной организации, который допускает или поощряет конкретный стиль деятельности данной школы. По крайней мере, некоторые изобретатели и администраторы рассматриваемого нами стиля обладают высокой культурой мышления.

В молодости, до того как абстрактный эмпиризм расцвел пышным цветом, они усвоили все интеллектуальные достижения западного общества; такие люди обладают многолетним культурным и интеллектуальным опытом. Они—действительно образованные люди, удивительно тонко понимающие свои возможности и способные к постоянному самосовершенствованию.

Но второе поколение, молодежь, пришедшая с багажом, думаю многие со мной согласятся, интеллектуально ущербной американской школы, уже не имеет такого культурного опыта. Примерно половина из них не имеет адекватной подготовки на уровне колледжа; по крайней мере, есть основания полагать, хотя у меня нет точных данных, что в исследовательские учреждения отбираются не самые блестящие студенты.

Редко мне приходилось видеть, чтобы кто-нибудь из этих молодых людей хоть раз испытал неподдельное интеллектуальное замешательство. Я ни разу не замечал у них живого любопытства к какой-нибудь серьезной проблеме, того любопытства, которое может устремить свой разум куда угодно и любой ценой, если надо, даже за счет переделки самого разума, лишь бы только совершить открытие. Молодые ученые скорее методичны, чем устремлены вперед, скорее усидчивы, чем искрометны, и сверх того, они догматики во всех исторических и теологических значениях этого слова. Отчасти они обязаны этим тому жалкому интеллектуальному состоянию, в котором пребывают многие студенты

американских колледжей и университетов, но я все-таки убежден, что в большей степени это касается техников-изыскателей абстрактного эмпиризма.

Социальное исследование они выбрали в качестве карьеры; они рано начинают специализироваться в узкой сфере и приобретают безразличие или презрение к «социальной философии», которая для них представляется «переписыванием одних книг из других» или «простой спекуляцией». Слушая их беседы, пытаюсь выяснить их интересы, обнаруживаешь жуткую ограниченность мышления.

Социальные миры, из-за незнания которых столь многие ученые считают себя невеждами, их не занимают.

Философские претензии бюрократического обществоведения на «Научный метод» в значительной степени проистекают из про пагандистских соображений. Новых сотрудников такая специализация привлекает во многом относительной легкостью подготовки кадров и устройства их на работу с хорошими перспективами для карьеры. И в том, и в другом случае, доступная для технических исполнителей четкая стандартизация методов служит ключом к успеху. Некоторые основатели этого направления, используя эмпирические методики, подпитывают свое воображение, проявление которого, надо сказать, зачастую почему-то подавляется, но его наличие ощущается всегда.

Беседуя с таким отцом-основателем, всегда имеешь дело с довольно сильным умом. Но с его молодым сотрудником, проработавшим в бюро три-четыре года, поговорить о проблемах изучения современного общества вам уже не удастся. Его должность и карьера, его честолюбие и самооценка базируются, главным образом, на заданной перспективе, на узкопрофессиональном жаргоне и наборе методик.

Фактически он больше ничего не знает.

У таких сотрудников интеллект часто отделен от личности и рассматривается ими как своего рода искусная поделка, которую они надеются успешно сбыть. Они из тех, кто духовно обделен, кто живет с ценностями, исключаящими всякое уважение к человеческому уму. Они из тех энергичных и честолюбивых технарей, кого ущербная образовательная рутина и растлевающий рыночный спрос делают неспособными к приобретению социологического воображения.

Остается только надеяться, что эти молодые люди, Достигнув профессорского звания в результате какой-нибудь интеллектуальной мутации осознают, что больше не зависят от голых королей.

Абстрактно-эмпирическая манера, ее методологическая ограниченность, голый практицизм, институционально культивируемые и формируемые специфические качества интеллекта научных Работников bce более настойчиво ведут к тому, что становятся актуальными вопросы о социальной политике в области общественных наук.

Бюрократический стиль и его институциональное воплощение находятся в согласии с доминирующими тенденциями Изменения современной социальной структуры и свойственных ей типов мышления. Не думаю, что без признания этих обстоятельств можно объяснить или даже вполне понять происходящее. Эти же самые тенденции в обществе, на самом деле, влияют не только на общественные социальные науки, но и на всю интеллектуальную жизнь США, и даже на роль самого разума в жизни современного человека.

Одно не вызывает сомнений: если социология не автономна она не может быть ответственна перед обществом. По мере того как средства производства исследований становятся более громоздкими и дорогими, они все больше «экспроприируются»; поэтому только тогда, когда коллектив обществоведов так или иначе осуществляет полный контроль над средствами исследования, этот тип общественной науки может быть действительно автономным. По мере того как отдельный обществовед попадает в зависимость в своей работе от бюрократии, он утрачивает свою личную автономию; по мере того как происходит бюрократизация труда обществоведов, социология утрачивает свою социальную и политическую автономию.

Особо хочу подчеркнуть это «по мере того как» - здесь речь идет лишь об одной, хотя и очень значимой, тенденции, а не о положении дел в целом.

2.

Если мы хотим узнать, что происходит в той или иной области культурной и интеллектуальной деятельности, необходимо понять ее непосредственный социальный контекст. Поэтому нужно коротко рассказать о кликах в академической сфере. Сколь бы долго не длилась продуктивная жизнь какой-то идеи, она не может быть символом конкретной личности или клики вечно. Хотя значение «клик», «личностей» и «школ» в целом этим далеко не ограничивается, их роль в определении путей развития общественных наук заслуживает внимания. Мы должны рассмотреть их хотя бы потому, что любые культурные и научные проекты так или иначе нуждаются в финансовой поддержке, а также в публице, которая помогает делу своей критикой. Ни деньги, ни критика не связаны исключительно с объективными оценками, и, кроме того, обычно можно поставить под вопрос объективность самих оценок и их критерии.

Функция академической клики состоит не только в регулировании конкуренции, но также и в установлении норм и распределении вознаграждений за работу, сделанную в соответствии с установленными на данное время нормами. Именно каноны, по которым судят людей и критикуют их работу, составляют важнейшие интеллектуальные признаки клики. Ранее я высказал замечания об «этосе технических работников» бюрократической науки, о свойствах их ума и о том влиянии, которое они оказывают на способы завоевания хорошей репутации, а следовательно, на модные направления в социальной науке и преобладающие каноны критических суждений. К этому нужно лишь добавить, что в число средств, к которым прибегает клика для решения своих внутренних задач, входят следующие: дружеский совет молодым коллегам, предложение вакансий и рекомендации по повышению в должности, распределение книг для положительного рецензирования, незамедлительное принятие статей и книг к публикации; финансирование исследований из фондов, устройство и лоббирование на почетные должности в профессиональных ассоциациях и в редакционных коллегиях научных журналов. В той мере, в какой эти средства относятся к распределению престижа, который, в свою очередь, во многом определяет академическую карьеру, они влияют и на материальное благополучие ученого, и на его профессиональную репутацию.

Некогда было принято считать, что академическая репутация основывается на выпуске книг, научных работ, монографий, то есть на производстве идей и результатах исследований, на оценке этих работ коллегами и просвещенной публикой. Одна из причин такого положения дел в социальных и гуманитарных науках заключалась в том, что легко можно было проверить компетентность любого, поскольку в тогдашнем академическом мире не было привилегированных позиций компетентности. О директоре акционерного общества, например, трудно сказать, считают его компетентным благодаря личным

способностям или благодаря власти и воз можностям, доступных ему в силу должностного положения. Но нет места для подобных сомнений по поводу работы ученых, так как старомодная профессура продолжает работать в стиле мастеров- умельцев.

Вместе с тем, новый академический «деятель», используя свой престиж, подобно руководителю в бизнесе и армейским генералам, приобретает символы компетентности, которая остается неразличимой в его репутации. В этом случае не имеет значения, лично сведущ он в профессиональных вопросах или нет. Штатный профессиональный секретарь, курьер, чтобы бегать в библиотеку, электрическая печатная машинка, диктофоны, мимеограф и, возможно небольшой бюджет в три-четыре тысячи долларов в год для при обретения книг и журналов – даже такое скромное оборудование и мизерный штат чрезвычайно увеличивают видимость компетентности любого ученого. Любой руководитель в бизнесе посмеется над скромностью таких средств, поскольку даже среди наиболее продуктивных университетских профессоров лишь единицы рас полагают такими возможностями на постоянной основе. Поэтому такое оснащение является символом компетентности и карьеры которую надежно защищенный принадлежностью к клике сделает с гораздо большей вероятностью, чем исследователь-одиночка.

Престиж клики увеличивает шансы на получение средств, а обладание ими, в свою очередь, повышает шансы на создание ре путации.

Это, я думаю, лишь одно обстоятельство, которым можно объяснить, как люди достигают солидной репутации, сделав, на самом деле, не очень много. Про одного такого человека, рассуждая о будущем, его коллега в довольно дружеской манере заметил: «Пока он жив, он будет оставаться самым выдающимся деятелем в своей области; через две недели после смерти никто о нем и не вспомнит».

Резкость этого утверждения, пожалуй, свидетельствует о том, что у «деятелей» из мира академических клик, должно быть, на душе постоянно скребут кошки.

Если в одной области исследований идет конкуренция между несколькими кликами, то занимаемое ими положение относительно друг друга будет детерминировать их стратегию. Лидирующие клики будут ожидать, что клики малочисленные и малозначительные со временем естественным образом выйдут из игры. Их членов будут игнорировать, переманивать или отвергать, и те в конце концов умрут, не оставив после себя следующего поколения ученых. Нужно всегда иметь в виду, что одной из важнейших функций клик является воспитание нового поколения. Говорить о малозначимости какой-то клики значит утверждать, что она не окажет серьезного воспитательного влияния. Но, если имеются, например, две ведущие школы, каждую из которых возглавляет обладающий большими возможностями и престижем лидер, то в их взаимоотношениях, qjnpree

всего, встает проблема объединения и организации более крупного картеля. И, конечно же, если школа подвергается сильным нападкам со стороны чужаков и других клик, первой стратегией защиты будет отрицание существования самой клики и даже школы. В таких ситуациях «деятели науки» чувствуют себя как рыба в воде.

То, что важно для клики, часто смешивается с тем, что важно для научной деятельности школы. Исходя из своих интересов, клика может поощрять одних молодых сотрудников и придерживать других, иногда присуждать ученым старшего поколения премии за административные и политические заслуги, за умение «продвигать» идеи и находиться на короткой ноге с нужными людьми. Именно среди ученых старшего поколения основа репутации может быть весьма и весьма сомнительной. Постороннему не всегда ясно, то ли человек пользуется репутацией благодаря интеллектуальной ценности действительно сделанной им работы, то ли благодаря его положению в клике.

Когда мы рассматриваем отношения между кликами, мы сразу же обнаруживаем тех, кто выступает не от имени какой-то клики, а от имени «отрасли» в целом. Они не просто руководят фирмой, они представляют промышленность. Тот, кто претендует на роль выразителя интересов всей «отрасли», обычно должен отрицать реальность непреодолимых различий между, скажем, двумя лидирующими в «отрасли» кликами. В действительности, выступая в качестве выразителя общих взглядов, его главнейшая задача заключается в том, чтобы показать, что «на самом деле в своей работе они идут к единой цели». Он начинает олицетворять то, что каждая клика считает своей особенностью и одновременно символизировать их действительное или, по крайней мере, возможное единство. Черпая собственный престиж у той и другой клики, он одаривает им обеих сразу. Он – своего рода брокер, поставляющий престиж обеим сторонам.

Предположим, например, что в одной из отраслей знания имеются две ведущие школы, одну из которых называют «Теорией», а Другую

- »Исследованием». Преуспевающий «деятель науки» ведет оживленную торговлю с обеими школами. Он создает видимость, будто принадлежит им обеим, и в то же время стоит между ними.

Опираясь на собственный престиж, он как бы обещает, что «Теория» и «Исследование» не только совместимы, но, взятые вместе, являют собой образец интеграции в социологии в целом. Он является символом этого обещания, которое, впрочем, не основывается ни на книгах, которые он сам написал, ни на исследованиях, которые сам провел. Делается это следующим образом: в любой знаменитой работе школы «Исследований» наш «деятель» ищет «Теорию» и, имея на то желание, неизменно ее находит. А в любой знаменитой работе

представителя «Теории» он ищет «Исследование» и опять-таки, при желании, находит его. Эти «находки» он делает в жанре пространных обзоров книг, занимаясь скорее распределением престижа среди авторов, чем рассмотрением собственно исследований. Итогом, в котором «Теория» и «Исследование» представлены в качестве якобы единого целого, как я уже отмечал, является некое обещание, некий символ. В то же время, престиж «деятеля» основывается не на каком-то отдельном теоретическом или отдельном эмпирическом исследовании. В действительности он вообще не основывается ни на каком исследовании.

Думаю, что всем такого рода «деловым» ролям присущ некоторый трагизм. Зачастую их играют большие умницы, поскольку на деле посредственность не может сыграть такую роль по-настоящему, несмотря на то, что многие, конечно же, пытаются имитировать ее на словах. Принятие на себя роли «деятеля» мешает заняться настоящей работой. Накопленный престиж слишком не пропорционален ре́зультатам; надежды, которые он пробудил, столь велики, что ему совершенно непозволительно взяться за «Исследование». И когда ему все-таки выпадает ведущая роль в каком-нибудь исследовании или монографии, он затягивает окончание работы или отказывается ее публиковать, даже если другие считают работу завершённой. Он ссылается при этом на занятость в комиссиях и другие «общественные» обязанности и в то же время вваливает на себя — а на деле сам же и ищет — новые. Сама эта роль является одновременно и причиной, и отговоркой, чтобы не браться за работу. Он все время говорит о своей загруженности, но на самом деле должен постоянно загружать себя, иначе другие, да и он сам обнаружат, что это только отговорка.

Миром клика академическая сфера не исчерпывается. Есть еще и свободно парящие одиночки, коим несть числа, и занятия которых также разнообразны. С точки зрения ведущей клики, они могут рассматриваться как дружественные или, по крайней мере, нейтральные по отношению к имеющимся школам. В своей работе они «эkleктичны» или просто «не склонны к коллективизму». В той мере, в какой их труды пользуются благосклонным вниманием, и в них находят достоинства, пользу или значимость, члены клики могут постараться их привлечь, обеспечить им продвижение, и фактически завербовать. Ведь для успеха простого чествования друг друга внутри собственной клики явно недостаточно.

Но среди одиночек бывают и такие, кто не играет в подобные игры и не гоняется за успехом. Кое-кто из них просто безразличен и погружен в собственную работу, а некоторые настроены с не скрываемой враждебностью к оппонентам. Они критикуют деятельность школ. По возможности клика будет игнорировать и подобных критиков, и их труды. Но эта простая стратегия обеспечивает безопасность, только если клика пользуется поистине неоспоримым престижем. Так вести себя, с истинным высокомерием, отваживается клика, если она фактически совпадает с целой отраслью знания и монопольно контролирует ее.

Это, конечно, не очень распространенное явление, поскольку в одной отрасли обычно имеется много нейтральных людей и эклектиков, а также есть другие клики. Существуют также междисциплинарные области и, кроме того, разного рода неакадемическая публика, чье участие и одобрение, по крайней мере до сих пор, нарушают монополию клики на распределение престижа, репутации и карьерных возможностей.

Соответственно, если критику нельзя игнорировать, то нужно принимать другие стратегии. Все средства, применяемые для управления внутри школы, также используются в отношениях с враждебно настроенными чужаками, и я хочу коротко остановиться на одном из них, а именно на рецензировании, как наиболее распространенном средстве наделяния престижем. Предположим, что исследователь-одиночка издает книгу, которая привлекает столь большое внимание, что было бы неудобно ее не заметить. Самый простой ход – отдать ее на рецензию такому ведущему представителю клики, который известен своими альтернативными, даже прямо противоположными автору взглядами, или, по крайней мере, ассоциируется с ними. Более тонкий прием — передать ее не именитому, но подающему надежды члену клики, который сам много не публикуется, а потому его взгляды широко не известны. Этот ход имеет множество преимуществ. Для молодого человека это поощрение за его лояльность, а также возможность завоевать известность своей критикой более старшего и более известного коллеги. Одновременно снижается значение книги по сравнению с тем, если бы ее рецензировал какой-нибудь знаменитый ученый. Для молодого человека это безопасная роль: маститый ученый, из снобизма, скорее всего не пожелает «отвечать» на рецензию, поскольку просто не принято, чтобы автор книги отвечал на критику профессора-рецензента. На самом деле, такова политика некоторых научных журналов — не поощрять и не публиковать подобные ответы. Но даже если на рецензию ответят, это не будет иметь большого значения. Каждый, кто пишет не только рецензии, но и книги, знает, что «зарубить» книгу, причем любую, на двух-трех колонках является одной из самых легких интеллектуальных задач и что, «отвечая» на такую рецензию, в принципе невозможно уложиться в тот же объем. Вернее такая возможность есть, если предположить, что все, кто прочтет эту полемику, хотя бы с некоторым вниманием уже прочли саму книгу. Поскольку об этом нельзя даже мечтать, рецензент имеет подавляющее преимущество.

Если же упомянутая книга привлекает к себе огромное внимание в своей области или за ее пределами (или и там, и там), остается сделать только одно — отдать книгу ведущему представителю клики, предпочтительно «деятелю», который должным образом похвалит ее, не слишком обращая внимание на ее содержание, а также отметит ее вклад в развитие перспективного и господствующего направления отрасли в целом. Единственное, чего любая серьезная и сплоченная клика должна стараться не допустить – это передача книги другому независимому

исследователю, который, во-первых, точно и ясно изложит ее содержание и, во-вторых, будет критиковать ее совершенно независимо от школ, клик и модных стилей.

3.

Среди лозунгов, используемых разнообразными школами в общественных науках, ни один не повторяется так часто, как лозунг о том, что целью обществоведения является предсказание человеческого поведения и управление им. Сегодня в некоторых кругах мы много слышим о «социальной инженерии», неопределенном понятии, которое часто принимают за ясную и очевидную цель. Ее считают ясной и очевидной, так как она базируется на неоспоримой аналогии между управлением природными и общественными процессами. Те, кто привык говорить подобные фразы, скорее всего относятся к горячим сторонникам «превращения обществоведения в настоящую науку», им собственная работа кажется нейтральной политически и не имеющей отношения к морали. Обычным делом является утверждение фундаментальной идеи об «отставании» общественных наук от естественных и необходимости его преодоления. Эти технократические лозунги заменяют политическую философию как раз тем «Ученым», о которых я только что писал.

Они предполагают делать с обществом то, что, по их мнению, физики уже делают с природой. Их политическая философия заключается в простом утверждении, что стоит только применить «Методы науки», с помощью которых человек овладел атомом, для «контроля над социальным поведением», как проблемы человечества будут скоро решены, и наступит мир и изобилие для всех.

За этими фразами стоит довольно странное понимание власти, разума, истории. Все эти понятия лишены четкости, и по поводу их определения царит достойная сожаления неразбериха. Употребление этих понятий обнаруживает рационалистический, легковверный оптимизм, основанный на упрощенном понимании роли разума в человеческих делах, на незнании природы власти и ее отношения к знанию. При этом принижается значение морального действия и места знания в нем, сущность истории и того факта, что люди не только формируются историей, но бывают ее творцами. Прежде чем перейти к рассмотрению влияния этих проблем на политическое значение общественных наук, я хотел бы коротко остановиться на ключевом лозунге философско-технократов - о предсказании и *sup`bkemhh*.

Чтобы сравниться в бойкости с теми, кто много говорит о предсказании и управлении, необходимо встать на точку зрения бюрократа, для которого, как некогда отметил Маркс, мир является объектом манипулирования. Чтобы пояснить это, возьмем крайний случай. Представим себе человека, который обладает мощными и гибкими рычагами управления армейским подразделением находящимся на удаленном острове, где нет противника. В этой ситуации, мы должны согласиться, этот человек действительно имеет возможность управлять. Если он обладает всей полнотой власти и у него есть конкретные планы, то он может достаточно точно предсказать, что будет делать каждый человек в такой-то

час такого-то дня в таком-то году. Довольно точно он может предсказать даже чувства самых разных людей, ибо он манипулирует ими так, как будто они инертные объекты. Он в состоянии действовать наперекор любым планам, которые у них могут быть, и иногда совершенно обоснованно считает себя всемогущим деспотом. Если он способен управлять, он может предсказать. Он владеет «закономерностями».

Но мы, обществоведы, не можем согласиться с тем, что имеем дело с объектами, столь легко поддающимися манипулированию, и не можем считать себя просвещенными деспотами среди людей. По крайней мере, для того, чтобы осмыслить любое из этих допущений, необходимо принять такую политическую установку, которая профессору покажется странной. Ни одно историческое общество не конструируется в столь жестких рамках, как упомянутое мною гипотетическое армейское подразделение. А обществоведы, — слава богу, — не генералы истории. И говорить о «предсказании и управлении» в том смысле, как это многие представляют, значит, как правило, иметь в виду некое одностороннее управление, как у моего воображаемого генерала, чье могущество я, для большей ясности, немного преувеличил.

Я хочу прояснить эту мысль, чтобы вскрыть политическое значение бюрократического этоса. Он имеет распространение, главным образом, в недемократических секторах общества, и для них - это вооруженные силы, корпорации, рекламные агентства, административные учреждения. Он существует в таких бюрократических организациях (и для них), куда обществоведов часто приглашают на работу, причем проблемы, с которыми они там сами имеют дело, касаются наиболее эффективно функционирующих в таких административных машинах индивидов.

Я не знаю, можно ли привести разумные доводы против замечаний профессора Роберта С. Линда по поводу «Американского солдата»: «В этих книгах описывается мастерское использование науки для отбора людей и управления ими для достижения целей, не согласующихся с их желаниями. Серьезным показателем слабости либеральной демократии является растущее применение общественных наук не для непосредственного решения проблем собственно демократии, а для их обхода. Из отдельных исследований, проведенных по заказу частных компаний, по крохам собираются сведения по таким проблемам, как выяснение реакций аудитории, для внедрения идеологического компонента в программы радио и кинофильмы. То же самое приходится делать в данном случае, когда на основании ряда исследований в армии необходимо ответить на вопрос, как превратить перепуганных новобранцев в бывалых вояк, которые будут драться на войне, не понимая ее целей. При целенаправленном использовании общественной науки в далеких от нужд общества целях всякое расширение ее применения все больше превращает ее в инструмент массового

контроля, и тем самым, она становится возможной угрозой для демократии»¹.

¹ Lynd R. The science of human relation // The New Republic 1949 August.

Лозунги социальной инженерии служат распространению бюрократического духа за пределы непосредственного применения инженерного стиля мышления и метода познания. Использовать эти лозунги в качестве постановки собственной цели значит принимать бюрократическую роль даже там, где нет возможности ее реально играть. Словом, я утверждаю, что эту роль очень часто принимают на себя как если бы. Принять технократическую точку зрения и в соответствии с ней пытаться действовать в качестве обществоведа, значит действовать так, как если бы ты в самом деле был социальным инженером. Именно в этой бюрократической перспективе сейчас часто усматривают роль социолога в обществе. Поведение как если бы я был инженером человеческой природы было бы просто забавным в обществе, где человеческий разум опирается на широкие демократические установления, но Соединенные Штаты не являются таким обществом. Каким бы оно ни было, очевидно одно: это общество, в котором постоянно растет влияние рациональных (в функциональном отношении) бюрократических машин на человеческую деятельность и принятие исторических решений. Исторические изменения во все времена не в одинаковой степени зависят от людей и часто происходят помимо их воли.

Мы, похоже, переживаем такой период, когда принятие или отсутствие решений по ключевым вопросам бюрократически организованными элитами все больше становится источником исторических изменений. Более того, мы живем в такой период и в таком обществе, где разрастание и централизация средств управления, власти, во многом происходит с помощью применения достижений общественной науки в любых целях, какие бы не ставили перед собой те, у кого в руках находятся рычаги управления. Говорить о «предсказании и управлении», оставляя без внимания проблемы, которые сопутствуют этим тенденциям в развитии общества, значит совершенно отказаться от какой бы то ни было самостоятельности в выборе нравственной и политической позиции.

Можно ли говорить об «управлении» в иной, нежели бюрократической перспективе? Да, конечно, можно. Известны различные виды «коллективного самоуправления». Адекватная разработка любой подобной идеи включает решение всевозможных проблем разума и свободы, взятых как идеи и как ценности. Она также предполагает идею «демократии» как тип социальной структуры и комплекс политических ожиданий. Демократия означает власть и свободу людей в рамках закона изменять закон в соответствии с принятыми на основе согласия правилами и даже изменять сами эти правила.

Однако это не все, ибо демократия означает коллективное самоуправление структурной механикой самой истории. Это сложная и трудная для понимания идея, которую я буду ниже излагать более подробно. Здесь же я хочу только указать, что, если социологи в обществе с демократическими идеалами желают всерьез обсуждать проблемы «предсказания и управления», они должны

тщательнейшим образом их обдумать.

Есть ли основания говорить о «предсказании» в иной, нежели бюрократической перспективе? Да, конечно, есть. Прогнозировать можно на основе «непреднамеренных закономерностей», а не на основе жесткого контроля за выполнением плана. Безо всякого контроля мы способны делать предсказания относительно тех сфер жизни общества, которые вообще никто особо не контролирует, где «волютаристская», нарушающая заведенный порядок деятельность минимальна. Язык, например, в процессе повседневного употребления претерпевает изменения и сохраняется независимо от воли говорящих. Возможно, подобные закономерности также происходят со *qrrsjrsrpnni* механикой истории. Если мы в состоянии ухватить то, что Джон Стюарт Милль называл «*principia media*» общества, если мы в состоянии уловить основные тенденции его развития, короче говоря, если мы понимаем структурную трансформацию нашей эпохи, мы можем иметь «основу для прогноза».

Все же мы должны помнить, что в некоторых специфических сферах жизнедеятельности люди часто по-настоящему контролируют свои действия, и степень этого контроля входит в число объектов нашего изучения. Следует помнить, что наряду с гипотетическими генералами существуют и настоящие, а также директора компаний и главы государств. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось, то, что люди не инертные объекты, означает, что если они узнают о предсказаниях, сделанных относительно их деятельности, они могут изменить ее направление и часто делают это. Тем самым они могут опровергнуть или выполнить предсказания. И то, как они поступят, невозможно предсказать достаточно надежно. Там, где люди обладают некоторой свободой, нелегко предсказывать их действия.

Но главное заключается в следующем. Говорить о том, что «настоящей и конечной целью социальной инженерии» или «общественной науки» является «предсказание», значит подменить технократическим лозунгом то, что должно быть обоснованным сознательным выбором. Это значит также встать на бюрократическую точку зрения, при которой, если ее полностью принять, возможности для сознательного выбора существенно сокращаются.

Бюрократизация обществоведения происходит повсеместно. Возможно, наступление этого процесса имеет место в любом обществе, где бюрократическая рутина начинает главенствовать. Это естественным образом сопровождается вполне иезуитской и высокопарной теорией, которая напрямую никак не связана с работами, проводимыми в интересах управления. Конкретные, главным образом статистические и связанные с проблемами управления, исследования не отражаются на величественной проработке «Понятий». В свою очередь, эта проработка имеет отношение не к результатам конкретных исследований, а, скорее, связана с легитимацией существующего порядка и его частичных

изменений. С точки зрения бюрократа, мир состоит из фактов, которые следует трактовать в соответствии с твердо установленными правилами. С точки зрения теоретика, мир состоит из понятий, предназначенных для манипулирования, зачастую без каких-либо правил. Теория различными способами служит идеологическим оправданием официальной власти.

Исследование на службе бюрократии призвано повысить эффективность и действенность властей, предоставляя необходимую для планирования информацию.

Абстрактные эмпирические исследования используются формально бюрократически, хотя они, конечно же, несут на себе отчетливую идеологическую нагрузку, которая, собственно, иногда и находит применение. «Высокая теория», как я указывал, не обладает непосредственной полезностью для бюрократии; ее политическое содержание находится в области идеологии, и именно идеологической сферой ограничивается ее применение. Если эти два стиля исследования — абстрактный эмпиризм и «Высокая теория» — займут монопольное положение в интеллектуальной сфере, или даже станут доминирующими стилями работы, они будут представлять страшную угрозу интеллектуальным возможностям социальных наук, а в политическом плане — той роли разума в человеческом обществе, которую ему отводили классики социологии в цивилизации западных обществ.

6. Философии науки

Совершенно очевидно, что понятие неопределенности по отношению к общественным наукам тесно связано с давним спором о природе Науки. Большинство обществоведов, конечно, согласятся, что их благорасположение к Науке обычно столь же противоречиво, сколь и формально. «Научный эмпиризм» многозначен: например, нет единого общепринятого взгляда на что-либо, еще с меньшим основанием можно говорить о систематическом применении какой-то одной версии. Профессиональные ожидания в значительной степени неопределенны, и стремление к мастерству может осуществляться в рамках совершенно разных моделей познания. Отчасти это происходит из-за той притягательности, которой обладают эпистемологические модели в различных направлениях философии естествознания¹.

Признавая существование различных стилей работы в общественных науках, многие ученые энергично утверждают, что «мы должны объединиться». Иногда такую программу формулируют довольно убедительно. Задачей на ближайшие десятилетия провозглашается объединение основной проблематики и теоретических достижений XIX века, главным образом, идей немецких обществоведов, с господствующими в XX веке процедурами исследования, разработанными преимущественно американцами. Предполагается, что в рамках этого диалектического единства будет достигнуто постоянное совершенствование как концептуального мастерства, так и строгости процедур. Нетрудно «объединиться» в философском смысле². Но остается вопрос. Предположим, мы достигли такого «объединения» в рамках той или иной обобщающей Исследовательской модели. Как она может быть применена при Решении главных задач общественных наук?

¹ См. гл. 3, раздел 1.

² См., например, мою довольно забавную попытку решить эту задачу в статье “Two styles of research in current social studies // Philosophy of Science. Vol. 20. No. 4. October, 1953. . 266 - 75.

Я уверен, что такая философская работа является достаточно плодотворной для обществоведов. Представление о ее возможностях позволяет уяснить наши собственные концепции и процедуру исследования. Для этого философия имеет специальный язык. Но его можно использовать лишь в самом общем виде: ни одному обществоведу нет нужды принимать подобную модель всерьез. И главное, мы должны видеть в ней средство освобождения нашего воображения, источник предположений при выборе процедур, а не воспринимать как ограничитель проблемной области исследования.

Ограничение — во имя идеалов «естествознания» — круга проблем, над которыми мы собираемся работать, кажется мне странной нерешительностью. Конечно, если недостаточно квалифицированные исследователи хотят изучать частные проблемы, то это самоограничение может быть вполне благоразумным; в иных случаях подобные ограничения не имеют серьезных оснований.

1.

Обществовед-аналитик, следующий классическому образцу, избегает устанавливать жесткие процедуры. Аналитик стремится развить и использовать в своей работе социологическое воображение.

Испытывающий отвращение к сочетанию и разложению «Понятий», он прибегает к тщательной проработке терминов только тогда, когда у него есть достаточные основания полагать, что их использование расширит границы постигаемого, увеличит точность описаний и глубину рассуждений. Его мысль не сдерживается методом или *lerndhjñi*; классический путь — это путь знатока-интеллектуала.

Полезные обсуждения метода, равно как и теории, обычно возникают как заметки на полях выполняемой или планируемой работы. «Метод» должен прежде всего предполагать умение задавать вопросы и так отвечать на них, чтобы иметь некоторую гарантию надежности ответов. Для «Теории» самое первостепенное значение имеет внимательный анализ значения используемых слов, в частности, степени обобщенности понятий и логических связей между ними.

Непременная задача метода и теории — концептуальная ясность и экономичность процедуры, и в данном случае самое главное — высвобождение социологического воображения, а не ограничение его.

Овладеть «методом» и «теорией» значит контролировать собственный процесс мышления, работать, сознавая свои неявные допущения.

Идти на поводу у «Метода» или «Теории» значит просто устраниваться от работы, то есть от попытки узнать что-либо о том, что происходит в мире. Без овладения мастерством исследователю нельзя добиться хороших результатов; без нацеленности на значимость результатов вся методология — бессмысленная претенциозность.

Согласно классическому направлению в общественных науках ни метод, ни теория не образуют автономной сферы. Методы суть методы для изучения определенного круга проблем; теории суть теории, объясняющие определенную область явлений. Они — как язык страны, в которой ты живешь: нечего хвастать тем, что умеешь говорить на нем, но предосудительно и неудобно не владеть этим языком.

Активно работающий обществовед должен постоянно сохранять максимальную осведомленность в изучаемой области. Это означает, что ему необходимо иметь хорошее фундаментальное представление о состоянии соответствующих разделов науки. Кроме того, его работа до некоторой степени, которую, по-видимому, нельзя установить точно, может заслужить наивысшую оценку тогда, когда тщательным образом изучено несколько разнородных по своему стилю

исследований по сходной проблематике. И, наконец, такую работу нельзя считать завершенной, если она выполнена одним человеком в рамках его единственной специализации, и хуже того, если этот человек молод и фактически обладает небольшим опытом научной работы или принимал участие только в исследованиях одного методологического стиля.

Когда мы приостанавливаем наши исследования, чтобы поразмышлять о теории и методе, самым важным является переформулирование изучаемых проблем. Возможно, именно поэтому в практической деятельности каждому обществоведу необходимо выполнять и роль методолога, и роль теоретика. Это означает лишь то, что он должен быть мастером интеллектуального труда. Каждый мастер, конечно, может чему-то научиться на попытках всеобъемлющей кодификации методов, но зачастую это не выходит за рамки сведений общего характера. Вот почему «ускоренная методологическая программа», скорее всего, не способствует развитию обществоведения. Если методы исследования самым теснейшим образом не связаны с текущими задачами этой науки, форсирование методологического анализа не приносит никакой пользы а ощущение важности проблемы и страстное желание решить ее - сегодня эти качества в значительной степени утрачены — не могут найти выход в деятельности ученого.

Развитие методов чаще всего происходит в виде скромных обобщений, формулируемых по ходу работы. Соответственно, в своей научной деятельности, индивидуальной и коллективной, нам следует поддерживать теснейшее взаимодействие методов и практической работы. Общим методологическим вопросам следует уделять серьезное внимание только тогда, когда они непосредственно касаются текущей работы. Дискуссии о методе, конечно же, ведутся среди обществоведов, и, в приложении к данной работе, я по пытаюсь наметить один из способов, с помощью которого могли бы проводиться такие дискуссии.

Суждения о методе и их обоснования, терминологические различия на уровне теории и в процессе дальнейшего исследования, сколь бы стимулирующими и перспективными они ни были, остаются лишь обещаниями. Суждения о методе позволяют открыть нам лучшие способы для изучения чего-либо и зачастую дают возможность найти пути познания едва ли не всего, что нас окружает. Разработка теорий, системных и несистемных, обещает обострить различительную способность нашего видения предмета, а также повысить качество анализа того, что мы наблюдаем, если появляется необходимость в более тонких интерпретациях. Но ни «Метод», ни «Теория» не могут рассматриваться как неотъемлемая составная часть работы обществоведов. В действительности, они часто составляют ее противоположность, ибо являют собой свойственный «научным деятелям» способ отстранения от проблем общественной науки. Обычно, как мы видели, такие ученые применяют какую-то весьма абстрактную,

заимствованную у других модель познания. То, что эти абстрактные модели нельзя использовать по-настоящему, пожалуй, не слишком важно, ибо у них есть еще и ритуальное значение. Как я уже говорил, такие модели обычно выводятся из философии естествознания, и заимствуются отовсюду, например, из физических терминов, иногда немного устаревших, заключающих в себе философский смысл. Эта мизерная игра - в другие игры играют по сходным правилам — не столько способствует научной работе, сколько ставит ученого в положение «незнайки», о котором Макс Хоркхаймер писал: «Постоянные предостережения от поспешных заключений и туманных обобщений, если они четко не определены, содержат потенциальный запрет на всякое мышление.

Если каждую мысль держать в состоянии неопределенности до тех пор, пока она не будет полностью подтверждена, то любой фундаментальный подход будет казаться невозможным, и мы ограничим себя уровнем простых симптомов»¹.

Постоянно говорят, что молодежь легко испортить, но не странно ли видеть, что обществоведы старшего поколения одержимы претензиями на лавры философов науки? Насколько более разумно и поучительно, по сравнению с громкими заявлениями некоторых американских социологов, замечание, сделанное в одном диалоге между швейцарским и английским экономистами, хорошо иллюстрирующем классический взгляд на роль метода: «Многие авторы инстинктивно выбирают верный путь к решению этих проблем.

Но после изучения методологии они начинают осознавать, сколь многочисленны ловушки и другие опасности, которые их подстерегают. В результате они теряют былую уверенность, заходят в тупик или идут в неверном направлении. Исследователям этой категории методология противопоказана»².

Поэтому мы должны провозгласить следующие лозунги: Каждый сам себе методолог!

Методологи, за работу!

Эти лозунги нельзя воспринимать слишком буквально, как обществоведам, нам следует защищаться, а, учитывая странную и неприличествующую научным занятиям бойкость некоторых наших коллег, мы рассчитываем на снисхождение за допущенную резкость.

1 Tensions that cause wars / Ed. By H. Cantril. Urbana, Illinois: Illinois University Press, 1950. . 297.

2Johr W. A., Singer H.W. The role of the economist as official adviser. London. George Alien and Unwin, 1955. . 3 — 4. Кстати, эта книга являет собой образец адекватного отношения к дискуссиям о методе. Заслуживает внимания то, что она была написана в виде диалога двух масте-Р°в социологического анализа.

2.

Повседневный эмпиризм здравого смысла полон распространенных в обществе допущений и стереотипов, ибо здравый смысл позволяет нам вычленять элементы видимого мира и дает им объяснение. Если вы попытаетесь уйти от этого необходимого условия познания с помощью абстрактного эмпиризма, вы закончите микроскопическим, субисторическим уровнем и будете медленно накапливать отдельные, вырванные из контекста детали. Если вы попытаетесь уйти от здравого смысла с помощью «Высокой теории», то лишите используемые вами понятия ясной и очевидной эмпирической соотнесенности и, если вы будете неосторожны, то в строящемся вами трансисторическом мире окажетесь в полном одиночестве.

Понятие - это идея, обладающая эмпирическим содержанием. Если идея слишком масштабна по сравнению с содержанием, вы попадаете в сети «Высокой теории»; если содержание возобладает над идеей, вы попадаете в ловушку абстрактного эмпиризма. Общая для обоих случаев проблема часто формулируется как «необходимость разработки индексов» и представляет собой одну из основных технических трудностей современных общественных наук. Это осознается представителями всех школ. Абстрактные эмпирики часто решают проблему индексов, элиминируя объем и смысловое содержание того, что подлежит индексированию. Подход «Высокой теории» к этой проблеме не дает результатов: теоретики погружаются в разработку «Понятий» через другие, столь же абстрактные понятия.

То, что абстрактные эмпирики называют «эмпирическими» данными, представляет собой абстрагированный взгляд на социальные миры повседневности. Они обычно имеют дело с данными по категориям лиц такого-то пола, такой-то возрастной группы с таким-то доходом, проживающих в малых и средних городах. Подавляющее большинство абстрактных эмпириков с помощью этих четырех переменных делают моментальные срезы окружающей их социальной среды. Конечно, имеется еще одна «переменная»: это люди, живущие в Соединенных Штатах. Но как «данность» она не входит в число мельчайших, точнейших абстрактных переменных, из которых состоит мир абстрактного эмпиризма. Для включения «Соединенных Штатов» потребовалась бы особая концепция социальной структуры, а также менее жесткая идея эмпиризма.

Большая часть классического наследия (и потому некоторые его относят к макроуровню) находится между абстрактным эмпиризмом и «Высокой теорией». В этих работах также производится определенное абстрагирование от наблюдаемой повседневной жизни недеятельности, но это абстрагирование происходит на уровне социально-исторических структур. Именно исходя из исторической реальности, или, проще говоря, в терминах конкретно-исторических социальных структур, формулируются классические проблемы социологии и

предлагаются их решения.

Такая работа не менее, и даже более эмпирична, чем абстрактный эмпиризм, потому что зачастую она ближе подходит к конкретной повседневности и отражает жизненный опыт людей. Мысль чрезвычайно проста: описание Францем Нойманном социальной ситуации нацистской Германии, как минимум, столь же «эмпирично» (и системно), как отчет Сэмюэла Стауффера о моральном духе армейской части под номером 10079, или анализ функций китайского мандарина, проведенный Максом Вебером, или исследование развивающихся стран Юджина Стэйли, или работа о Советской России, написанная Баррингтоном Муром. Эти работы столь же «эмпиричны», сколь проведенные Полом Лазарсфельдом исследования общественного мнения в Эри Каунти или в городке Эльмира.

Более того, по существу именно из классического наследия черпаются многие идеи, которые используются на субисторическом и трансисторическом уровнях. Какую по-настоящему плодотворную идею, какую концепцию человека, общества и отношений между ними дали абстрактный эмпиризм или «Высокая теория»? Что касается идей, то обе эти школы паразитируют на классической традиции общественных наук.

3.

Проблема эмпирической верификации заключается в том, «как снизить к фактам» и при этом не превозмочь их; как привязать идеи к фактам и не потерять их. Необходимо решить, во-первых, что верифицировать, а во-вторых, как это сделать.

В «Высокой теории» верификации многообещающе дедуктивны; ни что верифицировать, ни как верифицировать не представляется строго определенной проблемой.

Сторонники абстрактного эмпиризма вопрос о том, что верифицировать, часто не воспринимают в качестве серьезной проблемы.

Ответ на вопрос «Как верифицировать» почти автоматически ограничен рамками самой постановки проблемы. Все это выражается в корреляционном анализе и других статистических процедурах.

Создается впечатление, что единственной заботой приверженцев микроуровневого стиля является соблюдение догматов верифицируемости, что ограничивает и даже предопределяет круг используемых «Понятий» и рассматриваемых проблем.

В классической практике социологических исследований вопрос о том, что верифицировать, обычно считается столь же важным, или даже более важным, чем вопрос о том, как верифицировать. Идеи прорабатываются в тесной связи с каким-нибудь комплексом важных проблем. Выбор того, что верифицировать, определяется в соответствии со следующим правилом. Старайся верифицировать те признаки разрабатываемой идеи, которые влекут за собой выводы, значимые для ее разработки. Эти признаки мы называем «ключевыми». Если это так, значит Это, и Это, и Это должны быть такими-то. Если нет, следует другая цепочка выводов. Одним из мотивов такой процедуры является необходимость экономии труда, поскольку эмпирическая верификация, поиск фактического материала, документирование, установление факта требуют массу времени и часто весьма утомительны. Поэтому хочется, чтобы результатом работы стала максимальная дифференциация тех идей, с которыми непосредственно имеешь дело.

Мастер классического анализа обычно не пишет один большой проект значительного эмпирического исследования. Его стратегия заключается в том, чтобы обеспечить и осуществить постоянные взаимные переходы между макроуровневыми концепциями и детальными описаниями. Для этого он планирует свою работу как серию небольших эмпирических исследований (которые, разумеется, могут включать рассмотрение мельчайших подробностей и статистических материалов), каждое из которых представляется ключевым для той или иной части прорабатываемого решения. В зависимости от результатов эмпирических исследований это решение модифицируется или

отвергается.

Вопрос о том, как верифицировать утверждение, предположение, сомнительные факты, для ученого классической традиции не представляется таким трудным, как это часто демонстрируется теми, кто работает на микроскопическом уровне. В классической традиции утверждение верифицируется детальным описанием любых существенных эмпирических материалов, относящихся к делу. Если в связи с рассматриваемыми проблемами, мы почувствуем необходимость в верификации используемых концепций, то зачастую имеем возможность дать их подробное описание в обобщенном виде, используя точные методы статистического анализа. Те проблемы и концепции, по поводу которых не возникает такой необходимости, можно верифицировать так, как это делают историки: изображать явления как очевидные. Споры нет, мы никогда не знаем наверняка и часто можем только «догадываться» о подлинности исследуемых объектов и процессов. Но неверно, что все догадки имеют равную вероятность быть правильными. Классическое обществоведение как наука, нужно отдать ему должное, среди прочего, является попыткой увеличить вероятность того, чтобы наши догадки по важным вопросам были правильными.

Верификация заключается в рациональном убеждении себя и других.

Но для этого мы обязаны соблюдать принятые правила исследований, и прежде всего правило, согласно которому работу нужно представлять таким образом, чтобы каждый ее шаг был доступен для проверки другими. Нет «Одного способа» делать это, но всегда необходимы исключительная тщательность и внимание к деталям, навыки ясного изложения, скептическое отношение к непроверенным фактам и неустанная любознательность к их возможным значениям, к влиянию на другие факты. Необходима упорядоченность и систематичность в работе. Одним словом, требуется твердое и строгое соблюдение этики научного исследования. Без этого не помогут ни техника, ни метод.

4.

Всякий способ изучения общества, выбор предмета и методов его исследования предполагает «теорию научного прогресса». Каждый, я полагаю, согласится, что рост научного знания кумулятивен, что научное знание является не порождением одного человека, а итогом работы многих людей, которые просматривают, критикуют работы друг друга, что-то добавляют к ним или, наоборот опровергают их.

Чтобы оценить чьи-то достижения, надо соотнести научную работу с тем, что было сделано до нее, и с тем, что делается сейчас. Это необходимо для осуществления коммуникации, а также для «объективности». Каждый должен представить результаты своей работы так, чтобы другие могли их проверить.

Концепция достижения научного прогресса у абстрактных эмпириков весьма специфична и безоблачно оптимистична: накапливать исследования микроуровня и медленно, по крупицам, как муравьи из небольших травинки собирать огромную кучу,» возводить науку».

Стратегия «Высоких теоретиков» представляется следующей. Однажды наступит момент для живого контакта с эмпирикой; к тому дню мы уже подготовимся к «системному» обращению с ней и будем знать, как построить системную теорию, логически доступную для научной эмпирической верификации.

Тот, кто намерен реализовать обещания классической социологии, не может согласиться с теорией научного прогресса, согласно которой разрозненные исследования микроуровня с необходимостью составят «полностью развитую» общественную науку. Эти ученые не хотят допустить, что собранные с определенными целями материалы *pag`tek|mn* будут полезны для любых других целей. Короче говоря, они не принимают теорию «строительных кирпичиков» (или теорию лоскутного одеяла, которое шьет бабушка) в качестве объяснения развития социальной науки. Они не надеются, что какой-нибудь новоявленный Ньютон или Дарвин сложит вместе все накопленные материалы. Они также не думают, что заслуга Дарвина и Ньютона в том, что они «сложили» микроскопические факты подобно тому, как это делает сегодня микросоциальная наука. Кроме того, работающие в классической традиции ученые не хотят соглашаться с представителями «Высокой теории» в том, что крючкотворство при формулировании и различении «Понятий» само по себе может быть полезным для системного подхода к эмпирическим материалам. По их мнению, нет оснований полагать, что эти упражнения в концептуализации станут когда-нибудь чем-то большим, чем они являются сейчас.

Короче говоря, классическую общественную науку нельзя ни «возвести» из микроисследований, ни «дедучивать» из проработки понятий. Последователи классической традиции пытаются строить и дедучивать одновременно в самом

процессе исследования посредством адекватного формулирования и переформулирования проблем и их решений. Придерживаться такой стратегии значит — прошу извинить за повтор, но это ключевой момент — выбирать для исследования общественно значимые для данного исторического периода проблемы, формулировать их в адекватной терминологии, а затем, независимо от высоты полета теории и глубины погружения в детали, в конце каждого завершеного исследовательского акта формулировать решение проблемы в терминах макроуровня. Короче говоря, классический подход фокусируется на общественно значимых проблемах. Характер самих проблем ограничивает и подсказывает необходимые методы и концепции и способы их применения.

Обсуждение различных взглядов на «методологию» и «теорию» уместно только при близком и постоянном соотнесении с общественно значимыми проблемами.

5.

Сознает это ученый или нет, но проблемы видятся ему — в плане их постановки и приоритетности — сквозь призму методов, теорий и ценностей.

Вместе с тем, надо признать, что у некоторых обществоведов нет собственного видения проблем. Они и не нуждаются ни в каком видении, поскольку на деле сами даже не определяют проблематику, над которой работают. Некоторые обществоведы берутся за исследование непосредственно осознаваемых трудностей, с которыми сталкиваются в повседневной жизни простые люди; другие руководствуются ориентирами, определенными официальными властями или интересами частных организаций. Об этом наши коллеги в Восточной Европе и в России знают гораздо больше, чем мы, ибо большинство из нас никогда не жило при политической организации, которая бы официально управляла интеллектуальной и культурной сферами. Но это ни в коем случае не означает отсутствие данного явления на Западе и, в частности, в Америке. По сравнению с политической, коммерческая ориентация может побудить ученых еще энергичнее сверять собственные исследования с поставленными извне целями.

Социологи старого либерального практического направления слишком увлекались исследованиями трудностей повседневной жизни как таковых; они не смогли всесторонне определить ценности, на основе которых формулировались изучаемые проблемы не прорабатывали, даже не рассматривали необходимые для реализации }rhu ценностей структурные условия. Их труды были перегружены несистематизированными фактами, у них не было интеллектуальных средств для сравнения и упорядочения фактов. Все это вело к идее о романтическом плюрализме причин. В любом случае ценности, которые издавна разделяют сторонники либерального практицизма, сегодня существенным образом инкорпорированы в административный либерализм государства всеобщего благоденствия.

В целом, предназначение бюрократического обществоведения, адекватным инструментом которого является абстрактный эмпиризм, а «Высокая теория» заполняет теоретический вакуум, сводится к служению властям. Старый либеральный практицизм и бюрократическая общественная наука не стремятся включить в круг изучаемых проблем ни общественно значимые вопросы, ни личные трудности людей. Интеллектуальный характер и использование результатов деятельности этих школ в политике (да и любых других школ в общественной науке) нелегко отделить друг от друга.

Именно благодаря использованию в политических целях, равно как и своему интеллектуальному характеру (и своей академической организации) обе эти школы вышли на те позиции, которые они сейчас занимают в современной науке.

В классической традиции общественной науки проблемы формулируются так,

что в самой их постановке учитывается целый ряд конкретных сфер жизнедеятельности и те частные трудности, которые испытывают различные люди. Эти сферы жизнедеятельности, в свою очередь, локализуются в более широких конкретно- исторических социальных структурах.

Ни одна проблема не может быть адекватно сформулирована, если не установлены ценности и угрожающие им факторы. Эти ценности и то, что им угрожает, очерчивают границы самой проблемы. Как я полагаю, через классический социальный анализ красной нитью проходят две ценности — свобода и разум. Порой кажется, что угрожающие им сегодня силы растут вместе с основными тенденциями современного общества, если не являются сущностными признаками данного исторического периода. В центре внимания всего обществоведения находятся условия и тенденции, представляющие видимую угрозу этим двум ценностям, и последствия этой угрозы для человечества и для исторического процесса.

Но я сейчас говорю не столько о каком-то определенном круге проблем, в том числе и тех, которые я сам выбрал для изучения, сколько о том, что обществоведам необходимо осознать те проблемы, которые в действительности содержатся в их работе и в их планах. Только при такой рефлексии они могут четко и аккуратно ставить определенные задачи и находить возможные альтернативы их решения. Только на этом пути можно сохранить объективность. Ибо объективность в общественной науке требует от ученого постоянного стремления ясно осознавать все, что вовлекается в это предприятие; она предполагает широкое и критическое обсуждение достигнутых на этом пути результатов. Стремясь к росту объема и действенности общественно-научного знания, нельзя полагаться ни на догматические модели «Научного метода», ни на претенциозные заявления о «Проблемах обществоведения».

При постановке задач исследования следует досконально знать круг социально значимых проблем и повседневных трудностей, испытываемых различными категориями людей; сама формулировка сущности будущей работы должна открывать причинные связи между сферами повседневной жизнедеятельности и социальной структурой.

Определяя темы для исследований, необходимо прояснить те ценности, которые явно находятся под угрозой в рамках исследуемых проблем. Такой подход осложняется тем, что публика и отдельные индивиды не ощущают угрозы ценностям разума и свободы hkh по крайней мере обеспокоены не только этими ценностями.

Поэтому мы должны также выяснить* каким ценностям, По мнению акторов, угрожает опасность, кто или что им угрожает? Какова будет их реакция, если они полностью осознают реальную Угрозу ценностям разума и свободы? При

формулировании проблем для исследования совершенно необходимо учитывать определенные ценности и чувства, объяснения и страхи, ибо господствующие мнения и ожидания, сколь неадекватными и ошибочными они бы ни были, составляют самую суть общественно значимых проблем и личных трудностей. Более того, любое решение тех или иных вопросов можно отчасти проверить, выяснив отражает ли оно жизненные трудности и социальные проблемы так же, как они субъективно переживаются.

Между прочим, при постановке «коренного вопроса» и ответа на него обычно учитывают состояние тревожности, возникающее из «глубин» биографии людей, а также индифферентность, порождаемую самой структурой конкретного общества. Самим выбором и постановкой задач мы должны, во-первых, увидеть в ин дифференности социально важную проблему, а смутную тревогу перевести на язык повседневных забот, и, во-вторых, необходимо учитывать и структурные проблемы, и повседневные трудности. При этом в исследованиях требуются максимально простые и точные формулировки, касающиеся ценностей и угрожающих им опасностей, а также желательно соотнести первые со вторыми.

В свою очередь, любой адекватный ответ на «коренной вопрос» будет включать положения о стратегических направлениях вмешательства в ситуацию, о «рычагах», посредством которых можно поддерживать или изменять сложившуюся структуру, а также оценку тех, кто в силу своего положения в обществе призван совершать это вмешательство, но не делает этого. Формулирование проблем для исследования требует учета гораздо большего числа факторов, но я хотел здесь наметить лишь общие очертания этого процесса.

7. Человеческое многообразие

После того как я уделил довольно много внимания критике преобладающих в обществоведении направлений, хочу обратиться к более позитивным — даже программным — идеям, касающимся перспектив этой науки. Если общественная наука пребывает в состоянии неопределенности, то нужно извлечь из этого пользу, а не оплакивать ее. Наука может быть больна, но признание этого факта следует понимать как требование поставить диагноз и даже как признак приближающегося выздоровления.

1.

Собственно говоря, общественная наука занимается изучением человеческого многообразия, включающего все социальные миры, в которых жил, живет и мог бы жить человек. В эти миры входят и первобытные сообщества, которые, насколько мы знаем, мало изменились за тысячу лет, и могущественные державы, которые, как это неоднократно бывало, в одночасье терпели крах. Византия и Европа, классический Китай и античный Рим, Лос-Анжелес и империя древнего Перу – все миры, которые когда-либо знало человечество, предстоят перед нашим взором, открытые для изучения.

Среди этих миров - и свободные сельские поселения, и группы давления, и подростковые банды, и нефтяники из племени Навахо, военно-воздушные силы, предназначенные для того, чтобы стереть с лица земли городские кварталы площадью в сотни тысяч квадратных $l h k$, наряды полицейских на перекрестках, кружки близких друзей, собравшаяся в аудитории публика, преступные синдикаты, толпы людей, заполнившие однажды вечером улицы и площади крупнейших городов, дети индейского племени Хопи, Работотворцы в Аравии, политические партии в Германии, социальные классы в Польше, меннонитские школы, душевнобольные в Тибете, всемирная сеть радиовещания. Люди разных рас и национальностей составляют публику, наполняющую залы кинотеатров, и в то же время они сегрегированы друг от друга. Они счастливы в браке и одновременно одержимы незатухающей ненавистью. Тысячи самых разных занятий существуют в торговле и промышленности, в государственных учреждениях, в различных местностях, в странах величиной чуть ли не с континент. Каждый день заключается миллион мелких сделок, и повсюду возникает столько «малых групп», что никто не в силах их сосчитать.

Человеческое многообразие проявляется также в разнообразии отдельных индивидов; социологическое воображение помогает изучить и понять его. В этом воображении индийский брамин середины 1850 г. располагается рядом с фермером-первопроходцем из Иллинойса; английский джентльмен XVIII века — рядом с австралийским аборигеном и китайским крестьянином, жившим 100 лет

назад, с современным политиком из Боливии и французским рыцарем-феодалом, с объявившей в 1914г. Голодовку английской суфражисткой, голливудской звездой и римским патрицием. Писать о «человеке» значит писать обо всех этих мужчинах и женщинах — о Гете и живущей по соседству девчонке.

Обществовед пытается упорядочить факты и понять человеческое многообразие. Возникает вопрос, возможно ли упорядочение и не является ли переживаемая общественными науками смута неизбежным отражением самого объекта, который пытаются изучать обществоведы? Мой ответ таков: возможно, многообразие не такое уж «беспорядочное», каким может показаться из простого перечисления малой его части; может быть, даже не такое беспорядочное, каким его часто представляют в учебных курсах колледжей и университетов. Порядок, так же как и беспорядок, зависит от «точки зрения»: для достижения упорядоченного понимания людей и обществ необходим целый комплекс критериев, которые были бы достаточно простыми, чтобы понимание вообще было возможным, и достаточно разносторонними, чтобы охватить всю сферу человеческого многообразия. Вот такую точку зрения общественная наука непрестанно отстаивает.

Конечно, в обществоведении любая точка зрения базируется на определенных позициях. Непременным условием решения кардинальных проблем общественных наук, о которых я упоминал в первой главе, является изучение биографий, истории и их взаимопересечения внутри социальных структур. Чтобы исследовать эти проблемы и увидеть все человеческое многообразие, ученый должен постоянно находиться на уровне исторической реальности и учитывать, какими смыслами ее наделяют конкретные мужчины и женщины. Наша цель состоит именно в том, чтобы определить реальные процессы в обществе и раскрыть те смыслы, которые придают им конкретные люди. На основе этих смыслов формируется проблематика классической общественной науки, а, следовательно, в ней структурные проблемы общества перекрещиваются с трудностями повседневной жизни. Поэтому нам необходимо стремиться к исчерпывающему сравнительному анализу всех социальных структур в мировой истории, в прошлом и настоящем. Для этого необходимо отбирать сферы жизнедеятельности микроуровня и изучать их в терминах макросоциальных конкретно-исторических структур.

Целесообразно избегать произвольной специализации учебных `jsk|rernb; исследователь должен ориентироваться на избранную тему и, точнее говоря, проблему, опираясь при этом на идеи, эмпирические материалы и методы изучения человека как творца на исторической сцене.

Если посмотреть на обществоведение с исторической точки зрения, можно заметить, что ученые с наибольшим вниманием относились к политическим и экономическим институтам, при этом довольно тщательно изучались военные,

семейные, религиозные и просветительские учреждения. Такая классификация институтов в соответствии с объективно выполняемыми ими функциями обманчиво проста, хотя и удобна. Если мы поймем, как эти институты связаны друг с другом, то выясним социальную структуру общества. Ибо под термином «социальная структура» обычно понимают именно комбинацию институтов, расклассифицированных в соответствии с выполняемыми ими функциями. Социальная структура как таковая представляет собой довольно сложный объект, с которым работает обществовед. Соответственно, наиболее всеохватывающей целью социологии является анализ социальной структуры любого из многообразных обществ, в его отдельных компонентах и в его целостности. Сам термин «социальная структура» Имеет множество различных определений и, кроме того, для обозначения одного и того же понятия употребляются различные термины. Но если постоянно иметь в виду различие между сферами Повседневной жизнедеятельности и структурой общества, а также не забывать о понятии «института», можно всегда распознать признаки социальной структуры там, где она есть.

2.

В наше время социальные структуры обычно организованы под властью политического государства. В терминах власти самой сложной и объемной единицей социальной структуры является национальное государство. Национальное государство является сей час доминирующей формой общества в мире и, в качестве таковой главным фактором в жизни каждого человека. Национальное государство разделяет и объединяет — в разной степени и разными способами - «цивилизации» и материки. Его протяженность и уровень развития — ключи к пониманию современной всемирной истории. Современное национальное государство имеет политические и военные, культурные и экономические рычаги принятия решений и осуществления власти. Все институты и сферы повседневной жизни большинства людей теперь организованы в то или иное национальное государство.

Конечно, обществоведы не всегда изучают социальную структуру нации в целом. Суть в том, что национальное государство является тем каркасом, в рамках которого они чаще всего чувствуют потребность сформулировать проблемы самых мелких и самых крупных социальных групп. Другие социальные «единицы» чаще всего понимаются как «донациональные» или «постнациональные».

Разумеется, различные национальные сообщества могут «принад лежать» к одной «цивилизации», это обычно означает привержен ность их религиозных институтов к той или иной мировой религии.

Исходя из фактических различий между «цивилизациями», можно наметить пути для сравнения национальных государств между собой.

Но, учитывая, как понятие «цивилизация» используется такими авторами, как, скажем, Арнольд Тойнби, оно представляется слишком расплывчатым и неточным, чтобы служить основной единицей анализа, то есть задавать «поле для исследования» в общественных науках.

Выбирая в качестве исходной единицы анализа национально- `pqrbemms~ социальную структуру, мы допускаем приемлемый уровень обобщения, то есть тот, который позволяет избежать ухода от задач исследования и, вместе с тем, рассмотреть те структурные силы, чье влияние на многие мелочи жизни и трудности в человеческом поведении сегодня очевидны. Более того, выбор на ционально-государственных структур дает возможность непосред ственно поднимать главнейшие социальные проблемы, вызывающие озабоченность общественности. Ибо именно на этом уровне, к добру или к худу, концентрируются наиболее эффективные средства власти, действующие как внутри государства, так и в межго сударственных отношениях, а, следовательно, оказывающие суще ственное влияние на ход исторического процесса.

Не подлежит сомнению, что не все национальные государства в равной степени влияют на ход истории. Некоторые из них столь малы и зависимы от других, что происходящее в них можно понять, только изучая Великие державы. Это — техническая проблема целесообразной классификации объектов — наций — и их сравнительного изучения. Верно также, что все национальные государства взаимодействуют, и некоторые из них тяготеют друг к другу в силу традиционно сходных условий развития. Но это свойственно любым объектам социального исследования. Более того, особенно после первой мировой войны, все способные к самостоятельности национальные государства все более и более становятся самодостаточными.

Многие экономисты и политологи считают естественным, что главным объектом их изучения является национальное государство: даже если они касаются «мировой экономики» и «международных отношений», им приходится непосредственно иметь дело с конкретными государствами. Ввиду специфики объекта и своей традиционной практики антропологи исследуют «целостность» общества или «культуры» и, обращаясь к изучению современных обществ, пытаются, с большим или меньшим успехом, понять нации как целостности. Но социологи, или, точнее, исследователи-техники, которые сегодня не усвоили концепцию социальной структуры, считают нацию чрезмерно масштабным и потому сомнительным объектом. По всей видимости, это объясняется ориентацией на «собираание данных», что дешевле осуществить, имея дело с объектами микроуровня. А это значит, что объект выбирается исходя не из потребностей изучения конкретной проблемы; напротив, и проблема, и объект определяются выбором метода.

В каком-то смысле эта книга направлена против такого подхода.

Думаю, что, занявшись всерьез какой-то общественно значимой проблемой, большинство обществоведов обнаружат, что гораздо труднее сформулировать ее относительно какого-нибудь менее масштабного объекта, чем национальное государство. Это относится к изучению стратификации и экономической политики, общественного мнения и природы политической власти, труда и досуга — даже проблемы муниципального управления нельзя адекватно сформулировать без всестороннего их анализа в общенациональном контексте. Таким образом, национальное государство зарекомендовало себя в качестве эмпирической данности, с которой удобно иметь дело и которая доступна каждому, кто имеет опыт работы в области общественных наук.

3.

Идея рассматривать социальную структуру как ключевую единицу исследований исторически теснейшим образом связана с социологией, классическими ее выразителями были именно социологи.

Рядом с объектом и социологии, и антропологии является все общество в целом, или, как его называют антропологи, «культура».

Специфически «социологическим» элементом изучения любой отдельной черты общества было постоянное стремление соотнести эту черту с другими с тем, чтобы достичь понимания целого. Как я уже отмечал, социологическое воображение в значительной своей части является результатом усилий осуществить эту цель. Но в настоящее время подобный взгляд и соответствующая практика ни в коем случае не свойственны только социологам и антропологам. То, что являло собой перспективное направление в этих дисциплинах, превратилось в непоследовательные попытки осуществить это намерение в общественных науках в целом.

Мне не кажется, что культурная антропология, в своей классической традиции и в развитии современных направлений, чем-то принципиально отличается от социологического исследования. В те времена, когда современные общества практически не обследовались, антропологам приходилось собирать материалы о до- письменных народах в труднодоступных местностях. Другие общественные науки, особенно история, демография и политическая наука, с самого своего зарождения основывались на документальных материалах, накопленных в письменную эпоху. Это обстоятельство и привело к разделению дисциплин. Но сейчас всякого рода «эмпирические обследования» проводятся во всех общественных науках; фактически, их техника наиболее полно разрабатывалась психологами и социологами в связи с историей обществ. В последние годы антропологи также включились в изучение развитых сообществ и даже национальных государств; в свою очередь социологи и экономисты взялись за изучение «неразвитых народов».

В настоящее время ни особенности метода, ни границы объекта исследования по существу не отделяют антропологию от экономики и социологии.

Экономические и политические науки большей частью связаны с отдельными институциональными сферами социальной структуры. В большей степени экономисты, в меньшей — политологи рассуждают о «хозяйстве» и «государстве», развивая «классические теории», сохраняющие свое влияние на многие поколения ученых. Одним словом, экономисты создают модели, тогда как политологи (вместе с социологами) их построению по традиции уделяют меньше внимания. Создать классическую теорию — значит разработать систему понятий и исходных предположений, из которых следуют выводы и обобщения. Последние,

в свою очередь, сравниваются с различными эмпирическими заключениями. При выполнении этих задач понятия, процедуры и даже вопросы, по крайней мере неявно, кодифицируются.

Все это вроде бы прекрасно. Однако, прежде всего в экономике, а потом уже в политологии и социологии значение формальных моделей государства и экономики, имеющих строгие, непрозрачные границы, умаляют две тенденции: 1) экономический и политический прогресс развивающихся стран и 2) появление характерных для XX века форм «политической экономии», в одно и то же время тоталитарных и формально демократических. Послевоенный период был одновременно и разрушительным, и плодотворным для встревоженных экономистов-теоретиков и, фактически, для всех обществоведов, достойных этого звания.

В любой чисто экономической «теории цен» можно достичь логической строгости, но не эмпирической адекватности. Для построения такой теории необходимо знать, как осуществляется руководство институтами бизнеса, как руководители этих институтов принимают решения по вопросам их внутренней деятельности и отношений с другими институтами; нужно с определенной точки зрения изучить ожидания, касающиеся затрат, в частности, на заработную плату; знать последствия противозаконного установления фиксированных цен картелями мелких торговцев, к лидерам которых необходимо относиться с должным пониманием и т. д. Точно также, чтобы понять степень заинтересованности участников экономического процесса, часто необходимо знать об официальном и межличностном взаимодействии банкиров и правительственных чиновников, равно как и о безличных экономических механизмах.

Полагаю, что в общественных науках, преимущественное внимание исследователей медленно, но верно смещается к сравнительному анализу. Сравнительные исследования, как теоретические, так и эмпирические, являются сегодня наиболее перспективным направлением; такую работу лучше всего проводить в рамках объединенной общественной науки.

4.

По мере развития каждой из общественных наук, их взаимодействие с другими науками усиливается. Предметом экономики, как и при ее возникновении, снова становится «политическая экономия», которая все больше используется для изучения части целостной социальной структуры. Это характерно и для экономиста Джона К. Гэлбрейта, и в меньшей степени для политологов Роберта Даля и Дэвида Трумэна. В работе Гэлбрейта о современной структуре американского капитализма фактически представлена такая же социологическая теория политической экономии, как во взглядах Шумпетера на капитализм и демократию или в идеях Эрла Лэтэма о политике групп. Гарольда Лассуэлла, Дэвида Рис-мена и Габриэля Элмонда можно в равной степени считать социологами, психологами и политологами. Они, работая в рамках этих дисциплин, выходят за их пределы. Это свойственно всем ученым, ибо, когда овладеваешь какой-либо одной дисциплиной, тебя влечет вторгнуться в область других наук, то есть работать в классической традиции. Конечно, социологи могут специализироваться на одной из институциональных систем, но как только схватываешь сущность одной системы, одновременно приходит понимание ее места внутри совокупной социальной структуры и, следовательно-до, ее отношения к другим институциональным системам. Ибо становится ясно, что в значительной степени именно из этих отношений складывается сама реальность.

Разумеется, не следует думать, что, имея дело с огромным разнообразием социальной жизни, обществоведы рационально распределяют свое внимание между дисциплинами. Во-первых, каждая из них развивалась самостоятельно, реагируя на специфические запросы и условия; ни одна из них не развивалась как часть какого-то единого плана. Во-вторых, конечно, есть множество разнотенностей относительно взаимоотношений между различными дисциплинами, а также по поводу разумной степени специализации.

Однако сегодня многие недооценивают, что все эти разногласия могут рассматриваться скорее как факты академической жизни, чем трудности на пути познания. Даже как явления академической жизни эти разногласия, по-моему, сегодня часто преодолеваются сами собой, перерастают сами себя.

В интеллектуальном плане, главную особенность сегодняшней ситуации в науке составляет размывание границ; концепции переливаются из одной дисциплины в другую с возрастающей легкостью. Известно несколько примечательных случаев, когда карьера специалиста основывалась почти исключительно на искусном владении терминологией одной отрасли знания и ее ловком приращении к традиционной области другой дисциплины. Специализация в науке есть и будет, но не обязательно в рамках более или менее случайно прочерченных границ между известными сейчас ее отраслями. Специализация, скорее, будет осуществляться в границах проблем, для решения которых потребуется

интеллектуальное оснащение, традиционно относящееся к разным дисциплинам. Все больше и больше появляется концепций и методов, которые используются всеми обществоведами.

Формирование каждой общественной науки осуществляется в ходе внутренних процессов развития определенного интеллектуального стиля; кроме того, каждая наука испытывает на себе существенное влияние институциональных «случайностей», что ясно проявилось в различиях, характерных для формирования каждой науки в ведущих странах Запада. Терпимость или безразличие со стороны представителей уже учрежденных дисциплин, включая философию, историю и другие гуманитарные науки, часто сопутствовали возникновению таких дисциплин, как социология, экономика, антропология, политология и психология. Фактически в некоторых высших учебных заведениях наличие или отсутствие факультетов общественных наук зависит от субъективного отношения к ним.

Например, в Оксфорде и Кембридже нет «факультетов социологии».

Опасность слишком серьезного отношения к «департаментализации» общественных наук заключается в предположении, что каждый из экономических, политических и других социальных институтов представляет собой автономную систему. Разумеется, как я уже говорил, это предположение использовали и используют для конструирования «аналитических моделей», которые на самом деле часто бывают очень полезны. Обобщенные и замороженные в виде факультетов высшей школы, классические модели «государственного устройства» и «экономики», возможно, действительно отражают ситуацию в Великобритании начала XIX века и, особенно, в Соединенных Штатах. В самом деле, историю экономических и политических наук как специальностей следует, до некоторой степени, интерпретировать в контексте того исторического периода развития современного Запада, в течение которого каждый институциональный порядок провозглашался автономной сферой. Но совершенно очевидно, что модель, представляющая общество в виде конгломерата автономных институциональных систем, не является единственно возможной для общественных наук. Мы не можем ограничиться типологией в качестве основания для всеобщего разделения интеллектуального труда. Осознание этого является одним из толчков к нынешнему объединению социальных наук. Очень активно происходит слияние некоторых политологических дисциплин с экономическими, культурной антропологии с историей, социологии, по крайней мере, с одним из основных разделов психологии как в деле подготовки учебных курсов, так и в проектировании идеальных моделей исследований.

Интеллектуальные проблемы, возникающие благодаря единству социальных наук, главным образом, связаны с отношениями институциональных систем —

политической и экономической, военной и религиозной, семейной и образовательной — в данных обществах и в конкретные периоды времени. Это, как я уже говорил, - важные проблемы. Многие практические трудности взаимоотношений различных социальных наук связаны с планированием учебной деятельности и академической карьеры, с терминологической путаницей и сложившимися рынками труда для выпускников по каждой специальности. Одним из наиболее серьезных препятствий на пути к совместной работе в сфере общественных наук является то, что для каждой дисциплины пишутся отдельные вводные курсы. Именно в учебниках чаще, чем в любом другом виде интеллектуальной *opndsivhh*, происходят интеграции или дробления «областей знания». Менее подходящее поле для этого трудно представить. Но оптовые продавцы учебников имеют весьма реальную заинтересованность в производстве подобных книг. Наряду с интеграцией, придуманной в учебниках, попытки интегрировать общественные науки предпринимаются, скорее, в области концепций и методов, чем в рамках проблем и предмета исследований.

Соответственно, различия между «отраслями» основываются не на выделении реальных проблемных областей, а на идеальных «Понятиях». Эти понятия тем не менее трудно преодолеть, и я не знаю, будет ли это сделано. Но, как мне кажется, сейчас есть шанс, что тенденции определенных структурных изменений в развитии академических дисциплин со временем преодолеют со сопротивление тех, кто, глубоко окопавшись, с завидным упорством до сих пор отстаивает свою узкоспециализированную ячейку.

В то же время, несомненно, что многие обществоведы осознают, что в «своей собственной дисциплине» они могут гораздо лучше реализовывать поставленные цели в том случае, если открыто признают общие задачи, служащие ориентиром для общественной науки. Сейчас у каждого ученого имеются все возможности, чтобы игнорировать «случайности» в развитии своих факультетов, выбирать и формировать круг собственных занятий, не слишком заботясь о том, к какому факультету он принадлежит. Когда ученый Приходит к подлинному осознанию каких-либо серьезных проблем и у него появляется горячая заинтересованность в их решении, он часто вынужден овладевать представлениями и методами, которым было суждено сформироваться в другой дисциплине. «И какая общественно- научная специальность с точки зрения перспектив познания не будет казаться ему закрытым миром. Кроме того, он понимает, что фактически занимается общественной наукой, а не какой-то одной из них и, что совершенно не имеет значения, какую конкретную область социальной жизни ему интереснее всего изучать.

Часто утверждают, что, обладая подлинными энциклопедическими знаниями, невозможно избежать дилетантизма. Я не знаю так ли это, но если это так, разве мы не можем хотя бы что-нибудь почерпнуть из энциклопедизма? Действительно,

практически невозможно овладеть всеми данными, концепциями, методами каждой дисциплины. Более того, попытки «интегрировать общественные науки» при помощи «концептуального перевода» или представления подробных данных обычно оказываются полным вздором; это относится к большей части того, что содержится в «общих» университетских курсах по «социальным наукам». Однако такое владение предметом, такой перевод, такое представление данных и такие учебные курсы не имеют отношения к тому, что подразумевается под «единством общественных наук».

А подразумевается следующее. Постановка и решение любой значительной проблемы нашего времени требует подбора материала, концепций и методов не из одной, а из нескольких дисциплин.

Обществоведу не обязательно «владеть всей отраслью науки», до статочного знакомства с ее данными и подходами, чтобы использовать их при разработке тех проблем, которыми он непосредственно занимается. Именно по содержанию проблем, а не по междисциплинарным границам должна проходить научная специализация. И именно это, как мне кажется, сейчас и происходит.

8. О пользе истории

Общественная наука имеет дело с биографиями, историей и их пересечениями в социальных структурах. Эти три измерения — ,bju`th, история и общество — составляют систему координат для объективного изучения человека. В этом заключается основа позиции, на которой я стою, подвергая критике современные школы в социологии, последователи которых отошли отданной классической традиции. Проблемы современности — в их число входит проблема самой человеческой природы — не могут быть адекватно сформулированы, если на практике не будет последовательно осуществляться идея о том, что история является стержнем общества ведения. Также должна быть признана необходимость дальнейшего развития этой науки с учетом конкретно-исторических контекстов социологически обоснованной психологии человека. Обществовед не может обойтись без привлечения истории и без исторического осмысления психологических аспектов явлений для адекватной постановки тех проблем, которые должны в настоящее время задавать направление исследовательской работе!

1.

Утомительные дискуссии о том, является ли история социальной наукой и следует ли считать ее таковой, не имеют существенного значения и не представляют никакого интереса. Очевидно, что вывод из подобных споров зависит от того, о каких историках и о каких обществоведах идет речь. Некоторые историки просто собирают якобы достоверные факты и стараются воздерживаться от «интерпретаций»; они занимаются, часто весьма плодотворно, отдельными фрагментами истории и, как кажется, не желают размещать свой предмет в каком бы то ни было широком контексте.

Иные пребывают вне истории, затерявшись — часто не менее плодотворно — в трансгисторических видениях неумолимого рока или Идущей славы. История как дисциплина не только побуждает к Уточнению деталей, но также вдохновляет исследователя расширить свой кругозор и увидеть поворотные события эпохи в развитии социальных структур.

Пожалуй, большинство историков занято «подтверждением фактов», необходимых для понимания исторической трансформации социальных институтов, а также их интерпретацией, выполненной, как правило, в повествовательной форме. Кроме того многие историки не стесняются обращаться в своих исследованиях к изучению всех сфер социальной жизни. Границы их исследований, таким образом, совпадают с границами обществоведения, хотя они могут специализироваться на политической истории, истории экономики или истории идей. В той мере, в какой историки изучают типы социальных институтов, они склонны сосредоточивать внимание на происходящих в них изменениях за определенный период времени, не обращаясь к сравнительному методу, тогда как многие обществоведы в изучении типов социальных институтов чаще обращаются к сравнительному анализу, чем историки. Но очевидно, что это различие касается лишь направления внимания и специализации в рамках общей задачи.

Именно сегодня многие американские историки испытывают на себе сильное влияние концепций, проблем и методов различных социальных наук. Ж. Барзун и Х. Графф не так давно предположили, что, может быть, «обществоведы постоянно вынуждают историков модернизовать свои методики» потому, что они «слишком заняты, чтобы изучать историю» и «не могут распознать необходимые данные, если они представлены в непривычной форме»¹.

1 Вапиц J., Grqffff. The modern researcher. New York: Harcourt, , 1957. P. 221.

Конечно, в любой исторической работе возникает больше методологических проблем, чем многие историки могли бы вообразить.

Но некоторые из них действительно мечтают не столько о методе, сколько об эпистемологии, — что может привести к довольно странному уходу от исторической реальности. Влияние определенных версий «общественной науки» на историков зачастую оказывается плачевным, но это влияние все же не настолько велико, чтобы его нужно было долго здесь обсуждать.

Основной задачей историка является точное описание фактов человеческой жизни, но на самом деле такая упрощенная постановка проблемы обманчива. Историк воплощает в своей работе организованную память человечества, и эта память, письменная история, чрезвычайно изменчива. Она меняется, часто совершенно радикально, от одного поколения историков к другому — и не просто потому, что более поздние конкретные исследования вводят в оборот новые факты и документы. Она меняется также благодаря смене интересов и критериев, на основе которых производятся описания. Так формируются критерии отбора фактов из бесчисленного множества событий и, одновременно, их основные интерпретации. Историк не может избежать отбора фактов, хотя в его силах попытаться отрицать это, сохраняя ловкость и осторожность при собственных интерпретациях. Не нужно великолепных прозрений Джорджа Оруэлла, чтобы понять, как легко можно извратить историю в ходе ее беспрестанного переписывания. Оруэлловский «1984 год» показал это наглядно и, будем надеяться, основательно напугал некоторых наших коллег-историков.

Все эти опасности исторического предприятия делают эту науку одной из наиболее теоретизированных гуманитарных дисциплин, из-за чего безмятежное неведение многих ученых производит еще более удручающее и тревожное впечатление. Я полагаю, что бывают периоды, когда главенствует одна жесткая и монолитная точка зрения, принимая которую как должную, историки могут не задумываться о многих других вещах. Но наше время не таково.

Если у историков нет «теории», они, предоставляя материалы для написания истории, сами быть авторами не могут. Они в состоянии продолжать записывать, но не способны точно отразить события.

Для выполнения этой задачи сегодня недостаточно все внимание уделять «фактам».

Работы историков можно рассматривать как огромную картотеку, крайне необходимую для всех общественных наук, и я полагаю, что это верный и плодотворный взгляд. Иногда считают, что история как дисциплина включает все общественные науки, но так думают лишь несколько заблуждающихся «гуманитариев». Наиболее фундаментальной из всех прочих является идея, что каждая общественная наука, или, лучше сказать, каждое хорошо продуманное

социальное исследование, требует исторической концептуализации и максимально полного использования исторических материалов. Эту простую идею я и отстаиваю.

Для начала мы, пожалуй, рассмотрим одно постоянное возражение против использования обществоведами исторических материалов.

Утверждается, что такие материалы не настолько точны или что они недостаточно известны, чтобы можно было сравнивать их с более надежными, доступными и точными современными данными.

Безусловно, подобное возражение указывает на весьма щекотливую проблему социального познания, но это верно только в том случае, если ограничить виды используемой в исследовании информации. Как я уже говорил, рассмотрение какой-либо конкретной проблемы должно определяться требованиями классического социального анализа, а не жесткими ограничениями избранного метода. Более того, это возражение уместно только для определенного круга проблем, и зачастую на него можно ответить: по многим вопросам `dejb`rms~ информацию мы можем получить только о прошлом.

Государственные и негосударственные тайны, усиление роли общественности — все это современные факты, которые, вне сомнения, необходимо принимать во внимание, когда мы судим о достоверности информации о прошлом и настоящем. Одним словом, это возражение является лишь очередной версией методологического самоограничения и часто сопутствует идеологии политически бездеятельного «ученого незнания».

2.

По сравнению с вопросами о научности истории и как должны себя вести историки, более важен и более дискуссионен вопрос, являются ли сами социальные науки историческими дисциплинами.

Для выполнения своих задач и даже для правильной их постановки, обществоведы должны использовать исторические материалы. Если не признавать трансисторическую теорию и теорию о внеисторической сущности человека в обществе, никакая общественная наука не может выйти за пределы истории. Вся социология достойна называться «исторической социологией». Она, как превосходно выразился Пол Суизи, пытается записывать «настоящее как историю». Существует несколько причин для такой тесной связи между историей и социологией.

1) Требуется более широкая постановка вопроса «Что объяснять?», которая обеспечивается только пониманием исторического многообразия типов человеческого общества. То, что, например, на конкретный вопрос о соотношении между формами национализма и типами милитаризма нужно по-разному отвечать применительно к разным обществам и разным историческим периодам, означает необходимость переформулировать сам вопрос. Мы нуждаемся в многообразии предоставляемых историей фактов скорее для того, чтобы ставить социологические вопросы, нежели отвечать на них.

Ответы или объяснения, которые мы могли бы предложить, часто, если не всегда, строятся на сравнении. Сравнение требуется для того, чтобы понять, каковы могут быть основные условия существования объекта, который мы исследуем, будь то формы рабства или трактовка преступлений в различных обществах, типы семьи, крестьянские общины или колхозы. Какое бы явление нас ни интересовало, мы должны наблюдать его в самых разнообразных обстоятельствах. В противном случае мы ограничимся плоским описанием.

Для того чтобы преодолеть это, мы должны изучить все доступное многообразие социальных структур, как исторических, так и современных. Если мы не будем стремиться к этому, что, конечно, не подразумевает исчерпание множества конкретных случаев, то наши утверждения не будут эмпирически адекватными. Ограничившись анализом нескольких признаков только одного общества, нельзя четко выявить действующие в нем закономерности и отношения.

Исторические типы составляют весьма важную часть наших изысканий и играют незаменимую роль в трактовке рассматриваемых событий. Исключить из исследований исторический материал — сведения о том, что люди сделали и какими стали, — было бы равносильно изучению процесса рождения без учета материнства.

Если мы ограничиваемся примером одного какого-либо государства

современного (обычно западного) общества, то у нас нет оснований надеяться, что сможем уловить многие подлинно фундаментальные различия между человеческими типами и общественными институтами.

Эту общую истину можно конкретизировать применительно к общественной науке. Различным секторам одного общества часто присуще так много общих знаменателей веры, иерархии ценностей, $hmqrhrsvhnm^k| m\{u$ форм, что сколь бы Детальным и педантичным ни было наше исследование, мы не Найдем действительно значимых различий среди людей и между институтами в один отдельно взятый момент отдельно взятого общества. Фактически, синхронный срез одного общества часто подразумевает однородность, к которой, даже если суждения о ней истинны, необходимо подходить как к проблеме. Ее нельзя, как это часто делается в современной исследовательской практике, свести к проблеме построения выборки или сформулировать как проблему в терминах «здесь» и «теперь».

Общества, по-видимому, различаются разнообразием своих специфических явлений, а также, в более общем плане, по степени социальной однородности. Как заметил Моррис Гинзберг, если то, что мы изучаем, «демонстрирует существенные индивидуальные вариации внутри одного общества или в один исторический период, то установление реальных связей возможно, без выхода за пределы данного общества или периода»¹.

¹ Ginsbei-g M. Essays in sociology and social philosophy. Vol.

II. London: Heinemann, 1956. P. 39.

Часто это действительно так, но не настолько безапелляционно, чтобы принять без проверки. Для проверки обычно приходится предусматривать в исследованиях сравнение социальных структур.

Полноценное сравнительное исследование требует привлечения всех имеющихся многообразных материалов. Проблему социальной однородности, если ее ограничить рамками современного массового или же рамками традиционного общества, нельзя правильно сформулировать и, тем более, должным образом решить без учета сравнительного изучения современных и прошлых обществ.

Например, значение таких ключевых тем политической науки, как «общественность» и «общественное мнение» нельзя понять без подобной работы. Без расширения исследовательского горизонта мы часто обрекаем себя на получение поверхностных и ошибочных результатов. Не думаю, например, что кто-нибудь будет оспаривать утверждение о том, что политическая индифферентность является одним из главных фактов в политической жизни современных западных обществ. Однако в тех научных работах по «политической психологии избирателей», которые не опираются на исторический и сравнительный анализ, мы не находим даже классификации «избирателей», которая бы учитывала подобную индифферентность.

На самом деле конкретно-историческую идею политической индифферентности и, тем более, ее смысл нельзя сформулировать в терминологии большинства исследований поведения избирателей.

Одно и то же утверждение о «политической индифферентности» применительно к крестьянам доиндустриального и к человеку современного массового общества имеет неодинаковый смысл. Во-первых, значение политических институтов для образа жизни людей и условия их существования абсолютно различны в этих двух типах общества. Во-вторых, различны формальные возможности участия в политической жизни. И, в-третьих, рост ожидания политического участия на протяжении всей истории буржуазной демократии современного Запада не всегда был характерен для доиндустриального мира. Чтобы понять «политическую индифферентность», объяснить ее, уловить ее смысл в современных обществах, необходимо учитывать совершенно разные типы и условия этой индифферентности, а для этого мы должны произвести сравнение исторических данных.

2) Внеисторические исследования тяготеют к статике или к разовому изучению ограниченных сфер повседневной жизнедеятельности. Этого и следует ожидать, так как большие структуры легче заметить, когда они находятся в процессе изменения. А из менения мы начинаем замечать только тогда, когда расширяем кругозор и охватываем достаточно большой исторический отрезок времени. Поэтому единственный способ понять взаимодействие между

мельчайшими формами деятельности людей и более крупными структурами, выяснить, как факторы макроуровня влияют на ограниченные сферы повседневной жизни — это обратиться к историческим материалам. Чтобы определить структуру во всех значениях этого ключевого термина и адекватно сформулировать проблемы и трудности ограниченных условий повседневности, необходимо и на словах и на деле признать, что общественные науки мы воплощаем в жизнь как исторические дисциплины.

Изучение истории не только увеличивает наши возможности познания структуры общества. Мы не можем надеяться на понимание. Даже отдельно взятого общества, даже в статике без использования исторического материала. Образ всякого общества — это конкретно- исторический образ. То, что Маркс называл «принципом исторической определенности», можно изложить следующим образом: любое данное общество должно быть понято в контексте того периода, в котором оно существует. Как бы ни определялся «период», общественные институты, идеологии, типы личностей, преобладающие в любой данный период, составляют уникальные феномены. Это не означает, что данный исторический тип нельзя сравнить с другими и что его можно постичь только интуитивно. Но это означает — и это уже вторая ссылка на приведенный выше принцип, — что в рамках одного исторического типа различные механизмы социальных изменений образуют определенное пространство взаимодействия.

Именно эти механизмы, которые Карл Маннгейм вслед за Джоном Стюартом Миллем назвал «*principia media*», и хотят описать обществоведы, изучающие социальную структуру.

Ранние теоретики обществоведения пытались сформулировать инвариантные законы общества — законы, которые бы имели силу для всех обществ подобно тому, как процедуры абстрагирования в физике позволили сформулировать законы, отсекающие несущественное для их действия качественное богатство «природы». По моему мнению, ни одному обществоведу не удалось установить какой-либо «закон», который был бы трансисторическим, действия которого можно было бы распространить за пределы конкретной структуры в конкретно-исторический период. Иначе «законы» превращаются в пустые абстракции или весьма туманные тавтологии.

Единственный смысл «социальных законов» или даже «социальных закономерностей» — это, как мы могли убедиться, *principia media*, или, если угодно, конструкт для конкретной социальной структуры в конкретно-историческую эпоху. Нам неизвестны универсальные механизмы исторических изменений, а те механизмы, которые уже описаны, варьируются в различных социальных структурах.

Исторические изменения касаются социальных структур общества и отношений

между образующими их компонентами. Подобно тому, как существует разнообразие социальных структур, существует и разнообразие принципов исторических изменений.

- 3) Абсолютная необходимость знания истории того или иного общества для его понимания становится совершенно очевидной любому экономисту, политологу или социологу как только он покидает пределы развитого индустриального общества и исследует институты какой-нибудь иной социальной структуры – Ближнего Востока, Азии или Африки. При изучении «своей собственной страны» исследователь, сам того не замечая, уже погружен в ее историю, поскольку ее знание непосредственно присутствует в кон цепциях, с которыми он работает. Когда он расширяет рамки исследования и проводит сравнительный анализ, он начинает лучше видеть внутреннюю историческую обусловленность того, что он *unwet* понять, а не просто фиксирует «общий фон».

В наше время проблемы западного общества почти неизбежно оказываются общемировыми проблемами. Пожалуй, одной из от личительных характеристик современной эпохи является то, что впервые в истории все разнообразные социальные миры находятся в тесном, быстром и очевидном взаимодействии. Исследователь должен заниматься сравнением этих миров и рассматривать взаимодействия между ними. Возможно поэтому некогда экзотическая заповедная зона антропологов теперь получила название «слаборазвитых стран» и включается в число объектов исследования экономистами, а также политологами и социологами. Вот почему наилучшие социологические исследования сегодня — это работы глобального и регионального масштаба.

Сравнительные и исторические исследования очень тесно пере плетаются. Нельзя понять политическую экономию слаборазвитых, коммунистических и капиталистических стран, рассматривая только их современное состояние, с помощью простых вневременных сравнений. Нужно расширить временные границы анализа. Чтобы понять и объяснить сегодняшнее состояние сравниваемых фактов, нужно знать исторические фазы и причины различий в скорости и направлении развития стран, а также причины препятствующие их развитию. Нужно знать, например, почему основанные в шестнадцатом и семнадцатом веках европейцами колонии в Северной Америке и Австралии стали со временем промышленно развитыми капиталистическими странами, а бывшие колонии в Индии, Латинской Америке и Африке остаются бедными, аграрными и отсталыми странами вплоть до конца двадцатого века.

Таким образом, историческая точка зрения ведет к сравнительному исследованию обществ. Нельзя понять и объяснить основные фазы, через которые прошла или проходит та или иная западная страна, и современные ее очертания только в терминах своей собственной национальной истории. И не только потому, что в

исторической реальности любая страна в своем развитии взаимодействует с другими странами. Я также имею в виду, что разум не может даже сформулировать исторические или социологические проблемы отдельно взятой социальной структуры без ее со- и противопоставления с социальными структурами других обществ.

- 4) Даже если наша работа не является собственно сравнительной и связана с каким-то узким сектором социальной структуры одной страны, нам необходимы исторические материалы. Только посредством абстрагирования, которое необязательно ведет к искажению социальной реальности, мы можем избежать негативного влияния на исследование некоторых острых моментов. В наших силах, конечно, конструировать моментальные картинки и даже панорамы, но в этом случае мы не придем ни к каким выводам. Если известно, что объект нашего исследования претерпевает изменения, то на самом простейшем описательном уровне мы обязаны спросить, каковы основные тренды этих изменений? И чтобы ответить на поставленный вопрос, по крайней мере, необходимо наметить два ориентира: «куда» и «откуда».

Ответ может содержать формулировку долго- и краткосрочного тренда, что, конечно же, зависит от задач исследования. Но в работах любого масштаба обычно необходимы достаточно продолжительные тренды. Долгосрочные тренды нужны хотя бы для того, чтобы преодолеть исторический провинциализм — неявное допущение о том, что настоящее является своего рода независимым творением.

Для того чтобы понять динамику изменений в современной социальной структуре, мы должны попытаться выделить долгосрочные тенденции развития и в их терминах ответить на вопрос: каков механизм тенденций, вызывающих изменения в социальной структуре? Задавая подобные вопросы, мы доведем рассмотрение трендов до кульминационной точки, которая связана с историческим переходом от одной эпохи к другой и с тем, что можно назвать структурой эпохи.

Обществовед хочет понять природу современной эпохи, найти контуры ее структуры и выделить ее главные движущие силы. Каждая эпоха, если ее верно определить, является «полем исследования», которое дает возможность раскрыть присущую ей механику исторического процесса. Роль властвующих элит, например, в историческом процессе изменяется в зависимости от степени централизации институциональных средств принятия и выполнения решений.

Концепция структуры и движущих сил «современной эпохи» также ее сущностных уникальных признаков является центральной, но часто непризнанной в общественных науках. Политологи изучают современное государство, экономисты — современный капитализм.

Социологи, особенно в своей полемике с марксизмом, ставят множество проблем в терминах «сущностных черт нового времени», а антропологи применяют свои познавательные способности к современному миру в исследованиях дописьменных обществ. Пожалуй, наиболее классические проблемы современных общественных наук в политологии и экономике не в меньшей степени, чем в социологии, связаны с исторической интерпретацией довольно частного процесса

- зарождения, формирования и состава городских промышленных обществ «Современного Запада», как правило, в противопоставлении с «Эрой феодализма».

В обществоведении известно множество общеупотребимых понятий для обозначения исторического перехода от сельской общины феодальных времен к современному городскому обществу: «статус» и «договор» Г. Мэна, «общность» и «общество» Ф. Тенниса, «статус» и «класс» М. Вебера, «три стадии» А. Сен-Симона, «военное» и «промышленное» общества Г. Спенсера, «циркуляция элит» В.

Парето, «первичные» и «вторичные группы» Ч. Кули, «механическая» и «органическая солидарность» Э. Дюркгейма, «народное» и «городское» Р. Редфилда, «священное» и «светское» Г. Беккера, «гарнизонное государство» и «торговое общество» Г. Лассуэлла, — все эти концепции, независимо от степени генерализации в употреблении, имеют конкретно-исторические корни. Даже тот, кто думает, будто он не касается истории, употребляя некоторые понятия исторических трендов, вносит в исследования и историчность, и даже трактовку определенного исторического периода.

Именно в контексте повышенного внимания к облику и движущим силам «современной эпохи», к природе присущих ей кризисов нужно понимать стандартную для обществоведа озабоченность «трендами».

Мы изучаем тренды, пытаемся заглянуть за события и осмыслить их.

В таких исследованиях часто делаются попытки сосредоточить свое внимание на каждом тренде, забегая немного вперед, и, что еще более важно, увидеть все тренды вместе, как движущиеся части целостной структуры исторической эпохи. Конечно, с интеллектуальной точки зрения гораздо легче (а с политической — более благоразумно) рассматривать тренды отдельно и одновременно, как будто они не связаны друг с другом, чем представить их все вместе. Для записного эмпирика, пишущего маленькие сбалансированные эссе о том и о сем, любая попытка «увидеть целое» часто представляется «крайним преувеличением».

Попытки «увидеть целое» безусловно таят много опасностей интеллектуального плана. То, что одному видится как целое, другому представляется лишь частью, и иногда, при отсутствии синоптического зрения, попытка увидеть целое приводит лишь к цокпхmnls описательству. Определение целого, конечно, может быть

пристрастным, но я не думаю, что это пристрастие сильнее, чем при выборе легко выделяемой при наблюдении детали безо всякого представления о целом, ибо такой выбор всегда будет двойственным. В исторически ориентированном исследовании мы, кроме того, часто склонны путать «предсказание» и «описание». Эти две операции не поддаются строгому разграничению и не являются единственными при рассмотрении трендов. Мы можем изучать тренды, пытаясь ответить на вопрос «куда мы идем?», и именно это обществоведы и пытаются делать. При этом мы пытаемся изучать историю, а не возвращаться в нее, отслеживать современные тренды, чтобы не впасть в «журналистику», и выверять будущее, не впадая в пророчество. Все это нелегко дается. Мы должны помнить, что имеем дело с историей, что она очень быстро изменяется и что существуют контртренды. И нам всегда приходится сочетать узость непосредственно переживаемого настоящего с обобщениями, необходимыми для раскрытия смысла конкретных трендов для эпохи в целом. Но, кроме того, обществовед пытается увидеть разные основные тренды вместе, то есть структурно, а не так, как они проявляются в отдельной сфере жизнедеятельности. Именно эта цель позволяет в исследовании трендов выходить на уровень понимания определенной исторической эпохи, что требует полного и искусного использования исторических материалов.

3.

Есть еще один довольно распространенный сегодня способ «обращения к истории», наделен скорее ритуальный, чем преследующий содержательные цели. Я имею в виду короткие и скучные скетчи «по истории», которыми часто предваряются исследования современного общества, а также ad hoc процедура, известную как «историческое объяснение». Такие «объяснения», опирающиеся на прошлое отдельной страны, редко бывают адекватными. По этому поводу необходимо отметить несколько моментов.

Во-первых, признаем: изучение истории нам необходимо, чтобы преодолеть ее. Здесь я подразумеваю следующее: то, что часто принимается за исторические объяснения, лучше рассматривать как часть того, что еще надлежит уяснить. Вместо того, чтобы «объяснить» какое-то явление как «пережиток прошлого», мы должны поставить вопрос, почему оно сохранилось. Обычно находят разные ответы в зависимости от фаз, через которые прошел изучаемый феномен, и для каждой фазы можно попытаться установить, какую роль играл этот феномен, как и почему он перешел в свою следующую фазу.

Во-вторых, в исследованиях современного общества, я думаю, очень важно прежде всего пытаться объяснить его признаки в терминах современных же функций. Это значит определить место этих признаков в целом и во взаимосвязи с другими признаками. Как только удастся их определить, четко вычленив, поточнее выделить их компоненты, можно переходить к рассмотрению более или менее однородного и тем не менее исторического промежутка времени.

В работах о личностных проблемах взрослых некоторые неопрейдисты

- пожалуй, наиболее заметно это проявляется у К. Хорни – пришли, кажется, к сходным методам. К генетическим и биографическим причинам обращаются только тогда, когда исчерпывающе изучены наличные черты и свойства характера. Понятно, что по поводу этой же темы идет классический спор между Функциональной и исторической школой в антропологии. Одной из причин спора, по моему мнению, является то, что исторические «объяснения» часто превращаются в консервативную идеологию: Институты в течение долгого времени, и поэтому не следует торопиться изменять их. Другая причина состоит в том, что историческое сознание довольно часто становится источником радикальной идеологии: институты по своей сути эфемерны, соответственно, конкретные институты не вечны и не «естественны» для человека, они тоже изменяются. Обе эти точки зрения часто опираются на особый род исторического детерминизма или даже исторической неизбежности, которые легко ведут к пассивной позиции и ошибочному пониманию роли человека в историческом процессе. Я не хочу заглушать в себе историческое чутье, ради обретения которого я упорно

работал, но я также не хочу основываться в своих объяснениях на консервативном или радикальном употреблении понятия «историческая судьба». Я не принимаю «судьбу» как универсальную историческую категорию, о чем собираюсь поговорить позже.

Итог моих рассуждений довольно противоречив, но если он верен, то это будет иметь большое значение. Я полагаю, что исторические периоды и общества различаются по тому, нужно ли для их понимания непосредственно обращаться к «историческим факторам» или нет. Историческая природа данного конкретного общества в данный период времени может быть такова, что «историческое прошлое» имеет лишь косвенное значение для его понимания.

Совершенно ясно, что для того, чтобы понять медленно изменяющееся общество, застрявшее на века в замкнутом круге бедности, традиций, страданий и невежества, необходимо изучать его историческое прошлое и устойчивые исторические механизмы, приводящие к ужасающей зависимости от собственной истории. Объяснение механизмов полного цикла, а также тех, которые действуют на каждой его фазе, требует очень глубокого исторического анализа.

Но, например, Соединенные Штаты или государства Северной Европы и Австралия в настоящее время не застряли в железном цикле истории. Этот цикл не держит их мертвой хваткой, подобно миру пустыни у Ибн Хальдуна¹. Всякая попытка понять динамично развивающиеся страны в связи с их прошлым, как мне кажется, см.: Mahdi M. Ibn Khaldun's philosophy of history. London: George Allen and Unwin, 1957; Historical Essays. : Macmillan, 1957. В этих публикациях содержатся исключительно глубокие комментарии, подготовленные Х. Р. Тревором-Роупером.

Заканчивается неудачей, фактически оборачиваясь трансисторической бессмыслицей.

Короче говоря, релевантность истории сама подчинена принципу исторической определенности. Конечно, о любом явлении ложно сказать, что оно «вышло из прошлого», но смысл этой фразы как раз и является проблематичным. В мире иногда происходят совершенно новые события, в некотором смысле история и повторяется, и не повторяется. Это зависит от того, историю какой социальной структуры и какой эпохи мы изучаем¹.

¹ Хочу сослаться на подтверждающее данный тезис рассуждение из превосходного описания исторических типов Уолтером Галенсоном: «Предельный доход от обработки старых земель остается небольшим... при отсутствии... необходимых новых материалов...»

Но это не является единственным оправданием, чтобы сосредоточиваться на более поздних событиях. Современное рабочее движение отличается от рабочего

движения тридцатилетней давности не только количественно, но и качественно. До тридцатых годов оно было по своему характеру замкнутым на себя, его решения не имели большого влияния на экономику, и оно больше было занято своими узкими внутренними проблемами, чем проблемами национальной политики». (Galenson W. Reflections on the writing of labor history // Industrial and Labor Relations Review. .

1957). В антропологии спор между «функциональным» и «историческим» объяснениями имеет давнюю историю. Антропологам чаще при водилось быть функционалистами, так как им негде было брать исторические материалы по исследуемым «культурам». Они действительно Должны стараться объяснять настоящее из настоящего, находя объяснения в значимых переплетениях различных характеристик современного им общества. Недавнее обсуждение этого вопроса см. в кн.: Gell-ner E. Time and theory in social anthropology // Mind.

April. 1958.

То, что этот социологический принцип можно применить сегодня к Соединенным Штатам, что наше общество, возможно, переживает такой период, для которого историческое объяснение менее существенно, чем для других обществ и других исторических эпох, по моему мнению, имеет далеко идущие последствия и может помочь нам понять некоторые важные характеристики американской общественной науки в целом. Во-первых, мы поймем причину того, что многие обществоведы, изучающие только современные западные общества, или даже еще уже, только Соединенные Штаты, считают историю малополезной для своей работы. Во-вторых, становится ясно, почему некоторые историки начинают говорить, и, по-моему, все чаще, о «Научной истории» и пытаются использовать в работе крайне формальные, даже откровенно антиисторические методы. В-третьих, мы объясним то, что историки другой категории довольно часто дают понять, особенно в воскресных приложениях, что история на самом деле чепуха, что историки занимаются производством мифов о прошлом для достижения сиюминутных идеологических целей, как либеральных так и консервативных.

Прошлое Соединенных Штатов и в самом деле является прекрасным источником для счастливых образов, и, если мое мнение о бесполезности большей части истории для понимания современности верно, то сам этот факт еще больше облегчает идеологическое использование истории.

Значение исторического исследования для задач и перспектив общественной науки, конечно, не сводится к «историческому объяснению» одного «американского типа» социальной структуры. Более того, само представление об исключительной важности исторического объяснения является идеей, которая должна обсуждаться и проверяться на соответствующих данных. Даже рассматривая один тип современного общества, отрицая роль исторического материала можно зайти слишком далеко. Только на основе сравнительных исследований мы можем убедиться в том, что отсутствие определенных исторических фаз у общества оказывается зачастую совершенно необходимым для понимания его современного состояния.

Отсутствие эпохи феодализма является неотъемлемым условием формирования многих черт американского общества, в том числе таких, как характер элиты и исключительная подвижность ее состава, которую часто смешивают с отсутствием классовой структуры и «отсутствием классового самосознания». Обществоведы могут попытаться отказаться, а фактически многие и отказываются, от истории посредством чрезмерной формализации «Концепта» и мифотворчества. Но для этого им необходимо принять такие базовые допущения о природе истории и общества, которые не являются ни плодотворными, ни истинными. Такой отход от истории в лучшем случае позволит понять самые новейшие черты этого одного общества, являющегося одной из исторических

структур, надеяться на понимание которой мы не можем, если не будем руководствоваться социологическим принципом конкретно-исторической определенности.

4.

Самыми интригующими сегодня во многих отношениях являются проблемы социальной и исторической психологии. Именно в этой области происходит поразительное слияние главных традиционных интеллектуальных направлений нашего времени, точнее, формирование западной цивилизации. Именно в области психологии «природа человеческой натуры» и унаследованный от Просвещения образ человека подверглись сомнению в связи с появлением тоталитарных режимов, этнографическим релятивизмом, открытием большого потенциала иррационального в человеке и самой быстротой происходящей прямо на глазах исторической трансформации людей.

Мы уже видели, что биографии мужчин и женщин, разнообразные индивидуальные типы, к которым они принадлежат, нельзя понять без связи с социальными структурами, организующими их повседневную жизнь. Исторические трансформации влияют не только на образ жизни индивида, но и на сам характер, на пределы и возможности человеческого существа. Как субъект истории ди намичное национальное государство, кроме того, представляет со бой такое образование, внутри которого происходит отбор и фор мирование всего разнообразия мужчин и женщин, свободных и угнетенных. Национальное государство является также образова нием, производящим людей. В этом заключается причина того, почему борьба между странами и военно-политическими блоками является еще и борьбой за тот тип личности, который будет преоб ладать на Ближнем Востоке, в Индии, Китае, Соединенных Штатах.

Вот почему сегодня культура и политика так тесно связаны между собой. И именно поэтому существует столь настоятельная необходимость в социологическом воображении. Ибо мы не можем адекватно понять «человека» как изолированное биологическое су щество, как сплетение рефлексов и набор инстинктов, как «объект познания» или как систему. Независимо от того, каким может быть человек, он является социально-историческим актором, которого, если и должно постигать, то только в тесном и непосредственном взаимодействии с социальными и историческими структурами.

Конечно, можно бесконечно долго говорить об отношениях между психологией и общественными науками. Большая часть рассуждений представляет собой формальную попытку интегрировать различные идеи о «личности» и «группе». Без всякого сомнения, все они так или иначе кому-то полезны; к счастью, в нашей попытке сформулировать предметную область общественной науки их затрагивать не нужно. Однако психологи могут определить для себя сферу исследований, а экономисты, социологи, политологи, антропологи и историки в своих исследованиях человеческого об щества должны исходить из предварительных допущений о «чело веческой природе». Эти допущения в настоящее время попадают в область социальной психологии.

Интерес к этой области растет, потому что психология, как и история, является настолько фундаментальной для общественно- научных исследований, что, поскольку психологи не обращаются к этим проблемам, обществоведы сами становятся «психологами».

Экономисты, наиболее «формализованные» из обществоведов, сообразили, что традиционный «экономический человек», расчетливый гедонист, больше не может служить психологическим основанием для адекватного изучения ими экономических институтов. В антропологии в последнее время появился интерес к «личности и культуре», для социологии, как и для психологии, «социальная психология» стала новым полем для исследований.

В ответ на эти интеллектуальные течения некоторые психологи ряд различных работ в области «социальной психологии», другие самыми разными способами попытались дать новое определение границ психологии с тем, чтобы оградить себя от изучения факторов, имеющих явную социальную природу, а третьи ограничили свою деятельность физиологией человека. Я не хочу сейчас анализировать все академические специализации внутри сильно раздробленной в настоящее время психологии и, тем более, судить о них критически.

Существует один стиль психологических размышлений, который академическими психологами открыто не используется, но тем не менее оказывает на них влияние, также, впрочем, как и на нашу интеллектуальную жизнь в целом. В психоанализе, особенно в работах самого Фрейда, проблема человеческой природы ставится предельно широко. Если подвести итог, то становится ясно, что на протяжении последнего поколения менее ортодоксальные психоаналитики и их последователи сделали два шага вперед.

Во-первых, они преодолели рамки физиологии индивидуального организма и стали изучать те малые семейные группы, в которых и происходят жуткие мелодрамы. Можно сказать, что Фрейд подошел к анализу индивида внутри родительской семьи с неожиданной, медицинской точки зрения. Конечно «влияние» семьи на человека было замечено давно. Новым оказалось то, что, как социальный институт, семья, в соответствии с воззрениями Фрейда, оказалась ответственной за характер и жизненную судьбу человека.

Во-вторых, социальный элемент в объективе психоанализа был существенно расширен особенно в результате включения, так ска зать, социологической проработки суперэго. В Америке к психо аналитической традиции присоединилась другая, имеющая совершенно иное происхождение и получившая развитие в социальном бихевиоризме Дж.Г.Мида. Но затем в исследованиях наступила полоса ограниченности и нерешительности. Непосредственный фон «межличностных отношений» сейчас изучен хорошо, но более широкий контекст, в котором размещаются сами эти отношения, а следовательно, и сам индивид, не просматриваются. Конечно, есть исключения, например Эрих Фромм, который прослеживал связь между экономическими и религиозными институтами и определял их воздействие на людей разных типов. Одной из причин общей нерешительности этого направления является ограниченность со циальной роли психоаналитика. Его деятельность и научные пер спективы исследований в силу профессии ограничены отдельным пациентом, и специфическими условиями своей практики. К не счастью, психоанализ до сих пор еще не завоевал себе прочного места в академической науке¹.

¹ Другой важной причиной склонности возвеличивать «межличностные отношения» является всеохватность и ограниченность слова «куль- тура», в терминах которой распознается и формулируется социальное в психологических глубинах человека. В противоположность социальной структуре, понятие «культура» является одним из самых расплывчатых по своему значению в общественных науках, хотя, возможно, благодаря этому оказывается чрезвычайно полезным для экспертов. На Практике понятие «культура» употребляют для общего соотнесения с Повседневной жизнедеятельностью вместе с «традицией», а не как синоним «социальной структуры».

Следующим шагом психоаналитических исследований стало распространение на другие институциональные сферы метода, с помощью которого Фрейд начал свой превосходный анализ отдельных типичных институтов родства. Нужна была идея социальной композиции институциональных порядков, каждый из которых предстояло подвергнуть такому же психологическому исследованию, какое Фрейд предпринял по отношению к институтам родства. В психиатрии, непосредственно занимающейся терапией «межличностных» отношений, уже начали ставить под сомнение фундаментальную идею о возможности отыскать истоки норм и ценностей в потребностях, якобы присущих индивиду *per se*. Но поскольку без соотнесения с социальной реальностью нельзя понять саму природу индивида, мы и должны исходить в нашем анализе из такого сопоставления. Изучение индивида включает не только его положение, как биографической единицы, внутри различных сфер жизнедеятельности на уровне межличностного взаимодействия, но и размещение самих этих сфер внутри той социальной структуры, которую они формируют.

На основе развития психоанализа, как и социальной психологии в целом, теперь можно кратко обрисовать психологические проблемы общественных наук. Здесь я коротко перечислю только те пункты, которые считаю наиболее плодотворными или, как минимум, приемлемыми для работы обществоведа¹.

1 Подробное обсуждение высказываемого здесь взгляда см. в кн.- Gerlth H., Mills Ch. *Character and social structure*. New York: Harcourt-Brace, 1953.

Жизнь индивида нельзя адекватно понять без учета особенностей тех институтов, внутри которых протекает его биография, поскольку именно она фиксирует точки принятия роли, изменения и выхода из нее, а также непосредственный процесс перехода от одной роли к другой. Ребенок воспитывается в такой-то семье, играет с детьми определенного круга, становится студентом, рабочим, мастером, генералом, матерью. Большая часть человеческой жизни состоит из подобных ролей внутри специфических институтов.

Чтобы понять биографию индивида, мы должны понять значение и смысл тех ролей, которые он играл и играет до сих пор. Чтобы понять эти роли, мы должны понять те институты, куда эти роли входят.

Но взгляд на человека как на продукт общества позволяет увидеть за внешними биографическими событиями нечто большее, чем последовательность социальных ролей. Для этого нам необходимо проникнуть в самые глубинные, «психологические» свойства человека, в частности, в его представление о себе, его сознание и, фактически, в становление человеческой личности. Если психология и социальные науки откроют механизмы, посредством которых общество задает и даже внедряет образцы самых сокровенных свойств личности, это будет самым выдающимся открытием последних десятилетий. Все проявления эндокринной и нервной системы, эмоции страха, ненависти, любви, гнева в самых разнообразных формах должны быть поняты в тесной и непрерывной связи с социальной биографией и социальным контекстом, в которых эти эмоции переживаются и выражаются. Физиология органов чувств, наше восприятие физического мира: цвета, которые мы различаем, запахи, которые мы чувствуем, звуки, которые слышим, — все они социально сформированы и предписаны. Различные мотивы действий людей и даже сугубо индивидуальную способность осознавать их необходимо понимать в контексте преобладающих в данном обществе мотивационных словарей и в зависимости от происходящих социальных изменений, а также от взаимопроникновения этих словарей.

Биографию и характер индивида нельзя целиком объяснить условиями жизни и тем более влиянием социального окружения в прошлом, в младенчестве и детстве. Для адекватного понимания необходимо взаимодействие непосредственного окружения с более широкой структурой, учесть трансформации этой структуры и ее влияние на непосредственные жизненные условия. Поняв социальную структуру и структурные изменения, их влияние на жизненные ситуации и переживания индивида, мы сможем понять причины поведения людей и тех настроений, которые они переживают в повседневной жизни, остающиеся необъяснимыми. Для них в терминах непосредственного социального окружения. Концепцию конкретно- исторического типа личности нельзя проверить, основываясь лишь на том, что представители типа находят ее

приятной в соответствии со своим Я-образом. Поскольку ограничены условиями своего существования, они не ожидают, да и не могут ожидать, что будут знать все причины своих сложившихся жизненных условий и границ своего личностного мира. Крайне редко целые категории людей адекватно оценивали свое положение в обществе. Убеждать себя в обратном, что обществоведы часто делали под влиянием используемых методов, значит допустить такую степень рационального самосознания и самопознания, которую не допускали даже психологи восемнадцатого столетия. Данное Максом Вебером описание «протестанта», его мотивов и влияния, которое протестанты оказали на религиозные и экономические институты, позволяет нам лучше понимать этих людей, чем они сами себя понимали. Введение структурного контекста позволило Веберу выйти за пределы осознания индивидом себя и своих жизненных условий.

Важность самых ранних переживаний, сам по себе «вес» детства в психологии характера взрослого человека зависит от типа детства и типа социальной биографии, преобладающими в различных обществах. Сейчас, например, очевидно, что роль отца в формировании личности должна устанавливаться в рамках конкретных типов семьи и в терминах того места, которое эта семья занимает в социальной структуре общества, частью которого эта семья является.

Описывая представления индивидов определенных категорий, факты их жизни и их реакции на жизненные условия, нельзя получить представление о социальной структуре, в которую он вписан.

Попытки найти объяснение социальных и исторических событий в психологии «индивида» часто основываются на допущении, что общество является лишь скоплением разрозненных индивидов, а потому, если мы познаем все «атомы», то сможем суммировать всю информацию и таким образом познать общество. Это допущение ни к чему не ведет. На самом деле в отрыве от общества, из психологического исследования, мы не можем узнать даже самого элементарного об «индивиде». Только в построении абстрактных моделей, которые, разумеется, могут быть полезны, экономист может постулировать «человека экономического», а специализирующийся на семейной жизни психиатр (а практически все психиатры являются специалистами в этой области) постулировать классического «человека с эдиповым комплексом». Ибо точно также, как структурные отношения при выполнении экономических и политических ролей часто являются решающими для понимания экономического поведения индивида, огромные изменения в роли отца, произошедшие со времен викторианской эпохи, надо учитывать для понимания ролей внутри семьи и положения семьи как института в современном обществе.

Принцип исторической конкретности применим также к психологии, как и к общественным наукам. Даже самые сокровенные особенности внутренней жизни человека лучше всего проблематизируются в конкретно-историческом контексте.

Чтобы осознать обоснованность этого допущения, нужно лишь на мгновение задуматься о том огромном разнообразии мужчин и женщин, которое являла нам weknbeweqj` история. Психологам, как и обществоведам, следует хорошенько подумать, прежде чем высказывать какую-либо фразу, подлежащим в которой является «человек».

Человеческое разнообразие таково, что никакая «элементарная» психология, никакая теория «инстинктов», никакие известные нам принципы «сущности человеческой природы» не могут охватить все громадное разнообразие человеческих типов и индивидов. Любое утверждение о человеке, не учитывающее социально-исторических реалий жизни людей, будет относиться к биологическим представлениям о возможностях человеческого вида. Но в рамках определенных пределов и в реализации этих возможностей перед нами предстает широчайшая панорама человеческих типов. Попытка втиснуть человеческую историю в каркас теоретических «концептов» о «сущности человеческой природы» столь же бесплодна, сколь и попытки сконструировать ее из точнейших, но несущественных трюизмов по поводу поведения мышки в лабиринте.

Ж. Барзун и Г. Графф отмечали: «Заглавие знаменитой книги Доктора Кинси «Сексуальное поведение самца» являет собой пора зительный пример скрытого, в данном случае ложного, допущения, так как в книге говорится не о самцах, а о мужчинах, проживавших в Соединенных Штатах в середине двадцатого века... Само представление о человеческой природе относится к числу неявных Допущений социальной науки и утверждать, что она составляет содержание научных отчетов, значит затрагивать этот фундаментальный вопрос. Не может быть ничего кроме «человеческой культуры», в высшей степени изменчивой»¹.

1 Barzun J., Graff H. The modern researcher. New York: Harcourt, Brace, 1957. P. 222-223.

Представление о «человеческой природе», общей для человека как такового, является нарушением принципа конкретно-исторической определенности, который необходим для тщательной и следовательской работы в области изучения человека. В самом крайнем случае, это абстракция, на которую обществоведы не имеют права. Конечно, нам следует иногда помнить, что на самом деле мы очень немного знаем о человеке, что все, что мы знаем, не полностью очищено от элементов таинственности, которой окружено разнообразие событий в истории общества и в биографиях людей.

Иногда нам хочется погрузиться в эту тайну, почувствовать, что мы все-таки являемся ее частью, и, наверно, это правильно. Но, будучи людьми западной цивилизации, мы исследуем человеческое многообразие, то есть стремимся удалить из нашего поля зрения все таинственное. При этом не надо забывать, что мы как исследователи весьма мало знаем о человеке, истории, биографиях людей и об обществах, в которых мы в одно и то же время и твари, и творцы.

9. Разум и свобода

Кульминация в отношениях обществоведа с историей наступает тогда, когда он приходит к пониманию эпохи, в которой живет. В отношениях с биографией кульминация наступает с осознанием сущности природы человека и ее границ, внутри которых возможна трансформация человека в ходе истории.

Все классики общественной мысли обращались в своих трудах к самым отличительным характеристикам своего времени, поднимали вопрос о современных им путях формирования истории, обращались к «характеру человеческой природы» и к изучению преобладающих в конкретную эпоху типов личности. Маркс, Зомбарт и Вебер, Конт и Спенсер, Дюркгейм и Веблен, Маннгейм, Шумпетер и Михельс — каждый по-своему рассматривал эти проблемы. Однако в наше время многие обществоведы этого не делают, несмотря на то, что именно сейчас, во второй половине XX века, изучение подобных вопросов и на общественном, и на личностном уровне стало безотлагательным, жизненно необходимым для выработки культурных ориентиров нашего обществоведения.

1.

Сегодня люди хотят осознать свое место в мире; они хотят знать, что их ожидает, что они могут, если вообще могут, сделать для истории и какую ответственность несут перед будущим. На подобные вопросы нельзя ответить раз и навсегда. Каждая эпоха дает свои ответы. Но именно сейчас, и именно Мы испытываем затруднение. Мы переживаем конец исторической эпохи, а потому нам приходится искать ответы собственными усилиями.

Мы переживаем конец так называемой современности. Подобно тому, как вслед за античностью на несколько веков установилось Доминирование восточной культуры, которое европейцы по простоте своей называют «Темными веками», так и сейчас современность сменяется эпохой постмодерна. Ее можно даже назвать «Четвертой эпохой».

Установление границы между окончанием одной и началом другой эпохи — это, разумеется, вопрос определения. Но определения, как и всякий продукт общества, имеют конкретно-исторический характер. А как раз сейчас наши базовые определения общества и личности сталкиваются с новыми реалиями. Мало сказать, что никогда еще в течение одного поколения люди не переживали столь головокружительных социальных изменений. Мало сказать, что, ощущая на себе смену эпох, мы изо всех сил стараемся разглядеть очертания новой эпохи, в которую, как нам кажется мы вступаем.

Говоря о смене эпох, я хочу сказать, что, когда мы по-настоящему пытаемся сориентироваться, то обнаруживаем, что многие ожидания и представления, в

конечном счете, имеют историческую привязку.

Слишком часто многие привычные чувства и категории мышления дезориентируют нас при попытке объяснить то, что происходит вокруг. Свои объяснения, касающиеся смены эпох, мы обычно выводим из имеющих громадное историческое значение событий, например, из перехода от средневековья к Новому времени. Но когда мы пытаемся распространить эти объяснения на современную ситуацию, они оказываются громоздкими, неуместными и неубедительными. Еще я хочу сказать, что главные наши ориентиры

- либерализм и социализм, — фактически исчерпали свои возможности давать адекватные объяснения окружающего мира и нас самих.

Обе эти идеологии вышли из эпохи Просвещения и имеют много общих исходных посылок и ценностей. В обеих возрастание рациональности считается первейшим условием распространения свободы. Вера в освободительную силу прогресса на основе разума, значение науки как безусловного блага, требование общедоступного образования и признание его политического значения для демократии — все эти идеи Просвещения основываются на оптимистическом предположении о внутренней связи между разумом и свободой. Мыслители, оказавшие наибольшее влияние на наш образ мышления, исходили из этих предположений. Каждая мысль и каждая подробность в наследии Фрейда основываются на них. Ведь, чтобы быть свободным, индивид должен более рационально осознавать себя, и назначение терапии — дать его разуму шанс мыслить свободно на протяжении всей жизни.

На том же самом предположении основана и главная линия марксизма: люди, охваченные иррациональной анархией производства, должны оценить свое положение в обществе, обрести «классовое самосознание», которое в марксовом представлении не менее рационалистично, чем любое понятие Бентама.

Либерализм превыше всего ставил фактическую свободу и разумность индивида, марксизм превозносил роль человека в политическом сотворении истории. Либералы и левые радикалы Нового времени в целом верили в то, что свободный человек может сознательно творить историю и свою собственную биографию.

Но, я полагаю, то, что в последнее время происходит в мире, дает наглядное представление, почему идеи свободы и разума зачастую воспринимаются столь неоднозначно как в современных капиталистических, так и в коммунистических обществах. Марксизм часто превращается в мрачную риторику самозащиты и злоупотреблений бюрократии, а либерализм — в пошлое и никчемное затушевывание социальной реальности. Думаю, что ни либеральная, ни марксистская интерпретация политики и культуры не могут дать верного понимания главных тенденций развития нашего времени. Эти направления

общественной мысли возникли, чтобы побудить исследовать такие типы обществ, которые более не существуют.

Джон Стюарт Милль исследовал не те представления о политической экономии, которые сейчас возникают в капиталистическом мире.

Карл Маркс не анализировал общества, которые складываются сейчас в странах коммунистического блока. И никто из них никогда не задумывался над проблемами так называемых неразвитых стран, где сегодня семеро из десяти рождающихся борются за выживание.

Сейчас мы сталкиваемся с новыми типами социальной структуры, которые, если придерживаться идеалов Нового времени, не поддаются анализу в унаследованных нами терминах либерализма и социализма.

Идеологическим признаком «Четвертой эпохи», который отделяет ее от Нового времени, является то, что вопрос об отношении разума и свободы стал дискуссионным, поскольку появилось подозрение, что с возрастанием рациональности возвышение свободы необязательно.

2.

Идея о роли разума в делах человеческих и о свободной личности как вместилище разума являются самыми важными идеями, унаследованными обществоведами XX века от философов Просвещения.

Если идеалам разума и свободы суждено оставаться ключевыми ценностями при фиксации проблем личности и общества, то их самих следует возвести в ранг проблем. Требуется их переформулировать в более четкие операциональные термины по сравнению с понятиями, развивавшимися предшествующими мыслителями и исследователями. Ибо в настоящее время ценности разума и свободы находятся в большой опасности.

Доминирующие тенденции хорошо известны. Наблюдается рост крупных рационально организованных бюрократий, тогда как возможности индивидуального разума по сути остаются прежними. Ограниченные условиями повседневной жизни простые люди зачастую не могут осмыслить как рациональные, так и иррациональные, крупномасштабные структуры, в которых они занимают подчиненное место. Поэтому часто кажется, что они последовательно совершают рациональные действия, не имея ни малейшего представления об их истинных последствиях. В связи с этим растет предположение, что те, кто находится на вершине власти, подобно толстовским генералам, лишь делают вид, что имеют такое представление. С ростом бюрократических организаций по мере дальнейшего разделения труда появляются все новые и новые сферы жизни, досуга и труда, где рациональное мышление затруднено или вообще невозможно. К примеру, солдат «аккуратно выполняет целый ряд рациональных действий, не имея никакого понятия о конечной цели этих действий» и о функции каждого акта внутри целого действия¹.

1 См.: Mannheim C. Man and society. New York: Harcourt, Brace, . P. 54.

Даже люди с высочайшим уровнем развития интеллекта в области техники выполняли порученную им работу, не подозревая, что ее результатом окажется первая атомная бомба.

Наука, оказывается, не является вторым — технологическим - пришествием. То, что научным методам и научной рациональности отводится в обществе центральное место, вовсе не означает, что жизнь людей устроена разумно, без мифов, обмана и суеверий.

Всеобщее образование приводит, скорее, к технологическому идиотизму и националистической ограниченности, чем к информированному и независимому мышлению. Массовое распространение исторических знаний вместо того, чтобы поднять уровень восприимчивости к культуре, может лишь опошлить ее и стать серьезным препятствием на пути творческой инновации. Высокий уровень бюрократической рациональности и технологии вовсе не означает высокого уровня развития мышления у индивидов и общества. Одно автоматически не следует из другого, поскольку социальная, технологическая и бюрократическая рациональность есть не просто сумма индивидуальных волей и способностей мыслить. Бюрократическая рациональность, судя по всему, фактически ограничивает саму возможность индивида обрести волю и способность к самостоятельному мышлению. Рационально организованные общественные установления не обязательно служат средством увеличения свободы как для личности, так и для общества. На самом деле эти установления зачастую являются средством тирании и манипуляции, средством, с помощью которого людей лишают самой возможности мыслить и способности действовать свободно.

Только занимая некоторые командные или же, в зависимости от конкретного случая, просто выгодные для наблюдения позиции в рациональной структуре, можно понять механику структурных сил, которые, воздействуя на непосредственные условия жизни, доступны для осознания простыми людьми.

Источник сил, формирующих эти условия, находится за пределами повседневного обихода, и люди не могут их контролировать. Более того, сами формы повседневной жизни все больше рационализируются. Семья подобно фабрике, досуг подобно работе, взаимоотношения с соседями подобно межгосударственным отношениям, — все стремятся стать частью функционально рациональной целостности. В противном случае все выходит из-под контроля или оказывается игрушкой в руках иррациональных сил.

Распространение рационализации общества, углубление противоречий между рациональностью и разумом, разрушение некогда предполагаемого совпадения разума и свободы, — все эти тенденции выводят на историческую сцену «рационального», но лишённого разума человека, который чем глубже себя рационализует, тем сильнее ощущает тревогу. В этом ключе и нужно ставить

сейчас проблему свободы, несмотря на то что упомянутые тенденции и подозрения редко проблематизируются, и еще реже широко осознаются как коренные вопросы, волнующие общество, и воспринимаются как личные трудности. Фактически, острота проблем разума и свободы в настоящий момент заключается в их непризнанности и несформулированности.

3.

С точки зрения индивида большинство окружающих его событий являются результатом манипулирования, расчета, случайного стечения обстоятельств. На ком или на чем лежит ответственность за события, зачастую неизвестно, а властям обычно не нужна известность. Это еще одна причина, почему простые люди, испытывая личные трудности или ощущая свою готовность встать на защиту интересов общества, не могут найти правильную мишень для своих мыслей и действий, ибо не в состоянии определить, кто именно несет угрозу ценностям, которые они неуверенно принимают за свои.

Находясь под господствующим воздействием рационализации, индивид делает все, что в его силах. Он применяет свои помыслы и свой труд в сложившейся ситуации, из которой не ищет выхода, да и не мог бы его найти, тем более, что человек просто приспосабливается к обстоятельствам. Ту часть своей жизни, которая остается после работы, он тратит на игры, на потребление, на «удовольствия». Хотя сфера потребления также подвергается рационализации. Отчужденный от производства и от труда, индивид оказывается еще отчужден и от потребления, и от настоящего досуга.

Этот факт приспособления человека и его влияние на условия жизни и саму личность ведут к утрате возможности, а вместе с ней способности и желания не только мыслить, но и действовать как свободная личность. Однако ему, по видимому, незнакомы ценность ни разума, ни свободы.

Такое приспособление необязательно ведет к утрате интеллекта, даже если жить, работать и отдыхать в подобных условиях достаточно долго. Карл Маннгейм подробно обрисовал это положение, говоря о «саморационализации», под которой понимает процесс, в ходе которого личность, включенная в ограниченные сегменты крупной рациональной организации, начинает систематически регулировать свои влечения и стремления, образ жизни и мышления, жестко придерживаясь «правил и предписаний организации». Рациональная организация, таким образом — структура отчуждающая, поскольку принципы, которыми следует руководствоваться в поведении, мышлении и даже в выражении эмоций, исходят не от сознательного индивида эпохи Реформации и не от независимого разума картезианского человека. На самом деле руководящие принципы чужды и прямо противоречат всему тому, что исторически понимается под индивидуальностью. Не будет преувеличением сказать, что с развитием рациональности и перемещением локуса контроля от индивида в крупномасштабную организацию, возможность разумной жизни окажется недоступной большинству людей. Воцарится рациональность без разума. Такая рациональность ведет не к свободе, а разрушает ее.

Не удивительно, что идеал индивидуальности начал подвергаться сомнению,

поскольку именно в наше время в центре внимания оказалась сама природа человека и наши представления о пределах человеческих возможностей. В сотворении истории еще не исчерпаны пределы и смысл человеческой природы. И мы не знаем, насколько глубокой может быть трансформация психологии человека при переходе от Нового времени к новейшей современной эпохе. Но сейчас мы должны поставить вопрос: возможно ли среди живущих ныне людей преобладание, или, по крайней мере, массовое появление так называемых «жизнерадостных роботов».

Мы, конечно, знаем, что человека можно превратить в робота при помощи химических и психиатрических средств, путем постоянного принуждения и контроля над окружающей средой. Человек может превратиться в робота вследствие случайных воздействий и под влиянием цепи непредвиденных обстоятельств. Но можно ли заставить человека быть жизнерадостной и полной желаний машиной? Может ли он быть счастливым в подобных условиях и каковы характерные свойства и смысл подобного счастья? Нельзя больше Допускать в качестве аксиомы о человеческой природе, что глубоко чайшей человеческой сущности свойственны стремление к свободе и воля к разуму. Напрашивается вопрос, что в человеческой природе, в сегодняшних условиях жизни человека, в социальной структуре каждого конкретного общества способствует появлению жизнерадостных роботов. И как можно этому противостоять? Появление отчужденного человека и связанная с ним проблематика влияет сейчас на всю серьезную интеллектуальную жизнь и является причиной ее кризиса. Отчуждение — главная проблема человеческого существования современной эпохи и всех достойных науки исследований. Я не знаю других понятий, тем и проблем, которые были так глубоко разработаны в классической традиции, но находятся сегодня в столь глубоком загоне.

Эту проблему Карл Маркс блестяще раскрыл в своих ранних „работах об «отчуждении», Георг Зиммель сделал ее главным предметом в недавно ставшей известной работе «Метрополия». Грэм Уоллес касался ее в работе о «Большом обществе», она просматривается в фроммовской концепции «автомата». Опасение, что подобный тип людей станет преобладающим, прослеживается во многих работах, в которых авторы по-новому используют такие классические социологические понятия, как «статус» и «договор», «общество» и «сообщество». Это опасение присутствует в понятиях «управляемого индивида» Рисмена и «социальной этики» Уайта. И, конечно, наиболее широко известен, если так можно выразиться, триумф отчужденного человека, который стал главной идеей книги Джорджа Оруэлла «1984 год».

Позитивная сторона широко трактуемых понятий «Id « Фрейда, «свободы» Маркса, «#» Джорджа Мида, «спонтанности» К. Хорни заключена в их противопоставлении триумфальному шествию отчужденного человека. Эти

авторы пытались найти своего рода точку опоры в самом человеке, которая позволила бы им поверить, что человека в конечном счете нельзя сделать и он не может стать отчужденным созданием, отчужденным от природы, от общества и от себя самого. Стенания по «общинности», я полагаю, являются тщетной попыткой упрочить условия, которые бы исключили вероятность существования такого человека, и многие гуманистические мыслители, придя к убеждению, что психиатры своей практикой порождают отчужденных, рационализирующих себя людей, отвергают такую деятельность, облегчающую адаптацию. За отвержением, а в еще большей степени это относится к уходящим в традицию современным заботам и размышлениям серьезных исследователей человека, стоит простой и убедительный факт, что отчужденный человек является противоположностью западному представлению о свободе. Общество, в котором этот человек, «жизнерадостный робот», благоденствует, является антитезой свободному, то есть в прямом, буквальном смысле, демократическому обществу. Приход подобного человека указывает на то, что свобода стала проблемой для личности и для общества, а также, будем надеяться, и проблемой для обществоведов. Если сформулировать ее как личностную проблему, то есть в терминах тех ценностей, по поводу которых индивид чувствует смутную тревогу, это будет проблема «отчуждения». В качестве общественной проблемы отчуждение выражено в словах и ценностях, безразличных публике, это — по меньшей мере проблема демократического общества как факта и как идеала.

Именно потому, что на общественном и на личностном уровне эта проблема не получает широкого признания, сопутствующие ей тревога и безразличие оказывают глубокое и значимое воздействие на людей. В этом на сегодняшний день заключается важнейшая, с точки зрения политического контекста, составляющая проблемы свободы, и в этом же заключается интеллектуальный вызов современным обществоведам по поводу формулирования проблемы свободы.

Будет не просто парадоксом сказать, что за отсутствием личных переживаний, за тревожными ощущениями болезненности и отчуждения скрываются ценности разума и свободы. Точно так же основная угроза разуму и свободе исходит, скорее всего, от игнорирования явных проблем, от апатии, нежели от какой-то четко определенной опасности.

Проблемы личности и общества не проясняются, потому что для их решения человеку необходимы свобода и разум, которые как раз и находятся под угрозой исчезновения или вырождения. Эти проблемы ни как личностные, ни как общественные не обсуждаются в современных работах, тогда как классическая общественная наука предусматривает их постановку.

4.

В результате кризиса ценностей разума и свободы, возникли Проблемы личности и общества, которым нельзя дать единую «для всех времен и народов» формулировку. Но также не следует разбирать, и тем более решать их, разбивая каждую из них на ряд микроскопических, мелкомасштабных вопросов или отыскивая причины трудностей, испытываемых индивидами в их непосредственном социальном окружении. Это — структурные проблемы, и для их постановки необходимо работать в классической традиции со вмещения биографии и исторической эпохи. Только так можно проследить влияющую на рассматриваемые ценности связь между структурой и непосредственными условиями жизни и проанализировать их причины. Задача в том, чтобы определить и заново поставить такие проблемы, как кризис индивидуальности и роль человечества в истории, роль разума в жизни свободного индивида и в выборе направления исторического процесса.

Моральные и интеллектуальные обязательства обществоведения заключаются в том, чтобы ценностями разума и свободы по-прежнему дорожили и при формулировании проблем с ними обращались серьезно, последовательно и творчески. Но есть еще и политические обязательства перед тем, что неточно называют «западной культурой». Политические кризисы нашего времени совпадают с интеллектуальными, так серьезная работа в одной области общественных наук полностью отражается на другой. Взятые вместе политические традиции классического либерализма и классического социализма исчерпывают наши главные политические ориентации. Их крах как идеологий влечет за собой закат свободной и разумной личности. Всякое политическое возрождение либеральных и социалистических целей в настоящее время должно во главу угла ставить идею об обществе, в котором все люди будут обладать самостоятельным разумом и чье независимое мышление будет иметь структурные последствия для общества, истории и их личных судеб.

Интерес обществоведов к социальной структуре объясняется отнюдь не тем, что будущее якобы структурно предопределено. Мы изучаем структурные границы человеческих решений и пытаемся отыскать точки эффективного воздействия для того, чтобы узнать, что можно и что должно изменять структурно при возрастании в ходе истории роли сознательно принимаемых решений. Наш интерес к истории объясняется не только неизбежностью будущего и его связи с прошлым. Тот факт, что люди проживали в определенных типах общества, которые они могут создать в будущем. Мы изучаем историю, чтобы определить возможности участия человеческого разума и человеческой свободы в историческом процессе. Короче говоря, мы изучаем конкретно-исторические социальные структуры для того, чтобы узнать, отчего зависят структурные

изменения и как их контролировать. Только так можно познать границы и смысл человеческой свободы.

Свобода — это не только возможность делать все, что нам вздумается, или делать выбор из заданных вариантов. Свобода — это, прежде всего, возможность определить варианты выбора, об судить их и только потом принять решение. Вот почему не может быть свободы без повышения роли разума в человеческих делах. И в жизни индивида, и в истории общества социальная роль разума заключается в определении выбора, в расширении сферы влияния принимаемых решений в историческом процессе. Будущее человеческих дел — это не просто набор переменных для предсказания.

Будущее — это то, по поводу чего нам предстоит принимать решения, разумеется, в пределах исторической возможности. Но эта возможность не установлена раз и навсегда, и в наше время эти пределы значительно расширились.

Кроме того, проблема свободы — это проблема еще и того, кто и как принимает решения о будущем человеческих дел. Организационно, это лишь проблема аппаратного принятия решений. С точки зрения морали — это проблема политической ответственности.

С интеллектуальной точки зрения — проблема того, какие варианты будущего возможны в настоящем. Но в более широком аспекте проблема свободы касается сегодня не только природы истории и структурных возможностей сознательно влиять на ход истории. Она затрагивает также природу человека и тот факт, что Ценность свободы не выводима из некоей «фундаментальной природы человека».

В конечном счете проблема свободы — это проблема жизнерадостного робота, и она облекается в такую форму потому, что именно сегодня для нас стало очевидным, что не все люди от природы хотят быть свободными, что не все хотят и не все могут, по самым разным причинам, сделать над собой усилие. Для овладения разумом, столь необходимым для свободы.

При каких же условиях у людей появляется желание быть свободными и действительно поступать свободно? При каких условиях люди хотят и могут нести на своих плечах сопутствующую свободе ношу и воспринимать ее не столько как бремя, сколько как с радостью принимаемую способность изменить самого себя. Но спрашивается можно ли заставить людей хотеть стать жизнерадостными роботами? Разве не должны мы сегодня смотреть в лицо опасности вырождения человеческого разума как продукта общества в качественном и культурном отношении, несмотря на то, что этот процесс затушевывается наплывом технических приспособлений? Разве это не приведет к рациональности без разума, к отчуждению человека, к утрате влияния свободного разума в человеческих делах? Эти опасности связаны с накоплением техники: те,

кто ею пользуется, не смыслят в ней, кто изобретает, почти больше ни в чем не разбирается. Вот почему мы не можем, не впадая в серьезные противоречия, использовать изобилие технических достижений в качестве показателя человеческого достоинства и культурного прогресса.

Чтобы сформулировать какую-нибудь проблему, необходимо указать на связанные с ней ценности и угрожающие им опасности. Чувство угрозы таким ценностям, воспринимаемым большинством людей, как свобода и разум, является необходимым моральным основанием ставить любые важные для социального познания проблемы, как общественные, так и сугубо личные.

Проблемы культурных ценностей для индивида связаны со всем тем, что принято подразумевать под идеалом человека эпохи Ренессанса, которому угрожает появление среди нас жизнерадостных роботов.

Ценности, содержащиеся в политической проблеме творения истории, воплощены в прометеевской идее сотворения человека. Угроза этому идеалу имеет два аспекта. С одной стороны, исторический процесс пойдет самотеком, если люди по-прежнему будут отказываться от сознательного участия в нем и, таким образом, просто плыть по течению. С другой стороны, сотворение истории может происходить в реальности, но осуществляться узкими кругами элиты без реальной ответственности перед теми, кому приходится бороться за выживание из-за последствий решений или бездействия властей.

Я не знаю, как решить в наше время проблему политической безответственности, а также политическую и культурную проблему жизнерадостного робота. Но разве не ясно, что ответы не будут найдены до тех пор, пока мы наконец не возьмемся за тщательное рассмотрение этих проблем? Разве не очевидно, что за это дело следует взяться прежде всего обществоведам из богатых стран? То, что многие из них до сих пор не делают этого, несомненно является величайшим человеческим пороком, которому подвержены в наше время привилегированные люди.

10. О политике

Активно работающим обществоведам нет необходимости допускать, чтобы «случайные» влияния извне определяли политический смысл их деятельности, а посторонние люди, преследуя собственные цели, распоряжались результатами исследований. Обсуждение смысла научной работы и распоряжение ее результатами целиком находятся во власти ученых, ибо относятся к стратегическим вопросам развития науки. Ученые обладают огромными, большей частью неиспользуемыми возможностями влиять на направления этого развития и даже определять их. Чтобы выработать стратегию, они должны ясно и четко выразить ее цели и принять конкретные решения относительно теории, метода и фактов. Как стратегические, эти положения будут касаться каждого исследователя лично и научного сообщества в целом, поскольку мы уже выяснили, что не выраженная ясно морально-политическая позиция гораздо больше влияет на результат, чем открытое обсуждение личной и профессиональной стратегии. Только обсудив это влияние, можно полностью осознать его и, таким образом, попытаться проконтролировать его воздействие на результаты научных исследований и их политический смысл.

Каждый обществовед всегда придерживается определенных ценностей, что косвенно отражается в его работе. Личные и общественные проблемы возникают там, где появляется угроза ожидаемым ценностям, и их нельзя четко сформулировать без признания существования этих ценностей. Обществоведов и науку все чаще используют для достижения бюрократических и идеологических целей. При этом исследователь человека и общества, как личность и как ученый, должен задавать себе следующие вопросы: понимает ли он, в каких целях применяется его труд, каким ценностям служит, сможет ли он проконтролировать использование результатов своего труда? В зависимости от того, ответит ли он на эти вопросы, использует или не использует их в своей работе и профессиональной жизни, будут ли даны ответы на вопросы: а) является ли он в своей профессиональной деятельности морально независимым; б) уважает ли моральные принципы других людей; в) имеет ли устойчивую систему ценностей. Ключевые понятия, с которыми до сих пор пытались подходить к этим проблемам, — часто, я уверен, с благими намерениями — уже не годятся. Теперь обществоведы должны как следует поработать над этими судьбоносными вопросами.

В данной главе я собираюсь поговорить о том, что мне представляется важным иметь в виду при любом ответе, а также развить ту версию, которую в последние годы стал считать наиболее обоснованной.

1.

В своей работе обществовед порой неожиданно для себя стал кивается с необходимостью выбора ценностей. Ясно, что он уже работает на основе определенных ценностей. Ценности, которых сегодня придерживаются общественные науки, черпаются из ценностей, созданных в западном обществе, ибо повсюду за его пределами достижения общественных наук заимствуются, не будучи собственным изобретением. Правда, кое-кто настаивает, что изобретенные ценности «трансцендируют» западное и любое другое общество, другие говорят, что придерживаются стандартов, которые будто бы «имманентны» существующему обществу, как некий не реализованный потенциал. Но, несомненно, что сегодня многие согласятся с тем, что ценности, присущие традициям общественных наук, ни трансцендентны, ни имманентны. Просто многие их провозглашают и в определенных пределах практикуют внутри своего узкого круга. То, что называют моральным суждением, лишь отражает желание обобщить выбранные ценности и тем самым сделать их доступными для других.

Мне представляется, что традициям общественной науки присущи три ведущих политических идеала, которые, безусловно, связаны с ее интеллектуальными перспективами. Первый из них — это ценность истины, факта. Само занятие общественными науками имеет политический смысл, поскольку наука определяет, что есть факт. В мире, где бытует так много бессмыслицы, любое Утверждение о факте имеет политическое и моральное значение. Все обществоведы самым фактом своей работы вовлечены в борьбу между просветительством и мракобесием. В таком мире, как наш, заниматься общественными науками значит, прежде всего, проводить политику истины.

Но политикой истины не исчерпываются те ценности, которыми мы руководствуемся в нашем предприятии. Истинность полученных нами данных и точность исследований, взятые в их социальном контексте, могут быть (а могут и не быть) существенными для жизни людей. В том, важны ли они и каково их значение, собственно и заключается вторая ценность, то есть ценность роли разума в жизни людей. Наряду с ними имеется и третья ценность — человеческая свобода, при всей неоднозначности ее смысла. И свобода, и разум, как я уже отмечал, занимают центральное место в цивилизации западного мира, обе ценности провозглашаются идеалами. Но любая попытка их использования в качестве критериев или целей ведет к большим разногласиям. Вот почему определение идеалов свободы и разума является одной из интеллектуальных задач для нас как обществоведов.

Если человеческому разуму суждено сыграть более значительную и более явную роль в историческом процессе, обществоведы, несомненно, должны быть среди ее главных исполнителей. Ибо своей деятельностью они являют пример использования разума для понимания жизни людей, именно в этом их призвание.

Если у них есть желание работать и, тем самым, сознательно идти избранным путем, они сначала должны определить свое место в интел лектуальной жизни общества и в общественно-исторической структуре своей эпохи. Они должны представлять свое место в общественных сферах познания, а уже эти сферы соотнести с конкретно- hqnrphweqjні структурой общества. Но здесь не место заниматься подобной работой. Я хочу лишь разграничить три политически важные роли, исполнителем которых обществовед, как поборник разума, может себя считать.

В общественных науках, особенно, пожалуй, в социологии, часто встречается тема царственного философа. Начиная с Огюста Конта и кончая Карлом Маннгеймом, в книгах можно найти призывы дать больше власти «человеку знания», а также попытки их оправдания.

При более точной формулировке возведение разума на престол означает, конечно же, начало царствования «человека разума». В этой идее кроется основная причина, почему обществоведы сохраняют, правда весьма общую, приверженность разуму в качестве общественно значимой ценности. Они постоянно хотят избежать признания нелепости этой идеи при сопоставлении ее с фактами власти. Кроме того, названная идея противоречит сути многих версий демократического устройства общества, поскольку предполагает существование аристократии, даже если она является таковой по таланту, а не по рождению или богатству. Довольно нелепая идея о том, что обществовед должен стать царствующим философом, является только одним из представлений о той роли в обществе, которое он может попытаться воплотить.

Достоинство сферы политики во многом зависит от интеллектуальных способностей тех, кто ею занимается. Если бы «философ» стал правителем, я был бы склонен покинуть его государство. Но когда у правителей нет никакой «философии», разве способны они к ответственному правлению?

Вторая, и сегодня самая обычная роль ученого-обществоведа — советник правительства. В настоящее время эта роль находит свое воплощение в бюрократическом использовании общественных наук, которое я описал. Отдельный обществовед старается не отставать от тех многочисленных тенденций развития современного общества, которые делают индивида функционально и частью рациональной бюрократии; он подыскивает такое местечко, чтобы не заниматься изучением структуры постсовременного общества. При таком положении, как мы видели, общественные науки сами тяготеют к тому, чтобы стать функциональным рациональным механизмом.

Отдельный ученый смиряется с утратой моральной автономии и подлинной рациональности, а роль разума в жизни людей имеет тенденцию сводиться просто к усовершенствованию техники управления и манипулированию.

Но таков худший вариант исполнения роли советника. Чтобы ее выполнять, я полагаю, не обязательно следовать букве и духу бюрократического стиля. Трудно исполнять эту роль, сохраняя моральную и интеллектуальную целостность и, следовательно, сво боду для работы над проблемами общественных наук. Советникам легко вообразить себя философами, а своих клиентов — просвещенными правителями. Но даже если советники — действительно философы, то те, кому они служат, могут не быть просвещенными.

Поэтому меня поражает преданность некоторых советников своим невежественным деспотам. Кажется, что такую преданность не нарушит ни деспотическая некомпетентность, ни догматическая тупость.

Я не утверждаю, что роль советника нельзя хорошо исполнять. На самом деле я знаю, что это возможно, и есть люди, которые этим и занимаются. Будь таких людей побольше, политические и научные задачи обществоведов, выбравших третью роль, стали бы менее тягостными, поскольку вторая роль частично пересекается с третьей.

Третий путь, на котором обществовед может попытаться реализовать ценность разума и выполнить свою роль в человеческих делах, тоже упрям известен, и иногда даже применяется на практике. Задача заключается в том, чтобы оставаться независимым, делать свою работу, самому выбирать проблемы, но направлять свою деятельность и на правителей, и на «общественность». Подобная концепция позволяет нам представить социальную науку как своего рода орган общественного интеллекта, занятого проблемами как общественного, так и личного выбора, а также стоящими за ними тенденциями развития социальной структуры, а отдельных обществоведов представить как разумных членов самоуправляемой ассоциации, которую мы называем общественными науками.

Принимая подобную роль, более полное объяснение которой я дам далее, мы пытаемся действовать в соответствии с ценностью разума. Полагая, что наша деятельность имеет какой-то результат, мы принимаем теорию творения истории: мы утверждаем, что «человек» свободен и своими рациональными усилиями может влиять на ход истории. Сейчас я, не касаясь самих ценностей свободы и разума, хотел бы только обсудить, в соответствии с какой теорией истории их можно реализовать.

2.

Люди свободны творить историю, но одни чувствуют себя гораздо свободнее, чем другие. Такая свобода требует доступа к средствам принятия решений и осуществления власти, при помощи которых сейчас можно творить историю. Но так было не всегда. Далее я еще затрону современный период, в котором средства власти значительно гипертрофированы и централизованы. Имея в виду этот период, я утверждаю, что если люди и не творят историю, то постепенно они все больше превращаются в инструменты в руках творцов истории, а также в простые объекты исторического процесса.

Насколько велико реальное значение того или иного принятого решения, само по себе является исторической проблемой. Это в значительной степени зависит от имеющихся в распоряжении власти средств в данное время и в данном обществе. В некоторых обществах бесчисленное число людей конкретными действиями изменяют свой уклад жизни, и тем самым постепенно изменяют саму структуру общества. Эти изменения и есть ход истории. История «течет», хотя в целом «люди творят ее». Так, масса предпринимателей и потребителей, совершая десятки тысяч сделок в минуту, постоянно обновляют облик рыночной экономики. Возможно, это было главным ограничением, которое Маркс имел в виду, когда писал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали...»*

- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс, Ф.

Энгельс. Соч.. т. 8, с. 119. — Прим. Перев.

Судьба, или «необходимость», движет историческими событиями, не подвластными никаким группам или группам людей, которые: 1) достаточно компактны для идентификации; 2) обладают властью, достаточной для принятия решений, которые могут иметь последствия; 3) в состоянии предвидеть эти последствия и, таким образом, нести ответственность за них. В соответствии с этой концепцией, события есть итог и непреднамеренный результат неисчислимого количества действий огромного числа людей. Каждое отдельное действие незначительно по своим последствиям, которые сглаживаются или усиливаются другими подобными решениями. Не существует связи между намерениями какого-то одного человека и итоговым результатом неисчислимого количества действий. События происходят помимо воли людей: история делается за их спинами.

Понимаемая таким образом судьба не является универсальным фактом. Она не является неотъемлемой частью сущности истории или природы человека. Судьба — это свойство конкретно-исторического типа социальной структуры. В обществе, где высшим достижением военной техники является винтовка, а типичной хозяйственной единицей — семейная ферма и кустарная мастерская, где нации- государства еще нет в помине, где коммуникация осуществляется из уст в уста глашатаями, и нет печатных станков, в таком обществе, история — в самом деле судьба.

Теперь обратимся к главной особенности нашей жизни. Разве она состоит не в громадном расширении и подавляющей централизации всех средств власти и принятия решений, то есть всех средств творения истории? В современном индустриальном обществе средства производства развиваются и централизуются, по мере того как на смену крестьянам и ремесленникам приходят частные корпорации и государственные промышленные предприятия. В современном национальном государстве средства принуждения и политического администрирования проходят сходный путь развития по мере того, как королевский контроль над знатью и вооружавшиеся на собственные средства рыцари заменяются регулярными армиями, а теперь ужасающими военными машинами. Знаменующее постмодерн наивысшее развитие всех трех тенденций — в экономике, политике, принуждении — сегодня наиболее ярко наблюдается в США и в СССР.

В наше время происходит концентрация средств сотворения истории как национального, так международного масштаба. Поэтому разве не понятно, что именно сейчас люди обладают уникальной по своим масштабам и возможностям способностью сознательно управлять историческим процессом? Властвующие элиты, распоряжающиеся этими средствами, сегодня действительно делают историю — конечно, «при обстоятельствах, выбранных не ими», — но по сравнению с другими людьми и другими эпохами эти обстоятельства, безусловно,

не кажутся непреодолимыми.

В непосредственно переживаемой нами ситуации, несомненно, заключен парадокс. Факты применения новейших средств управления историческим процессом свидетельствуют о том, что люди не находятся во власти судьбы и теперь могут творить историю.

Нелепость состоит в том, что другие факты показывают: в данный момент идеологии, предлагающие людям надежду на управление историческим процессом, переживают в западных обществах упадок и крах. Этот крах означает разрушение надежд идеологии Просвещения на то, что разум и свобода станут господствующими, высшими силами человеческой истории. И это происходит на фоне интеллектуального и политического бездействия научного сообщества.

Где та интеллигенция, которая велеречиво рассуждает о западном мире, где те интеллектуалы, чья деятельность пользуется влиянием среди политических партий и общественности, чье мнение учитывается при принятии исторических решений? Где доступ таким людям к средствам массовой информации? Кто из руководителей двухпартийного государства и его жестоких военных машин чутко реагирует на то, что происходит в мире знания, разума и чувств? Почему свободный интеллект так далек от принятия решений власти? Почему сейчас среди власть имущих преобладают крайняя безответственность и невежество?

В сегодняшних Соединенных Штатах интеллектуалы, художники, проповедники, гуманитарии и ученые тоже ведут холодную войну, и вместе с официальными властями переживают замешательство. Они не выдвигают к власти имущим требований об альтернативных направлениях политики, равно как не излагают собственных программ перед общественностью. Они не пытаются внедрить принцип *prberqrbemmnqrh* в политическую жизнь Соединенных Штатов, а способствуют выхолащиванию ее содержания. Плачевное моральное состояние общества отражается и в порочности (по христианским меркам) духовенства, и в добровольном переходе ученых в государственно-монополистический «аппарат науки». Сюда же относится и журналистская ложь, ставшая обыденностью, и значительная часть претенциозной пошлости, которая слывет общественной наукой.

3.

Я не жду, что по данному вопросу со мной согласятся все обществоведы. Главное, что я хочу сказать, это то, что для любого ученого, принявшего ценности разума и свободы, основная задача заключается в определении границ свободы и возможностей разума в истории.

Принимая на себя третью роль, обществовед не считает себя какой-то персоной, независимой от общества. Но он чувствует, подобно многим другим людям, что находится вне процесса принятия главных исторических решений эпохи, и в то же время знает, что находится среди тех, на ком отражаются многие последствия этих решений. В этом состоит главная причина, почему по мере осознания того, что он делает, обществовед явно превращается в «человека политического». Невозможно быть «вне общества», вопрос в том, какую позицию ты занимаешь в обществе.

Обществовед, как правило, относится по своим жизненным условиям, статусу и власти к среднему классу. Его род занятий и круг социальных взаимодействий дают ему в решении структурных проблем общества примерно те же шансы, какими располагает простой гражданин, поскольку эти проблемы нельзя разрешить чисто интеллектуальным усилием или в частном порядке. Их нельзя даже сформулировать в рамках сферы повседневности, доступной «обыкновенному человеку», потому что основные структурные проблемы относятся к сфере компетенции социальной, политической и экономической власти. Но обществовед не только «обыкновенный человек». Его задача заключается в том, чтобы мысленно выйти за пределы той сферы повседневности, в которой ему приходится жить, и именно для ее решения он, например, может рассматривать одновременно экономический строй Англии XIX века и статусную иерархию Америки XX века, военные институты императорского Рима и политическую структуру Советского Союза.

Ввиду того, что для обществоведа ценности свободы и разума имеют первостепенное значение, важное место в его работе должно занимать изучение тех объективных возможностей стать свободными и разумными, которыми обладают люди, принадлежащие к тем или иным категориям внутри конкретных типов социальной структуры.

Другим важным направлением исследований должно стать выяснение того, какие шансы предоставляют людям, в зависимости от их социального положения, различные типы обществ для того, чтобы, во-первых, с помощью разума и жизненного опыта выйти за пределы социальных ячеек своей повседневной жизни, и, во-вторых, какой властью они располагают для того, чтобы непосредственно воздействовать на структуру данного общества. Это второе направление касается роли разума в истории.

Рассматривая эти проблемы, легко заметить, что в современных обществах некоторые люди используют власть для того, чтобы ощутимо воздействовать на определенные структуры и полностью осознают последствия своих действий. Другие, имея такую же власть, не осознают границ ее влияния. Но большинство людей не могут выйти за пределы повседневности и мысленно увидеть более ясные социальные структуры или осуществлять доступными им средствами какие-либо структурные изменения.

В силу профессиональной деятельности обществоведы определяют свое место в обществе. Мы знаем о существовании структуры общества и кое-что об исторических механизмах ее развития. Ясно, что у нас нет доступа к существующим ныне средствам власти, при помощи которых в настоящее время можно влиять на работу этих механизмов. Но у нас есть одно, зачастую слабое, «средство власти», и оно-то и дает ключ к пониманию нашей политической роли.

Думаю, что главная политическая задача обществоведа, разделяющего идеалы свободы и разума, заключается в том, чтобы обращаться в своей работе к каждому из трех типов людей, выделенных мной по критериям власти и знания.

На власть имущих и осознающих ее силу обществовед возлагает ответственность за структурные изменения, на которые он указывал в своей работе, а их осуществление зависит от решений властей или отсутствия таковых.

Тем, чьи действия имеют структурные последствия, но кто, по-видимому, не осознает этого, он сообщает все, что удалось установить относительно этих последствий. Ученый пытается просвещать подобных людей, а уже потом, опять-таки, возложить на них ответственность.

Тем, кто не имеет реальной власти и чье сознание ограничено повседневными заботами, он раскрывает влияние структурных тенденций и крупных решений на условия их жизни, показывает связь личностных трудностей и общественных проблем. В ходе этой работы он сообщает им все, что обнаруживается при анализе действий более могущественных членов общества. В этом заключаются основные просветительские задачи ученого, и они же являются его общественными задачами при обращении к любой широкой аудитории.

Теперь рассмотрим некоторые проблемы и задачи, возникающие из этой роли исследователя.

4.

При всей широте кругозора рядовой обществовед занимается преподаванием, а подобный род занятий во многом определяет на что он способен как профессионал. В качестве преподавателя он обращается к студентам, при случае публикуется и выступает перед более широкой или более влиятельной аудиторией. Говоря о его возможной роли в обществе, остановимся подробнее на этих простых фактах власти или, если угодно, фактах безвластия.

Поскольку образование преследует либеральные цели, то есть «освободительные», общественная роль ученого имеет два аспекта.

В интересах индивида он должен показать, что личные трудности и заботы могут трансформироваться в доступные для разумного решения общественные проблемы, и его задача — развить в индивиде способность к самообразованию, ибо только тогда последний сможет стать разумным и свободным. В интересах общества ученый должен бороться со всеми силами, разрушающими истинную общественность и порождающими массовое общество, или, в позитивной формулировке, его задача — помогать образованию и укреплению сознательно самосовершенствующейся общественности. Только тогда общество может быть разумным и свободным.

Это очень широкие цели, и я должен дать некоторые пояснения. Мы прививаем людям позитивные навыки и умение определять ценности, которых они придерживаются. Но одни «навыки» более, другие менее важны для задач просвещения. Я не считаю, что навыки и ценности можно легко отделить друг от друга, как это часто представляется в поисках «нейтральных навыков». Это вопрос меры, где на одном конце шкалы умения, а на другом — ценности. Но в середине этой шкалы лежит то, что я назову восприимчивостью, и это то, что должно интересоваться нас более всего. Обучение работе на станке, чтению или письму суть по большей части привитие навыков. Помощь кому-либо в понимании того, чего он в действительности хочет добиться в своей жизни, или обсуждение с ним стоического, христианского и гуманистического образов жизни есть обучение ценностям или их культивирование.

В один ряд с навыком и ценностью нам следует поставить восприимчивость, означающую оба этих понятия и, кроме того, включающую в себя терапию в ее исконном смысле как знание самого себя. Восприимчивость предполагает совершенствование всех тех навыков внутренней полемики с самим собой, которые мы называем мышлением, а при участии других — дискуссией. Учитель должен начинать с изложения вопросов, которые для индивида наиболее интересны, даже если преподавателю они кажутся банальными и пустыми. Необходимо так вести обучение и использовать такие материалы, которые бы позволили развивать у ученика способность к рациональному охвату

непосредственно изучаемых проблем и всего того, что попадет в поле его интереса в процессе образования.

Учитель должен так обучить своих учеников, чтобы они сами смогли продолжить начатое им. Конечная цель «освобождающего» образования состоит лишь в том, чтобы в итоге сформировались способные к самообразованию и самосовершенствованию мужчины и женщины, то есть свободные и разумные индивиды.

Общество, в котором такие индивиды преобладают, демократично в самом главном значении этого слова. Такое общество можно определить как общество, где доминирует истинная общественность, а не массы. Здесь я имею в виду следующее.

Люди в массовом обществе находятся во власти личных проблем, которые они не способны превратить в общественные проблемы, даже не сознавая этого. Они не понимают взаимодействия личных проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, с проблемами социальной структуры. Однако именно это способен сделать образованный человек в осознающем себя обществе. Он понимает, что то, что он считает и переживает как личные проблемы, зачастую свойственно и другим, и, что более важно, никто не может решить их в одиночку, а только путем изменений структуры групп, в которых живет индивид, а иногда и структуры всего общества. Люди толпы переживают трудности, но они обычно не осознают их истинное значение и происхождение. Но будучи частью общества люди видят социальные корни проблем и обычно осознают их общественную обусловленность.

Политическая задача обществоведа, как и любого другого либерального просветителя, заключается в непрерывном переводе личных трудностей на язык общественных проблем и в объяснении индивидуальной значимости общественных проблем для людей различных категорий. Его задача как ученого — демонстрировать в своей работе, а как просветителя — и в своей жизни социологическое воображение, его цель — совершенствовать навыки этого воображения у мужчин и женщин в той аудитории, которую ему предоставляет общество. Достижение этих целей обеспечивает без опасность разуму и свободной личности, а также делает их дома нирующими ценностями демократического общества.

Сейчас вы можете сказать себе: «Ну вот, он собирается установить планку так высоко, что теперь все должно казаться низким». То, что обо мне могут подумать подобным образом, свидетельствует о несерьезном восприятии слова «демократия» и о безразличии многих наблюдателей к тому, как происходит утрата смысла данного слова.

«Демократия», конечно, сложное понятие, по поводу которого небезосновательно

ведутся горячие споры, но несомненно то, что оно не настолько трудно для понимания и противоречиво, чтобы его не могли использовать люди, желающие рассуждать совместно.

Я уже пытался показать, что я понимаю под идеалом демократии. В сущности, демократия подразумевает, что если какое-то решение затрагивает жизненные интересы людей, то они имеют реальную возможность участвовать в принятии этого решения. А это, в свою очередь, означает общественное признание легитимности полномочий власти решать и возлагает ответственность на тех, кто принимает решения. Ни один из этих пунктов, как мне кажется, не может выполняться, если в обществе не будут преобладать такая общественность и такие индивидуумы, которых я описывал. Далее необходимо пояснить некоторые дополнительные положения.

Социальная структура Соединенных Штатов не является полностью демократической. С этим, я думаю, согласятся все, ибо я не знаю ни одного полностью демократического общества — таковое по-прежнему является идеалом. Надо сказать, что Соединенные Штаты являются демократической страной, главным образом, по форме и по красноречивым заявлениям. По существу и на практике США сплошь и рядом недемократичны, и это со всей очевидностью проявляется во многих институциональных сферах. Корпоративная экономика не управляется ни городскими собраниями, ни властями, несущими ответственность перед теми, на кого их деятельность оказывает весьма серьезное влияние. Такое же положение характерно для военной машины, и оно все более усугубляется в политической структуре государства. Я не настолько оптимистичен, чтобы думать, будто очень многие обществоведы могут и стремятся способствовать развитию демократии в обществе, а если это и так, то не думаю, что их стремления обязательно приведут к возрождению общественности. Я лишь кратко описываю роль, которая мне кажется возможной для обществоведа и некоторыми из них действительно исполняется. Кроме того, оказывается, что такая позиция согласуется и с либеральными, и с социалистическими воззрениями на роль разума в жизни людей¹.

¹ Мимоходом хотел бы напомнить читателю, что стиль абстрактного эмпиризма (вместе с его методологическим самоограничением), даже если не брать во внимание его настоящий бюрократический контекст и соответствующее применение, не очень подходит к описываемой мной демократической политической роли. Те, для кого работа в этом стиле является единственной профессиональной деятельностью, для кого это — «реальная работа общественной науки» и кто живет ее духом, не может выполнять освободительно-просветительскую роль. Для этого необходимо, чтобы индивидуумы и общественность верили в собственную способность к разумному мышлению и чтобы каждый посредством критики, изучения и практики расширял и углублял

эту способность. Следовательно необходимо вдохновить людей на то, чтобы, как сказал Джордж Оруэлл, «выбраться из кита» или, как гласит замечательное американское выражение, «стать хозяевами самих себя». Сказать им, что «действительно» можно познать социальную действительность, полагаясь исключительно на неизбежно бюрократический тип исследований во имя ложно понятого научного знания, значит наложить табу на всякую попытку людей стать независимыми и мыслить само стоятельно. Это значит разрушать уверенность самостоятельно работающего мастера в своих возможностях познать действительность.

Индустриализация условий жизни ученого и преподавателя и дробление проблем общественной науки не могут привести к выполнению обществоведами роли освободителей-просветителей. Те явления, которые «разбирают» эти научные школы, так и остаются разобранными на мельчайшие кусочки, в достоверности которых они вполне уверены. Но уверенными они могут быть лишь относительно вырванных из контекста фрагментов, тогда как смысл либерального образования, политическая роль общественной науки и ее интеллектуальные перспективы заключаются в том, чтобы помочь людям преодолеть границы раздробленных и абстрактных форм повседневной жизни, то есть понять исторические структуры и определить свое собственное Место в них.

Я придерживаюсь мнения, что политическая роль общественной науки, потенциальная и реальная, а также ее эффективность, зависят от развитости демократии.

Принимая на себя третью, независимую, роль разума, мы пытаемся действовать демократически в обществе, которое не вполне демократично. Мы действуем так, как если бы мы жили в полностью демократическом обществе и, тем самым, пытаемся избавиться от этого «как если бы». Мы пытаемся сделать общество более демократичным. Полагаю, что только так мы можем исполнять данную роль, оставаясь обществоведами. По крайней мере, я не знаю никакого иного способа, при помощи которого мы могли бы попытаться способствовать построению демократического общества.

По этой причине проблема общественных наук как главного проводника разума в жизни людей в действительности является основной проблемой демократии на современном этапе.

5.

Каковы у обществоведов шансы на успех? При данной политической структуре, я не верю, что вероятность того, что обществоведы станут эффективными проводниками разума, очень уж высока. Чтобы люди знания могли осуществить эту стратегическую роль, должны существовать определенные условия. Люди творят свою собственную историю, сказал Маркс, но они делают это при обстоятельствах, которые сами не выбирают. Какие же условия необходимы нам для того, чтобы исполнять эту роль эффективно? Для этого необходимо, чтобы политические партии, движения и общественность обладали двумя характеристиками: во-первых, чтобы в их среде действительно обсуждались альтернативные представления об общественной жизни, и, во-вторых, чтобы у них была возможность оказывать реальное влияние на решения, имеющие структурные последствия. Только при существовании подобных организаций мы могли бы возлагать реалистические надежды на роль разума в жизни людей, которую я пытаюсь обрисовать. Кстати, подобные условия следует считать главным фактором существования любого полностью демократического общества.

При подлинно демократическом устройстве обществоведы, исполняя свои политические роли, вероятно будут высказываться «за» или «против» разного рода движений, слоев общества и групп интересов, а не просто обращаться к зачастую размытой и, боюсь, численно уменьшающейся общественности. В этих условиях неизбежна борьба идей, и эта борьба (всегда и как процесс, и как результат) будет иметь политический характер. Серьезное отношение к идее демократии и к демократической роли разума в человеческих делах предполагает, что факт нашей пристрастности в этой борьбе будет нас мало беспокоить. Ведь мы не можем полагать, что все определения социальной действительности и, тем более, утверждения о политических путях и средствах, а также предположения о целях сложатся в конце концов в единую, не вызывающую ни у кого возражений доктрину¹.

¹ Идея такой монополии в сфере общественной мысли является одной из тех авторитарных концепций, на которой основывается понимание «Единого метода» организаторов науки из породы «администраторов разума» и которая весьма тонко замаскирована в «священных ценностях» представителей «Высокой теории». Более отчетливо это воплощается в технократических лозунгах, проанализированных мною в главе 5.

При отсутствии полноценных политических партий, движений и общественности мы живем в обществе, которое является демо кратическим, главным образом, по закону и официально провоз глашаемым целям. Нам не следует приуменьшать огромную ценность этих обстоятельств и те широкие возможности, которые ими обеспечиваются. Нам следует осознать эти ценности, имея в виду их отсутствие там, где господствуют Советы, и ту борьбу, которая там ведется против интеллектуалов. Мы должны также понять, что одновременно с физическим подавлением интеллектуалов там очень многие интеллектуалы подавляют себя морально. То, что демократия в Соединенных Штатах в значительной степени формальна, еще не повод для отказа от идеи, что общественные науки должны быть одним из главных проводников разума, если, конечно, ему предстоит играть какую-то созидательную роль в демократическом творении истории. Отсутствие демократических партий, движений и общественности не означает, что обществоведам как просветителям не стоит пытаться заложить в своих образовательных учреждениях базу, где либеральная, состоящая из развитых индивидуумов общественность могла бы существовать хотя бы в зачаточном состоянии, и где они могли бы находить вдохновение и поддержку в своих дискуссиях. Это также не означает, что не следует пытаться возвращать такую общественность, выполняя менее академические роли.

Конечно, поступая подобным образом, рискуешь навлечь на себя неприятности или, что еще хуже, столкнуться с ужасающим равнодушием. Поэтому нам необходимо толерантно представлять противоречивые теории и факты и активно поощрять полемику. При отсутствии широких и открытых политических дебатов, основанных на знании фактов, люди не могут соприкоснуться ни с действительными реалиями окружающего их мира, ни с сущностью самих себя.

Особенно теперь, как мне кажется, описываемая мною роль требует ни больше ни меньше как выдвижения противоречивых определений самой реальности. То, что обычно называется «пропагандой», особенно националистического толка, состоит не только из мнений по различным темам и проблемам. Как однажды заметил Пауль Кечкемети, пропаганда — это распространение официальных определений реальности.

Сегодня наша общественная жизнь часто основывается на таких официальных определениях, а также на мифах, лжи и бредовых концепциях. Когда в политике так много тем, обсуждаемых и «запретных», основано на неадекватных и ошибочных определениях действительности, те, кому не удастся отразить ее более аде кватно, сразу подпадают под беспорядочные влияния. Вот почему описываемый мною тип общественности самым своим существованием оказывает на общество решающее влияние. Это подтверждает роль мышления, исследования, интеллекта, разума, идей: давать адекватное и общественно значимое определение действительности.

Просветительское и политическое значение общественной науки в демократическом обществе заключается в том, чтобы формировать общественность и оказывать поддержку индивидам, способным адекватно определять внутриличностные и социальные реальности, соответственно с ними жить и действовать.

Описываемая мною роль разума не означает и не требует обивать некие пороги, ближайшим рейсом вылетать в зону очередного кризиса, баллотироваться в конгресс, покупать типографию, чтобы печатать газету, появляться в бедных кварталах, собирать пожертвования. Подобные действия часто достойны восхищения, и я могу легко представить случаи, когда мне лично даже в голову не придет поступить иначе. Но для обществоведа превратить подобные поступки в постоянную деятельность значит отказаться от своей профессиональной роли и тем самым продемонстрировать неверие в перспективы общественной науки и в действенность разума в жизни людей. Обществовед должен в любых условиях продолжать свою научную работу, избегать дальнейшей бюрократизации разума и препятствовать бюрократизации дискурса.

Не каждый обществовед разделяет взгляды, которых я придерживаюсь по данному вопросу, да я и не хочу, чтобы их разделяли все. Я полагаю, что одна из задач ученого заключается в том, чтобы определить свои собственные взгляды на сущность исторических изменений и место, если таковое имеется, свободных и разумных людей в этом процессе. Только тогда мы сможем прийти к пониманию своей собственной интеллектуальной и политической роли в изучаемых нами обществах и выяснить, что мы сами думаем о ценностях свободы и разума, которые являются неотъемлемой частью прошлого и будущего общественной науки.

Если отдельные индивиды и малые группы не вольны своими действиями вызвать исторические последствия и в то же время недостаточно подготовлены, чтобы их разумно представлять; если структура современных обществ или какого-то одного из них такова, что исторический процесс развивается вслепую, то нет никакой возможности управлять им доступными средствами и знаниями, которыми можно овладеть. В этих условиях единственная независимая роль общественной науки сводится к регистрации событий и их объяснению, идея об ответственности власти имущих нелепа, а ценности свободы и разума могут реализоваться лишь в отдельно взятых областях повседневной жизни для узкого круга привилегированных лиц.

Но здесь много «если». И, хотя можно много спорить о степенях свободы и масштабах последствий, я не считаю, что есть Достаточно оснований для отказа от ценностей свободы и разума в качестве ориентиров в работе общественных наук.

Попытки уклониться от таких трудных проблем, которые я обсуждаю, в наши дни прикрываются лозунгом о том, что общественная наука существует «не ради спасения мира». Иногда за этим стоит скромность ученого, иногда циничное презрение специалиста широкого профиля по любым глобальным проблемам, иногда разочарование в юношеских идеалах, часто это — поза людей, пытающихся присвоить себе престиж «Ученого», которого они представляют в виде чистого, лишенного телесности интеллекта. Но иногда такое суждение основывается на взвешенном анализе фактов власти.

Из-за этих фактов я не верю, что общественная наука «спасет мир», хотя не вижу ничего плохого в попытке сделать это: я имею в виду предотвращение войны и переустройство жизни людей в соответствии с идеалами человеческой свободы и разума. Основываясь на своих знаниях и опыте, я прихожу к довольно пессимистичной оценке сложившейся ситуации. Но даже если дело сейчас обстоит именно так, мы все равно должны задать вопрос: если существуют какие-то пути выхода из кризисов данного исторического периода с помощью интеллекта, то разве обществоведам не следует их искать? Мы исполняем роль человека, который осознает ответственность за все человечество, хотя это не всегда очевидно. Именно на уровень общечеловеческого сознания должны быть выведены все решения крупных проблем современности.

Взывать к власти имущим, основываясь на имеющемся у нас знании, утопично в самом дурацком смысле этого слова. Наши взаимоотношения с ними главным образом ограничиваются тем, насколько они находят нас полезными в качестве технических специалистов, которые защищают их позиции и решают их проблемы, или в качестве идеологов, укрепляющих их престиж и авторитет. Чтобы добиваться большего в исполнении нашей политической роли, мы прежде всего должны пересмотреть характер нашей совместной общественно-научной работы. Нет ничего утопичного в том, что обществовед обращается к своим коллегам с призывом пересмотреть отношение к своей работе. Любой обществовед, осознающий свое призвание, должен сознательно подойти к основной моральной дилемме, о которой я веду разговор в данной главе: умению различать то, что людям интересно, и то, что отвечает интересам людей.

Если, по-демократически, мы будем считать, что людей интересует то, что их заботит, то мы примем те ценности, которые, где случайно, а где и сознательно, насаждаются заинтересованными кругами. Люди часто не имеют никакой возможности преуспеть, пренебрегая достижением рекламируемых ценностей. В данном случае правильнее говорить о приобретенных привычках, чем о сознательном выборе.

Если мы будем догматически считать, что только то, что делается в интересах людей, независимо оттого, интересуются они этим или нет, составляет наш моральный долг, мы рискуем попортить демократические ценности. Мы

превратимся в манипуляторов, гонителей или тех и других вместе, тогда как наша задача — убеждать людей в обществе, где они пытаются вместе обсуждать свои проблемы и где ценность разума пользуется большим уважением.

Я полагаю, что обратившись к изучению личных трудностей и общественных проблем, к формулированию их как задач общественных наук, мы получим наилучшую и, пожалуй, единственную возможность сделать разум демократически значимым для жизни людей свободного общества и, таким образом, воплотить классические ценности, на которых основываются перспективы применения нашего знания.

Приложение

Об интеллектуальном творчестве

Для обществоведа, работающего в классической традиции, общественная наука – это творческая деятельность. Имея дело с конкретными проблемами, он принадлежит к тому типу людей, которым быстро надоедает дискутировать о методе и теории «вообще», тем более, что подобная полемика нередко отрывает его от своих непосредственных обязанностей. Он убежден, что гораздо лучше иметь подробный отчет о работе, выполненной студентом, чем дюжину «процедурных кодификаций» в исполнении профессионалов, не сделавших ничего стоящего. Только из бесед опытных исследователей, обменивающихся информацией о том, как они делают свою работу, новичок может получить наглядное представление о методе и теории. Поэтому, я думаю, будет полезно рассказать о некоторых подробностях моей творческой деятельности. Эти заметки неизбежно субъективны, но я пишу их в надежде, что другие, особенно начинающие самостоятельную деятельность, сделают их менее субъективными, добавив факты из своего собственного опыта.

1.

Я полагаю, что лучше всего начать с напоминания о том, что самые выдающиеся мыслители в той области научного творчества, которой вы, начинающий ученый, решили посвятить себя, не отделяют работу от жизни. Похоже, они слишком серьезно относятся и к работе, и к жизни, чтобы допустить подобное разделение, и предпочитают, чтобы они взаимно обогащались. Конечно, такое разделение сейчас весьма распространено, и оно обусловлено, как я полагаю, тем, что люди занимаются пустопорожней деятельностью. Но необходимо признать, что, как ученый, вы обладаете исключительной возможностью построить свою жизнь так, что она будет побуждать вас к приобретению навыков добросовестного труда.

Научная работа

- это выбор не только карьеры, но и жизненного пути. Сознательно или нет, работник интеллектуального труда по мере совершенствования в мастерстве формирует себя. Чтобы реализовать свой личностный потенциал и использовать для этого любую представившуюся возможность, он формирует характер, в основе которого лежат качества хорошего работника.

Поэтому вы должны учиться в своей интеллектуальной работе использовать жизненный опыт и постоянно обращаться к нему. В этом смысле ремесло составляет стержень личности, частица которой вкладывается в каждый шаг интеллектуального труда. «На личие опыта» в данном случае означает, что ваше прошлое вторгается в настоящее, влияет на него, настоящее же определяет способности приобрести опыт в будущем. Как обществовед вы должны управлять этим весьма сложным взаимодействием, осмыслять свой опыт и раскладывать по полочкам. Только так можно надеяться на то, чтобы с помощью жизненного опыта направлять и проверять свои размышления, и в ходе этого процесса формировать себя как мастера интеллектуального труда. Но как это можно сделать? Напрашивается следующий ответ: вы должны завести папку с фактами, что на социологическом языке означает: «Ведите журнал». Многие продуктивно работающие авторы ведут журналы. Это необходимо для формирования систематического мышления социолога.

В файлах, о которых я собираюсь говорить, будут накапливаться сведения о личном опыте и служебной деятельности, о текущих и планируемых исследованиях. В этих файлах вы, как творческий человек, попытаетесь собрать свои профессиональные размышления и личные переживания. Не бойтесь обращаться к своему опыту и непосредственно применять его во всякого рода текущей работе.

Накапливая повторяющиеся сведения, файлы сэкономят ваши силы.

Кроме того, они помогут сохранить мимолетные мысли, зафиксировать разного рода события, встречающиеся в повседневной жизни, обрывки случайно

услышанных на улице разговоров и даже сны. Хранящиеся в файлах записи могут дать толчок более систематическому осмыслению научных проблем, а также придать интеллектуальную значимость непосредственному опыту.

Наверное, вам придется часто замечать, как заботливо выдающиеся мыслители обращаются со своим интеллектом, как тщательно следят за его развитием и организуют свою жизнь. Причина столь бережного отношения к малейшим переживаниям заключается в том, что за свою жизнь современный человек приобретает очень мало личного опыта, тогда как именно он является весьма важным источником настоящего интеллектуального творчества. Я пришел к убеждению, что умение доверять собственному опыту и одновременно скептически относиться к нему является отличительной чертой зрелого научного работника. Позиция «доверяй, но проверяй» совершенно необходима для оригинального решения любой интеллектуальной задачи, и ведение журнала является тем методом, с помощью которого вы можете развивать и укреплять указанную onghvvh~.

Ведя записи надлежащим образом и тем самым развивая навыки саморефлексии, вы будете учиться поддерживать свой внутренний мир в состоянии бодрствования. Если вас сильно поразит какое-то событие или идея, сделайте так, чтобы они не остались неосмысленными; напротив, постарайтесь как можно полнее выразить свои впечатления, сами убедитесь, что или все это вздор, или возникшим впечатлениям и идеям можно придать продуктивную форму.

Кроме того, ведение файлов развивает навыки письменной речи. Вы не «набьете руку», если не будете делать записи хотя бы раз в неделю. Пополнение файлов позволит вам экспериментировать как писателю и, таким образом, как говорится, вырабатывать выразительность слога. Регулярное ведение записей позволит лучше осознавать собственный опыт.

Быть может, худшее из того, что происходит с обществоведами, заключается в том, что они испытывают потребность писать о своих «планах» только в одном случае — когда собираются просить денег на какой-нибудь этап исследования или на «проект». «Планирование» происходит, главным образом, в форме заявок, которые, по крайней мере, пишутся довольно старательно. Сколь бы ни была распространена такая практика, я считаю, что она — очень плоха, потому что в определенной степени напоминает распродажу, а при доминировании таких мотивов высока вероятность получить в результате исследования вымученную претенциозность. В установленные сроки, по принятому проекту необходимо «отчитываться», то есть подводить какие-то итоги задолго до его логического завершения. Поэтому ради продолжения финансирования проекта часто приходится ловчить. Обществовед должен периодически анализировать ход своей работы и перспективные планы.

Любой молодой, начинающий самостоятельную работу исследователь должен об этом думать, но от него нельзя ожидать немедленных открытий, да и ему самому не следует заходить слишком далеко в подобных размышлениях, и совсем не обязательно придерживаться подробного плана. Едва ли не максимум, что он может сделать, - наметить общий план диссертации, которая, к несчастью, является его первой самостоятельной работой. Только по прошествии половины, или примерно одной трети срока анализ проделанной работы может быть плодотворным и даже интересным для других.

Любой успешно работающий социолог должен держать в голове массу планов, точнее говоря, идей, чтобы постоянно решать вопрос о том, что и в каком порядке следует делать. Обязательно должны пополняться файлы с рабочими планами, которые составляются и переписываются просто для себя или, может быть, для обсуждения с друзьями. Время от времени, даже будучи в отпуске, эти планы следует тщательно просматривать под иными углами зрения.

Такая процедура является необходимой для того, чтобы ваше интеллектуальное предприятие имело ориентиры и находилось под контролем. Полагаю, что широкий неформальный обмен подобными обзорами «собственных проблем» среди социологов является единственной основой для адекватного формулирования «основных проблем общественных наук». По-видимому, в любом свободном интеллектуальном сообществе таких проблем будет несколько и, конечно, их список должен быть «открытым». В таком сообществе, если оно переживает подъем, должны быть перерывы во встречах, чтобы коллеги могли обдумать свою будущую работу. Отрываться от работы стоит только в трех случаях: чтобы обсудить проблему исследования, методы и теорию. Затем вновь надо возвращаться к работе. Конкретные темы должны формироваться в ходе самой работы и в какой-то степени направлять ее. Организация профессионального общения может быть разумным основанием для соответствующей ассоциации. Ваши рабочие записи полезны и ее организаторам.

Под разными рубриками в своем журнале вы собираете идеи, личные заметки, выписки из книг, библиографические сноски и наброски проектов. Дело это добровольное, но я думаю, что вы найдете полезным скомпоновать все записи в особый файл «проектов» с множеством рубрик. Конечно, рубрики могут меняться весьма регулярно. Например, будучи аспирантом, вы одновременно готовитесь к аттестации и пишете диссертацию, и таким образом вам придется классифицировать материалы в соответствии с этими видами работ. Примерно через год работы над диссертацией вы начнете реорганизовывать все свои записи в соответствии с основной темой диссертации. Затем, в процессе дальнейшей работы, вы обнаружите, что ни одна из тем не является главной и ни одна из них не дает основания для классификации всех материалов.

Таким образом, это приведет к расширению числа категорий, которыми вы

пользуетесь в своих размышлениях, и к изменениям в списке категорий — одни выбывают, другие добавляются. Все это является показателем вашего интеллектуального роста. Формально записи желательно группировать по нескольким крупным направлениям, внутри которых более мелкие темы будут меняться из года в год.

Для этого необходимо приобрести привычку делать обширные выписки из любой стоящей книги, которую вы читаете, хотя должен сказать, что гораздо лучше для работы читать по-настоящему плохие книги.

Чтобы перевести впечатления от чужих текстов и собственных переживаний в сферу интеллектуального поиска, первым делом надо придать им форму. Даже простая фиксация впечатления часто ведет к его объяснению. Обычные выписки из книги могут дать толчок к размышлениям. В то же время выписки оказываются исключительно полезными для понимания того, что вы читаете.

Ваши выписки, как это произошло с моими, могут подразделяться на два вида. Читая определенные, наиболее важные книги, вы пытаетесь уловить структуру изложения автора и с этой целью делаете соответствующие выписки. Но гораздо чаще. Особенно имея за плечами несколько лет самостоятельной работы, вы не будете прочитывать книги целиком, а чаще станете выбирать из них только те места, которые относятся к конкретной теме, интересующей вас в данный момент или имеющей отдельную рубрику в ваших записях.

Такие выписки не будут репрезентировать все содержание прочитанных книг. Здесь вы будете использовать отдельную идею, отдельный факт для реализации своих собственных проектов.

2.

Может возникнуть вопрос: как эти записи, больше напоминающие весьма странный «литературный» журнал, использовать в интеллектуальном производстве? Ведение таких записей и есть интеллектуальное производство, постоянно пополняющееся хранилище фактов и идей, от самых смутных до тех, которые приобрели законченную форму. Например, первое, что я сделал, когда решил исследовать элиту, был весьма примерный набросок, основу которого составил список типов людей, которых я хотел поднять.

В том, как именно и почему я решил заняться этим исследованием, можно увидеть пример того, как жизненный опыт человека питает его интеллектуальные занятия. Сейчас я не помню, когда стал специально интересоваться «стратификацией», но думаю, что го должно было случиться, когда я первый раз прочитал Веблена. Он всегда казался мне очень многословным и расплывчатым в своих рассуждениях о занятости в «бизнесе» и «производстве», которые а{kh своего рода переложением Маркса для американской академической публики. Как бы там ни было, я написал книгу о профсоюзах и их лидерах под влиянием политических мотивов, затем книгу о средних классах, прежде всего испытывая острое желание артикулировать свой жизненный опыт, полученный после моего приезда в Нью-Йорк в 1945 г. Друзья говорили, что я должен завершить трилогию книгой о высших классах. Думаю, что к этому я был готов. Я, особенно в сороковые годы, перечитывал вдоль поперек Бальзака и находился под впечатлением от поставленной им самому себе задачи «охватить» все основные классы и типы общества эпохи, которую он хотел сделать своей. Кроме того, я написал работу о «деловой элите», собирал и приводил в порядок статистические сведения о жизни крупнейших американских политиков, начиная с принятия Конституции. Обе работы Первоначально были инспирированы семинарскими занятиями по американской истории.

При подготовке к публикации статей и книг, а также лекционных курсов по стратификации у меня естественным образом откладывались идеи и факты, касающиеся высших классов. Особенно при изучении социальной стратификации практически невозможно не выйти за рамки непосредственного объекта исследования, поскольку «реальность» любой страты в значительной степени состоит в ее взаимоотношениях с остальными стратами. Поэтому я начал подумывать о том, чтобы написать книгу об элите.

Но «на самом деле» этот проект возник не так. Во-первых, и идеи, и план я взял из своих записей, ибо все мои проекты берут начало и заканчиваются в них. Опубликованные книги представляют собой организованные фрагменты того, что я писал и складывал в файлы.

Во-вторых, через некоторое время весь комплекс смежных проблем буквально

захватил меня.

После того как был завершен белый набросок, я тщательно просмотрел все записи, не только те разделы, которые напрямую касались новой темы, но и те, которые, казалось бы, не имели к ней никакого отношения. Воображение часто начинает активно работать, когда в наше поле зрения попадают два вроде бы ни чем не связанных между собой элемента, которые затем оказываются вместе, и между ними обнаруживаются неожиданные связи. Я заново перекроил каталог в соответствии с новым кругом проблем, что привело в свою очередь к перестройке всех остальных рубрик.

В ходе пересортировки материалов вы часто обнаруживаете, что как бы даёте волю воображению. Внешне это происходит тогда, когда вы пытаетесь скомбинировать идеи и записи, касающиеся различных тем. Это своего рода комбинаторная логика, в которой «случай» иногда играет на удивление большую роль. Расслабившись, вы стараетесь подключить свои интеллектуальные ресурсы, распределяя листки по новым рубрикам.

В данном случае я также начал записывать собственные наблюдения повседневной жизни и, прежде всего, обдумывать накопленный опыт, касающийся проблем элиты, а затем обсуждать их с теми, кто, по моему мнению, был сведущ в данном вопросе и мог высказать какие-то суждения. Соответственно, я начал менять свой распорядок ежедневных рабочих контактов так, чтобы он включал: 1) людей, которые были среди тех, кого я хотел изучать; 2) людей, находящихся с ними в непосредственном контакте; 3) людей, которые так или иначе проявляют к ним устойчивый профессиональный интерес.

Не знаю, каковы должны быть идеальные социальные условия для продуктивной интеллектуальной работы, но несомненно, что создание вокруг себя круга людей, которые охотно общаются и порой обладают живым воображением, составляет одно из таких. В любом случае я стараюсь создавать для себя максимально благоприятную обстановку в интеллектуальном и социальном плане, которая бы стимулировала мое мышление в соответствии с направлениями выполняемой сейчас работы. В этом заключается смысл высказанного выше замечания о неразрывности личной и интеллектуальной жизни.

Хорошую работу в общественных науках сегодня нельзя выполнить, проведя какое-либо одно эмпирическое «исследование». Так было и раньше. Напротив, хорошая работа включает множество исследований, предметом которых служат ключевые моменты общих утверждений о форме и тенденции развития объекта. Вопрос о том, какие моменты являются ключевыми, нельзя решить до тех пор, пока не переработаны уже имеющиеся материалы и не построены общие гипотезы.

Так, среди «имеющихся материалов» я обнаружил у себя три типа записей,

важных для моего исследования элит: относящиеся к теме различные теории; иллюстрирующие эти теории материалы; и набранные из различных источников данные, в какой-то степени обобщенные, но теоретически не осмысленные. Только после за вершения чернового варианта теоретических представлений с помощью существующих материалов я смог более или менее определиться со своими исходными утверждениями и интуитивными догадками, а также продумать способы их проверки. При этом я знал, что мне и дальше придется постоянно сверять результаты собственных исследований с накопленными в файлах материалами.

Всякое окончательное утверждение должно не только «охватывать» все доступные и известные мне данные, но так или иначе позитивно или негативно учитывать известные теории. Иногда для «учета» какой-то идеи достаточно ее простого сопоставления с противоречащими или согласующимися с ней фактами, иногда не обходим подробный анализ. Порой удается систематически представить имеющиеся теории в виде различных направлений исследования и таким образом организовать сам материал¹. Но иногда ввожу эти теории только в собственной интерпретации и в совершенно различных контекстах. Так или иначе, в книге об элите мне пришлось опираться на работы таких авторов, как Моска, Шумпетер, Веблен, Маркс, Лассуэлл, Михельс, Вебери Парето.

Просматривая записи, касающиеся этих авторов, я обнаружил, что у меня выделяются три типа заметок: во-первых, информативные заметки, отражающие общую точку зрения автора по данной проблеме; во-вторых, выписки, снабженные собственными рассуждениями и аргументацией «за» и «против»; в-третьих, все остальные заметки, которые можно использовать как источник идей для собственных исследовательских проектов. Последний тип за меток состоит из краткого изложения проблемы и ответов на во просы, как ее сформулировать в доступной для проверки форме, как осуществить проверку. Проблему также можно использовать в качестве исходного пункта, открывающего такую перспективу ис следований, с точки зрения которой отдельные факты и детали представляются значимыми. Анализ имеющихся идей позволяет сохранить ощущение преемственности с предварительно проделанной работой. Вот, например, две выписки по поводу Г. Моска, содержащиеся в подготовительных материалах; я привожу их для иллюстрации того, о чем пытаюсь рассказать.

«В дополнение к историческим анекдотам Моска завершает свое рассуждение тезисом, что именно организованность всегда дает возможность править меньшинству. Есть организованные меньшинства, и они распоряжаются вещами и людьми. Есть не организованное большинство и им управляют². Но: почему также не рассмотреть 1) организованное меньшинство, 2) организованное ankhmqrbn, 3) неорганизованное меньшинство, 4) неорга низованное большинство. Это стоит исследовать полностью.

1 См. Напр.: Mills R. W. White Collar. New York: Oxford University Press, 1951. Ch. 13. Нечто подобное также сделано мной в заметках по поводу критики «теории элит» Ледерера и Гассета, где я рассмотрел две различные реакции на демократическую доктрину восемнадцатого -девятнадцатого веков.

2 У Г.Моска также есть подтверждающие его взгляды замечания о психологических законах. Следует обратить внимание на то, как он использует слово «естественный». Это не имеет отношения к главному вопросу и вообще не заслуживает рассмотрения.

Во-первых, необходимо прояснить: что значит «организованное».

Думаю, Моска имеет в виду способность проводить более или менее постоянную стратегию и координировать свои действия. Если так, то по определению его тезис верен. Он мог бы сказать: организованное большинство невозможно, так как все сводится к тому, что новые лидеры, новые элиты появляются на вершине организации большинства. И он сразу относит этих лидеров к своему «правлящему классу». Он назвал бы их «правлящими меньшинствами» в соответствии со своей основной идеей.

Пришла в голову мысль (думаю, это существо проблем, связанных с определениями Моска): с XIX по XX век мы стали свидетелями того, как общество, организованное ранее по 1-му и 4-му признакам, превратилось в общество, организованное по 3-му и 2-му. Мы перешли от элитного государства к организационному, в котором элита не столь организована и не обладает такой однонаправленной властью, а масса стала более организованной и более могущественной. Некоторая доля власти была завоевана на улицах, и вокруг этой власти крутятся целые социальные структуры и их «элиты». А какой отряд правящего класса более организован, чем фермерский блок? Это не риторический вопрос, ибо сейчас на него нет однозначного ответа – это вопрос степени. Пока для меня главное — заострить эту проблему.

Моска сделал один вывод, который кажется мне замечательным и достойным дальнейшей проработки. В соответствии с этим выводом в «правлящем классе» имеется верхушечная клика и есть второй, более широкий слой, с которым а) верхушка находится в постоянном непосредственном контакте, и с которым б) она имеет общие идеи и настроения, а следовательно, и политические цели (стр. 450).

Проверить и посмотреть, есть ли в книге другие замечания по этому поводу. Рекрутируется ли верхушка главным образом из второй страты? Несет ли верхушечный слой какую-либо ответственность перед вторым слоем, или, по крайней мере, при слушивается ли к его мнению?

Теперь забыть Моска. В иной терминологии имеем: а) элиту, под которой понимаем верхушечную клику, б) тех, кто считает себя элитой, и в) всех остальных. Принадлежность ко второй и третьей категориям в этой схеме определяется первой, а вторая может варьироваться в широких пределах по размеру, составу и отношениями к первой и третьей. (Каков разброс вариаций (б) по отношению к (а) и (в)? Просмотреть Моска с точки зрения намеков и подумать о дальнейшей разработке вопроса более систематически.)

Эта схема может позволить более тонко учесть различные элиты, которые суть элиты в соответствии с различными Критериями стратификации. Кроме того, принять к сведению имеющееся у Парето различие господствующих и

негосподствующих элит, причем сделать это следует менее формально, чем Парето. Конечно, многие люди с верхушечным статусом будут относиться, как минимум, ко второму qkn~. Например, толстосумы. «Клика», или «элита» в каждом конкретном случае будут определяться отношением к власти или к авторитету. Элита в данном употреблении всегда будет означать властную элиту. Другие представители верхушки будут «высшими классами» или «высшими кругами».

Таким образом, может быть, удастся охватить сразу две важнейшие проблемы: структуру элиты и концептуальные — что, пожалуй, более важно — отношения теории стратификации и теории элит.

(Проработать.)

С точки зрения власти, легче определить тех, кто относит себя к элите, чем тех, кто правит. Выполняя первую задачу, мы отбираем верхние эшелоны как своего рода неорганизованный агрегат и руководствуемся занимаемой позицией. Но, выполняя вторую задачу, мы должны четко и подробно показать, как они распоряжаются властью и каково их отношение к социальным инструментам, с помощью которых власть осуществляется. Кроме того, мы имеем дело скорее не с позициями, а с личностями или, по крайней мере, вынуждены принимать в расчет именно личности.

Сегодня власть в Соединенных Штатах включает более чем одну элиту. Как можно судить о положении, которое каждая элита занимает по отношению к другой? В зависимости от характера решаемых проблем. Одна элита видит представителей другой среди людей, занимающих определенное положение. Внутри элиты сказывается взаимное признание элитами друг друга. Так или иначе, входящие в них люди важны друг для друга. Проект: подобрать 3 или 4 ключевых решения последнего десятилетия — применение атомной бомбы, сокращение или увеличение производства стали, забастовка на «Дженерал Моторс» в 45-м году — и тщательно выявить участников каждого из событий. «Решения» и процесс их принятия использовать в интервью как зацепки при продвижении вглубь».

3.

В процессе работы наступает время, когда вы обнаруживаете, что уже прочитали много книг. Все, что вы хотели в них найти, выписано в ваших заметках и рефератах. На полях этих заметок и на отдельных листочках сформулированы идеи для эмпирических исследований.

Но я бы не хотел заниматься сбором эмпирики, если бы смог обойтись без него. Если отсутствует штат сотрудников, это сулит большие трудности. Возможность самому нанять работников чревата еще большими трудностями.

При современном состоянии общественных наук предстоит еще выполнить столько работ, связанных с предварительным «структурированием» (позвольте обозначить этим словом описываемую операцию), что большинство «эмпирических исследований» обречены на то, чтобы быть тощими и неинтересными. Многие из них, по сути, являются формальным упражнением для начинающих исследователей, а иногда полезным занятием для тех, кто не способен справиться с более существенными проблемами социальной науки. Само по себе эмпирическое исследование не имеет никаких преимуществ перед книжечеством как таковым. Цель эмпирического исследования состоит в том, чтобы устранить разногласия и сомнения относительно фактов и путем солидного всестороннего обследования сделать обсуждение более плодотворным. Факты дисциплинируют разум, но разум идет впереди в любой сфере познания.

Хотя вы никогда не сможете получить деньги на большинство из задуманных вами исследований, необходимо постоянно придумывать новые темы. Ибо однажды задуманное эмпирическое исследование, *d'fe* не реализованное, подтолкнет вас к поиску данных, которые неожиданно могут оказаться важными для исследуемых проблем.

Глупо планировать полномасштабную работу, если ответ можно найти в библиотеке, но не менее глупо стремиться перечитать все книги и только потом переводить прочитанное на язык эмпирических исследований, то есть на язык вопросов о фактах.

Я считаю, что проекты эмпирических исследований должны отвечать следующим требованиям. Во-первых, соотноситься с исходным наброском проекта, о котором я упомянул выше: либо соответствовать исходной постановке проблемы, либо модифицировать ее. Или выражаясь высокопарно, они должны содержать в себе возможность теоретических построений. Во-вторых, проекты должны иметь высокую отдачу, быть продуманы до тонкости и, по возможности, остроумными. Я имею в виду, что по сравнению с затратами сил и времени на выходе должно быть получено громадное количество материала.

Но как это сделать? Наиболее экономно — поставить проблему таким образом, чтобы на многие вопросы можно было ответить исключительно рассуждениями,

опираясь на минимум фактов. В рассуждении мы пытаемся: а) четко поставить отдельные вопросы о фактах, б) так их задать, чтобы на основе полученных ответов дальнейшие проблемы можно было решить в виде рассуждений¹.

¹ То же самое надо, наверно, сформулировать позакывыристей, что бы убедить в важности сказанного тех, кто еще этого не понимает.

Проблемные ситуации необходимо формулировать, имея в виду их подразумеваемое теоретическое и концептуальное содержание, а также соответствующие им парадигмы эмпирического исследования и адекватные модели верификации. Конструирование этих парадигм и моделей, в свою очередь, должно производиться таким образом, чтобы их использование позволяло выводить дальнейшие теоретические и концептуальные заключения. Теоретические и концептуальные импликации проблемных ситуаций следует разрабатывать до полного прояснения. Для этого обществовед должен раскрыть каждую такую импликацию и рассмотреть ее в соотношении со всеми другими. Кроме того, прояснение импликаций следует производить в соответствии с парадигмами эмпирического исследования и моделями верификации.

При постановке проблем следует пройти четыре этапа. Лучше всего это проделать несколько раз, а не застревать надолго на одном из них. Вот эти этапы: 1) выделить и определить элементы, которые, в соответствии с вашим общим представлением об изучаемой теме, социальной проблеме или области, вы собираетесь включить в исследование; 2) установить логические отношения между этими определениями и элементами; кстати говоря, построение предварительных ограниченных моделей дает наибольший простор для социологического воображения; 3) элиминировать ложные предположения, причиной которых является пропуск необходимых элементов, неточное определение терминов, неоправданно узкий объем понятий и их неадекватное логическое расширение; 4) сформулировать и переформулировать оставшиеся вопросы о фактах.

Кстати говоря, третий этап — крайне необходимая процедура для точной постановки проблемы, хотя ею часто пренебрегают.

Обывательское понимание проблемы — в качестве общественной или личной — должно анализироваться со всей тщательностью. Но это лишь часть проблемы, которую следует тщательно рассмотреть в научном плане и либо принять после соответствующей доработки, либо отбросить.

Прежде чем принять окончательное решение о необходимости эмпирических исследований для выполнения поставленных задач, я начал набрасывать более широкий проект, внутри которого стал прорисовываться целый ряд мелкомасштабных исследований. Снова я обращаюсь к своим файлам. В них сказано следующее.

«Я еще не достиг того положения, чтобы можно было систематически изучать высшие круги общества эмпирическим методом. Поэтому я принимаюсь за разработку некоторых определений и процедур, которые бы составили своего рода идеальный проект для изучения данной темы. Можно попытаться, во-первых, собрать уже имеющиеся материалы, относящиеся к данному проекту; во-вторых, обдумать приемлемые способы сбора материалов, задав такие индикаторы, которые бы относились к существенным для моего исследования признакам; и в-третьих, по мере продвижения работы более точно определить задачи полномасштабного, эмпирического исследования, которое на завершающей стадии окажется необходимым.

Разумеется, понятие «высшие круги» нужно систематически определять в терминах специфических переменных. С формальной точки зрения — в данном случае я в той или иной мере следую рассуждениям Парето, — к этой категории относятся люди, «имеющие» большую часть какого-либо блага или набора благ, которыми располагает общество. Поэтому я должен решить две задачи: какие переменные я использую в качестве критериев и что имею в виду под «большой

частью». Выбрав переменные, я должен наилучшим образом сконструировать индексы с тем, чтобы в соответствии с ними распределить на группы все население, и только тогда я могу начать думать о том, что я имею в виду, говоря о «большей части». При этом необходимо отчасти основываться на эмпирических распределениях различных признаков, а также на их комбинациях.

Независимые переменные должны быть достаточно общими, чтобы обеспечивать некоторую свободу в выборе индексов, и в то же время достаточно специфичными, чтобы они обнаруживались на эмпирическом уровне. Продвигаясь вперед, я должен постоянно переходить от концепций к индексам и обратно, руководствуясь желанием не потерять искомые значения, и в то же время не оторваться от конкретики. Начну с четырех переменных, соответствующих концепции М. Вебера.

I. Класс определяется по источникам и величине дохода. Поэтому нужны сведения о распределении собственности и распределении доходов. Идеальным материалом (который представлен весьма отрывочно и, к сожалению, устарел) могла бы быть двумерная таблица источников и величины годового дохода. Так, мы знаем, что $\frac{1}{3}$ процентов населения в 1936 г. получили $\frac{1}{3}$ миллионов и более и что $\frac{1}{3}$ процентов от всей суммы они получили от владения собственностью, $\frac{1}{3}$ процентов — от предпринимательской деятельности, а $\frac{1}{3}$ процентов составили жалование и заработная плата. Пользуясь данным признаком класса, я могу выделить высшие круги — людей, которые имеют больше всех, сюда войдут либо те, кто получил определенную сумму за данный период времени, либо те, кто составляет верхние два процента в пирамиде доходов. Проанализировать данные о величине состояний или списки крупных налогоплательщиков. Проверить, можно ли получить новейшие статистические данные об источниках и размере доходов.

II. Статус определяется степенью оказываемого уважения. Здесь нет простых количественных индексов. Для использования существующих индексов необходимы личные интервью, но их можно применять только при исследовании местных сообществ и, как правило, не слишком результативно. Есть другая проблема: в отличие от класса, статус связан с социальными отношениями, для которых требуются как минимум двое — тот, кого уважают, и тот, кто уважает.

Очень легко спутать известность с уважением, вернее, мы не `el, следует ли степень известности считать индексом статуса, при том что стать известным не так уж трудно. (Например, почитать, какие категории людей упоминались в «Нью-Йорк Таймс» в течение одного-двух дней в середине марта 1952 г. и на каких страницах — проработать этот вопрос.)

III. Власть определяется способностью навязывать свою волю вопреки сопротивлению других. Как и статус, власть трудно операционализировать. Вряд ли я смогу ограничиться каким-то одним параметром, но придется говорить: а) об авторитете, который определяется как права и позиционные полномочия в различных институтах, особенно в военных, политических, экономических, и б) о явной, осуществляемой неофициально, но не

институционализированной власти — лидеры групп давления, пропагандисты, имеющие в распоряжении широкую сеть средств массовых коммуникаций, и т. п.

IV. Род занятий определяется по оплачиваемой деятельности. Здесь тоже надо выбрать такой признак, который я смогу фиксировать, а) Если я проранжирую средний доход по разным профессиям, ясно, что род занятий окажется у меня индексом и основанием деления на классы. Подобным же образом: б) при определении типичного статуса и власти, которыми располагают представители различных профессиональных групп, профессия окажется у меня индексом и основанием деления по власти, квалификации или таланту. Это отнюдь не самый легкий путь классификации людей. Квалификацию, как и статус, нельзя оценить по единой шкале «больше — меньше».

В попытках трактовать квалификацию как таковую исследователи обычно шли через определение • необходимого времени для приобретения того или иного профессионального навыка, наверно, далее так и придется делать, но надеюсь придумать что-нибудь получше.

Вот примерные проблемы, которые необходимо решить, чтобы дать аналитическое и эмпирическое определение высших кругов в пространстве перечисленных четырех ключевых признаков. Теперь надо сформулировать цели проекта. Допустим, я к своему удовольствию решил все названные проблемы и составил схему распределения всего населения по каждому из четырех параметров.

У меня будет четыре группы людей: те, кто находится на вершине классовой пирамиды, статусной, властной и профессиональной.

Предположим далее, что я выделил двухпроцентные верхушки по всем типам распределения и определил их как высшую группу. Передо мной встает вопрос, на который можно дать эмпирический ответ: насколько пересекаются, если вообще пересекаются, эти четыре распределения? Вероятность такого пересечения составляет не более 2% для верхушки и не менее 98% для низов. Если бы у меня были данные для заполнения этой диаграммы, то она вместила бы все основные материалы и решения по многим важным проблемам исследования высших слоев. Она дала бы ключ ко многим дефинициям и к разгадке многих существенных вопросов. Вот пример.

Если у меня нет данных, и я не могу их получить, то возрастает значение чистого рассуждения, ибо, руководствуясь желанием максимально приблизиться к требованиям идеального эмпирического проекта, в своих размышлениях я могу выйти на те индексы, параметры которых будут для меня доступны и послужат отправной точкой для дальнейших размышлений.

Для формального завершения общей модели исследования нужно добавить еще два параметра. Для полного понимания высших слоев необходимо обратить внимание на их устойчивость и мобильность.

Задача заключается в том, чтобы проследить типичные индивидуальные и групповые перемещения между категориями(1 —

16) для настоящего и двух-трех предшествующих поколений.

Таким образом, в схему вводится временная переменная биографии (или карьерных продвижений) и исторический фактор. Это не только дополнительные эмпирические сведения, они имеют принципиальное значение. Ибо, а) вопрос о том, должны ли мы, классифицируя людей по тому или иному ключевому признаку, определять исторические рамки в соответствии с тем, как долго люди или их семьи занимают то или иное положение в обществе, я пока оставляю открытым. Например, классифицируя людей по статусу, или хотя бы по одному из его параметров, к 2-процентной верхушке я могу причислять только тех, кто принадлежит к ней, как минимум, в течение двух поколений. Кроме того, б) пока неясно, буду ли я конструировать «слой» только как комбинацию определенных признаков или также учту забытое веберовское определение «социального класса» как людей, занимающих такие позиции в обществе, между которыми имеет место «обычное и легкое перемещение». Тогда низшие «белые воротнички», средние и высшие наемные рабочие некоторых отраслей промышленности в определенном смысле могут формировать единую страту.

В процессе чтения литературы и анализа имеющихся теорий, планирования идеального исследования, перечитывания своих записей у вас начнет складываться список возможных научных работ.

Некоторые из них слишком фандиозны для реализации, и со временем вы с сожалением от них отступите. Другие дадут материал для параграфа, раздела или главы вашей будущей книги. Третьи составят основу новой книги. Здесь я снова приведу свои первоначальные записи о нескольких проектах.

«1) Анализ бюджетов времени обычного рабочего дня десяти высших руководителей крупных корпораций и то же самое - для десяти высокопоставленных государственных чиновников. Данные наблюдений сочетать с подробными интервью об «истории жизни». Цель — хотя бы частично зафиксировать затраты времени на основные постоянные занятия и принятие решений, попытаться понять, какие факторы влияют на принятие решений.

Естественно, процедура будет зависеть от желания человека сотрудничать, но в идеале она должна включать, во-первых, интервью, которое прояснило бы «историю жизни» и его сегодняшнее положение; во-вторых, наблюдение в течение дня, непосредственно в его рабочем кабинете; в третьих, длительное интервью вечером или на следующий день, в котором надо подвести итоги всему предыдущему дню и получить отчет о субъективных процессах, сопровождавших наблюдаемое нами внешнее поведение.

- 2) Проанализировать, как люди, составляющие высший класс, проводят выходные, непосредственно пронаблюдать обычный их распорядок в эти дни, а затем, в понедельник, проинтервьюировать главу семьи и ее членов.

Для выполнения этих двух задач у меня есть довольно хорошие знакомства, а это при умелом обращении ведет к еще лучшим знакомствам (добавлено в 1957 г.: оказалось иллюзией).

- 3) Исследование затрат и привилегий, которые наряду с жалованьем и прочими поступлениями формируют стандарт и стиль жизни высших слоев. Идея — получить конкретные данные о «бюрократизации потребления», о личном потреблении за счет корпораций.
- 4) Собрать новые данные вроде тех, что содержатся в книгах типа «60 семей Америки» Ландберга, написанной по данным о крупнейших налогоплательщиках за 1923 г.
- 5) По данным Федерального казначейства и другим официальным источникам собрать и систематизировать сведения о распределении различных типов собственности среди лиц с различными доходами.
- 6) Изучение карьеры президентов, всех членов кабинета и суда. Данные с момента принятия Конституции до окончания второго срока президентства Трумэна уже есть на карточках IBM, но хочу расширить количество переменных и заново их проанализировать.

Есть еще около 35 «проектов» подобного типа (например, сравнить затраченные суммы на президентские кампании на выборах 1896 и 1952 гг., сравнить подробные данные о Моргане в 1910 и Кайзере в 1950 гг. и собрать что-то конкретное о карьерах «генералов и адмиралов»). Но по мере продвижения вперед необходимо соразмерять свои задачи с их выполнимостью.

После составления всех этих проектов я стал читать исторические работы о «верхах», делая случайные (и неупорядоченные) заметки и интерпретации прочитанного. Не нужно специально изучать разрабатываемую вами тему, поскольку, как я уже говорил, как только вы «входите» в нее, то начинаете находить ее повсюду.

Вы настраиваетесь на ее сюжеты, они вам видятся и слышатся повсюду, особенно,

как мне кажется, в тех сферах, которые вроде бы не связаны с темой. Даже масс-медиа, особенно плохие фильмы, дешевые романы, иллюстрированные журналы и ночное радиовещание раскрываются в своем значении совершенно по-новому.

4.

Но вы можете спросить, как приходят идеи, как прищипорить воображение, чтобы все образы и факты сложились вместе, чтобы образы стали релевантными, а фактам было придано какое-то значение? Не думаю, что смогу ответить на этот вопрос. Единственное, что я в состоянии сделать — это поговорить об общих условиях и некоторых простых приемах работы, которые, как мне кажется, увеличивают мои шансы до чего-то додуматься.

Напомню, что социологическое воображение во многом заключается в способности переходить от одной перспективы к другой и в процессе этого строить адекватное представление об обществе в целом и его компонентах. Именно воображение отличает ученого от технического исполнителя. Хорошего техника можно обучить за год-два. Социологическое воображение приобретается только в результате длительного самовоспитания. Разумеется, это воспитание редко проходит без утомительной рутины¹.

¹ См. Превосходную статью Хатчинсона об «инсайте» и «творческом подходе». - Hutchinson // *Studies of Interpersonal Relations* / Ed. By P. Mullaby. New York: Nelson, 1949.

У социологического воображения есть еще одно неожиданное качество, быть может, потому, что оно заключается в неожиданном сочетании идей, а именно, из немецкой философии и английской политической экономии. Такое сочетание и составляет основу для игры ума и поистине непреодолимого влечения понять мир.

Влечения, которого напрочь лишен заурядный исполнитель. Он слишком хорошо научен и, даже можно сказать, натаскан. Поскольку натаскивать можно только в тех вопросах, которые уже известны, этот вид занятий иногда приводит к неспособности самообучаться.

Человек противится всему, что имеет малейшую долю неопределенности. Однако вы должны ухватиться за эти нечеткие образы и понятия, если они у вас возникают, и старательно их разработать. Если кому-то и приходят оригинальные идеи, то они почти всегда лишены законченности.

Я полагаю, есть вполне определенные способы стимулирования социологического воображения.

- 1) На уровне конкретных действий, как я уже говорил, — это снова пересмотреть свои записи. Просто раскрыть файлы, смешать листы meg`bqhln от их содержания, а затем снова рассортировать.

Делать это по возможности не спеша. Насколько частой и существенной окажется перетасовка, зависит, конечно же, от конкретных проблем и от степени их разработанности. Но механика процесса научной работы всегда одна и та же: иметь в виду те проблемы, по которым ведется активное исследование, также надо стараться не мешать себе увидеть неожиданные и незапланированные связи между явлениями.

- 2) Игровое отношение к фразам и словам, с помощью которых формулируются проблемные положения, часто раскрепощает воображение. Каждому из ваших ключевых слов найдите синонимы в словарях и специальных отраслевых справочниках, чтобы ознако миться со всем спектром их коннотаций. Эта простая привычка под толкнет вас к дальнейшей разработке проблемы и, как следствие, к более краткому и точному их определению. Учитывая разные значения, которые могут быть приданы фразам и отдельным словам, можно отобрать именно те из них, с которыми вы хотите работать. Но такое внимание к словам ведет еще дальше. Во всякой работе, и особенно при тщательном рассмотрении теоретических утверждений, вы будете стараться внимательно относиться к объему понятия каждого ключевого термина и нередко посчитаете полезным придать утверждению высокого уровня абстракции более конкретные значения. При этом одно утверждение может распадаться на две-три части, каждая из которых относится к различным измерениям. Можно также попытаться выйти на более высокий уровень

обобщения, удалив специфические признаки с тем, чтобы рассмотреть переформулированное утверждение более абстрактно, попробовать распространить его на более широкий круг явлений. Затем, «сверху и снизу» для полного прояснения вопроса разобрать каждый его аспект, содержание в целом и соотношение с рассматриваемой идеей.

- 3) В ходе анализа общих понятий у вас могут складываться идеальные типы. Построение новой классификации обычно дает толчок плодотворным изысканиям, и у вас вырабатывается умение строить типологии, определять условия и последствия их существования. Отказавшись от первоначальной рубрикации содержания своих записей, основанной на здравом смысле, вы будете искать причины сходств и различий внутри и между выделенными типами.

Для построения хорошей типологии необходимы отчетливо сформулированные, системные основания, поэтому вы должны выработать привычку делать многомерные классификации.

Техника многомерной классификации применима не только к количественным данным. На самом деле это лучший способ придумать и обосновать новые типы, критически рассмотреть и прояснить старые. Графики, таблицы, хорошо построенные диаграммы не являются единственным способом кратко представить свою работу.

Очень часто они выступают в качестве самых настоящих орудий производства: с их помощью при конструировании идеальных типов проясняют категориальные признаки, они также могут служить отправной точкой для работы воображения. Я думаю, что за последние пятнадцать лет я не написал и двух десятков страниц чернового текста без какой-нибудь, пусть небольшой, двумерной классификации, хотя, разумеется, далеко не всегда, и даже очень редко публикую их. Большая часть этих материалов в конечном счете оказывается в корзине, но даже в этом случае вы чему-нибудь научитесь, поскольку работа с типологиями способствует ясности мышления и стройности изложения. Типология позволяет охватить все пространство выбранных признаков и увидеть полную картину взаимоотношений между известными вам фактами.

В социологии многомерная классификация играет ту же роль, что ``gap` предложения при изучении грамматики. Во многих отношениях многомерная классификация является грамматикой социологического воображения. Как и в работе со всякой грамматикой, здесь необходим контроль, для того чтобы ее использование не выходило за рамки поставленных задач.

- 4) Зачастую наиболее верное понимание какого-либо явления достигается при рассмотрении полярных случаев — при обдумывании ситуаций, прямо противоположных тем, с какими вы непосредственно сталкиваетесь. Если вы

думаете об отчаянии, подумайте и о восторге. Изучая бедность, подумайте о расточительстве. Очень трудно изучать только один объект. При сопоставлении различных объектов легче усвоить материал и выделить параметры для сравнения. Вы обнаружите что поочередное перенесение внимания от этих параметров к конкретным объектам и обратно дает возможность прояснить истинную картину событий. Этот метод оправдан и с логической точки зрения. Конечно, без проведения выборочного исследования можно только догадываться о статистическом распределении признаков. Но для того, чтобы представить весь спектр вариантов и выделить основные типы некоторого явления, наиболее экономным является конструирование «полярных» типов, противостоящих друг другу по различным параметрам. Разумеется, это не означает полного отказа от количественных измерений и от установления, хотя бы приблизительной, частоты появления определенных типов. В действительности построение «полярных» типов постоянно сопровождается поиском индикаторов, по которым можно найти или собрать статистические сведения.

Идея использования различных точек зрения может проявляться следующим образом. Вы, например, сами себя спрашиваете, как к такой-то проблеме подошел бы такой-то политолог, книгу которого вы недавно прочли, или такой-то психолог-экспериментатор, или такой-то историк? Вы строите предположения, исходя из различных точек зрения, тем самым превращая свой ум во вращающуюся призму, улавливающую свет независимо от угла его падения. В этой связи написание диалогов представляется очень полезным занятием.

Часто вы обнаружите, что, мысленно споря с какой-либо противоположной точкой зрения и пытаясь разобраться в новой для себя области исследований, вы прежде всего сопоставляете основные аргументы «за и против». Одним из признаков искушенности в литературе является способность верно определить место про тивникам и сторонникам каждой возможной точки зрения. Кстати говоря, для этого не обязательно слишком глубоко погружаться в море книг, ибо в нем можно утонуть. Необходимо различать, когда нужно читать, а когда больше читать не нужно.

5) Важно отметить и то, что, работая с многомерной классификацией, вы используете ради простоты альтернативу «да/нет», что побуждает вас думать о полярных противоположностях. И в общем это правильно, хотя качественный анализ ничего не говорит о частоте или распространенности определенного явления. Он представляет собой технику, и его цель заключается в том, чтобы установить совокупность возможных типов. Часто этого бывает достаточно, хотя при решении некоторых исследовательских задач вам непременно понадобится более точное представление о распределении тех или иных признаков.

Иногда воображение можно стимулировать переворачивая привычные сюжеты с ног на голову¹.

¹ К слову сказать, нечто подобное Кеннет Берк, при обсуждении Ницше, назвал «перспективой несообразности». См.: Burke K. Perma nence and change. New York: New Republic Books, 1936.

Представьте то, что вам кажется мизерным, стало огромным и {r`ireq| ответить на вопрос, какие различия породило бы такое превращение? То же самое можно проделать с гигантскими объектами. Как бы выглядели традиционные поселения дописьменной эпохи, если бы их население составляло 30 миллионов человек? По крайней мере сейчас я и подумать не могу о том, чтобы подсчитывать или измерять что-нибудь прежде, чем я наиграюсь с каждым его элементом, с каждым условием, с каждым последствием в воображаемом мире, где я могу регулировать меры всех вещей.

Статистики как будто не знают, хотя им следовало бы знать маленькую невообразимую истину: познай вселенную прежде чем испытать ее.

6) Какую бы проблему вы ни рассматривали, всегда будет полезен сравнительный анализ исследовательских материалов. Поиск случаев для сравнения в рамках одной цивилизации, одного исторического периода, или нескольких цивилизаций и периодов даст вам ориентиры. Вы ни за что не станете описывать какой-нибудь социальный институт Америки двадцатого века без сравнения его со сходными институтами других обществ и исторических периодов. Так оказывается даже тогда, когда вы не предпринимаете явных сравнений. Временами вы чуть ли не автоматически станете направлять свое мышление в историческое русло. Одна из причин этого состоит в том, что предмет вашего изучения ограничен в численном отношении: для сравнительного анализа необходимо поместить его в конкретный исторический контекст. Иначе говоря, сравнительный подход часто требует изучения исторических материалов, что приводит иногда к анализу трендов или к типологии фаз развития. Далее, вы будете использовать исторические сведения для получения более полной картины или для более адекватного упорядочения некоторых явлений, то есть для того, чтобы проследить вариации определенных параметров. Социологу совершенно необходим определенный багаж знаний мировой истории, поскольку независимо от вашей осведомленности в других областях, без знания истории ваши представления будут искаженными.

7) Наконец, есть еще один вопрос, который больше касается умения скомпоновать книгу, чем сути социологического воображения. Обе части работы нередко совпадают: от того, как вы расположите материал, во многом зависит содержание книги. Я усвоил эту истину у замечательного редактора, Ламберта Дэйвиса, который, я надеюсь, ознакомившись с моим переложением данной мысли, не откажется от своего авторства. Речь идет о различении идеи и темы.

Тема — это предмет изучения, например, «карьера руководителей корпораций», «расширение и укрепление власти военных чиновников», «уменьшение количества замужних женщин». Обычно на раскрытие одной темы уходят глава

или параграф главы. Но вопрос о порядке расположения тем часто относится к сфере идейного содержания книги.

Идея обычно выражает ключевую мысль, рабочую концепцию или принципиальное разграничение, например, между рациональностью и разумом. Если, работая над построением книги, вы нащупаете две-три, а тем более шесть-семь идей, можете быть уверены, что работа окончена. Эти идеи легко распознать по тому, как они упорно всплывают при рассмотрении самых разных тем, и -вам даже будет казаться, что вы повторяетесь. И иногда не без оснований! Особенно это касается самых скомканных, сбивчивых и наименее удачно написанных разделов рукописи.

Поэтому идеи обязательно надо выписывать отдельно и как можно яснее и короче формулировать в обобщенном виде, затем поочередно соотнести каждую идею с каждой темой, как бы спрашивая себя, что нового вносит конкретная идея в раскрытие каждой темы, а затем ответы на другой вопрос: каково значение идеи, если она вообще имеет значение, применительно к той или иной теме.

Для изложения важной идеи обычно требуется целая глава или параграф, ее описание можно поместить либо при первом упоминании, либо при подведении итогов в конце книги. Думаю, что большинство пишущих и систематически мыслящих авторов согласятся с тем, что в книге должен быть специальный раздел, в котором бы раскрывались все идеи и взаимосвязи между ними. Иногда, хотя и не всегда, это можно сделать в начале книги, но при хорошо продуманной структуре издания новые идеи обычно излагаются ближе к концу. И вы все время должны по крайней мере стараться соотносить идеи с каждой темой. Эту рекомендацию легче высказать, чем осуществить на практике. Это не механическая операция, как может показаться на первый взгляд. Механический подход в этом деле можно применить только в том случае, если идеи удастся четко выделить и сформулировать. То, о чем я рассказываю, в литературе называется лейтмотивом, в науке — идеей.

Кстати, в иной научной книге невозможно обнаружить ни одной идеи. Такая книга представляет собой пучок тем, непременно снабженных методологическими и теоретическими введениями, которые абсолютно необходимы тому, кто пишет работу безо всяких идей.

Иногда книги без идей говорят об отсутствии ясной мысли у автора.

5.

Уверен, многие согласятся с тем, что свою научную работу надо представлять настолько ясно и понятно, насколько это позволяют сложность предмета и четкость ваших мыслей. Но, как нетрудно заметить, сегодня в общественных науках преобладает напыщенная и многословная проза. Могу предположить, что практикующие этот стиль авторы думают, что подражают «физикам», не подозревая о том, что основная масса такой прозы никому не нужна. Более того, авторитеты заявляют о «серьезном кризисе грамотности», кризисе, который затронул и обществоведов¹.

¹ Эдмунд Уилсон, по общему мнению, лучший критик во всем англоязычном мире, пишет: «Ознакомившись со статьями специалистов по антропологии и социологии, я пришел к выводу, что в идеальном, по моим представлениям, университете требование об обязательном утверждении трудов всех факультетов преподавателем английского языка могло бы революционизировать положение дел в этих дисциплинах, если, конечно, вторая из них вообще не прекратила бы свое существование». - Wilson E. A piece of my mind. New York: Farrar, Straus and Cudahy, 1956. . 164.

Можно ли считать, что появление такой манеры изъясняться вызвано глубиной и тонкостью обсуждаемых социально-политических проблем, понятий, методов? Если нет, то какой смысл в том, что М. Коули удачно назвал «социоязом»¹.

¹Cowley M. Sociological habit patterns in linguistic transmogrification // The Reporter, 20 September 1956. . 41 ff.

Действительно ли «социояз» необходим для работы? Если да, то ничего не поделаешь. Если нет, то как его избежать? Я убежден, что такой жаргон обычно не связан со сложностью предмета и вовсе не имеет ничего общего с глубиной мысли. Почти целиком он обусловлен неверным пониманием сочинителями академических трудов своей роли.

В некоторых научных кругах любого, кто старается писать доступно широкой аудитории, зачастую клеймят «просто литератором» или «журналистом». Наверно, вы уже поняли, что, как правило, за этими фразами стоит ложный постулат: понятный значит поверхностный. Представителям академической науки в Америке всегда была свойственна активная интеллектуальная жизнь, они не отрывались от социальной среды, часто довольно неблагоприятной для них. Высокий престиж должен компенсировать все те доминирующие ценности, которыми жертвует тот, кто выбрал академическую карьеру. Его претензии на престиж очень быстро нашли опору в представлении о себе как об «ученом». Называться «простым журналистом» для него недостойно и мелко. Именно в этом, я думаю, заключается причина разработки специального языка и манерности устной и письменной речи, овладение которой не требует большого труда. Сложился своего рода негласный договор: тот, кто не манерничает, становится объектом морального неодобрения. Эту ситуацию можно объяснить заполнением академических рядов посредственностью, которая по вполне понятным причинам желает исключить тех, кто способен привлечь внимание образованных людей как внутри академической среды, так и вне ее.

Писать книги — значит стремиться привлечь внимание читателей.

Это свойственно любому ученому. Быть автором — значит, как минимум, претендовать на определенный статус и рассчитывать, что твои работы прочитают. Молодому представителю академического мира свойственны обе эти претензии, и, поскольку он понимает, что его общественное положение невысоко, то часто начинает претендовать на статус до того, как успеет привлечь внимание читателей. Фактически в Америке даже самые выдающиеся ученые мужи не имеют значительного статуса в глазах широкой публики. В этом отношении социология находится на низшей ступени, так как многие особенности социологического стиля восходят к тем временам, когда у социологов был невысокий даже по сравнению с другими учеными статус. Жажда статуса — вот причина, по которой ученые столь легко сбиваются на невразумительность. И это, в свою очередь, может быть причиной того, что у них нет статуса, которого они желают. Поистине порочный круг. Но из него любой ученый может легко выйти.

Чтобы отказаться от академической прозы, надо отказаться от академической позы. Легче выучить грамматику и англосаксонские корни, чем ответить на следующие три вопроса: 1) Насколько труден и сложен для изучения предмет вашего исследования? 2) На какой статус вы претендуете, когда пишете? 3) Зачем

вы публикуетесь?

- 1) На первый вопрос обычно дается такой ответ: предмет исследования не столь сложен, сколь манера изложения. Доказательств тому сколько угодно: нетрудно обнаружить, что 95% книг по общественным наукам прекрасно переводятся на нормальный, понятный язык¹.

Но вы вправе спросить: неужели нам совсем не нужны специальные термины?²

¹ Несколько примеров подобного рода переводов вы найдете во второй главе настоящей книги. Кстати, если речь идет о том, как писать, я не знаю работы лучше, чем книга: Graves R., Hodge A.

The reader over your shoulder. New York.: Macmillan, 1944. См.

Также прекрасное обсуждение этой проблемы в книгах: Barzun J.

Graff H. The modern researcher; Montague C. E. A writer's notes on his trade. London: Pelican Books, 1930 – 1949; Dobrué B.

Modern prose style. Oxford: The Clarendon Press, 1934 – 1950.

² Те, кто разбирается в математическом языке лучше, чем я, скажут, что он точен, краток и ясен. Именно поэтому я с большим удовольствием отношусь к тем обществоведам, которые центральное место, на словах, отводят математике и при этом пишут неточной, растянутой и неясной прозой. Им следует взять урок у П.

Лазарсфельда, который по-настоящему верит в математику и чья проза, даже черновые наброски, всегда обнаруживают лучшие качества математического языка. Когда я не понимаю его математику, я знаю, что это происходит из-за моего невежества.

Когда я не соглашаюсь с тем, что он пишет нематематическим языком, я знаю, что это потому, что он ошибается, ибо всегда можно понять, что он говорит, а, следовательно, понять, в чем он неправ.

Конечно, нужны, но «специальные» — не значит «трудные для восприятия», и здесь вовсе не требуется жаргон. Если необходимые специальные термины ясны и точны, нетрудно употреблять их в контексте общедоступного языка так, чтобы для читателя был понятен их смысл.

Можно, конечно, возразить, что общеупотребительные слова часто несут оценочную, эмоциональную «нагрузку» и что их лучше избегать, вводя в сугубо научных текстах новые слова или технические термины. Отвечаю на это. Верно, что общеупотребительные слова часто имеют коннотации. Но многие общеупотребительные в общественных науках термины также «нагружены». Писать ясно значит контролировать эту нагрузку, точно выражать свою мысль, что бы другие могли ее понять без искажений. Представьте, что подразумеваемые вами значения слов опоясываются двухметровым кругом, в центре которого стоите вы, а значения, которые воспринимаются читателем, опоясываются другим кругом, в центре которого стоит он. Будем надеяться, что эти круги пересекаются. Площадь пересечения и является «площадью» коммуникации. Та часть круга читателя, которая не пересекается с вашим кругом, составляет область неконтролируемых значений: он их устранил из текста. Не пересекающаяся часть вашего круга—другое слагаемое вашего поражения: вам не удалось донести свою мысль до читателя. Умение писать заключается в том, чтобы совместить область значений читательского и вашего языка, написать так, чтобы вы оба находились в одном круге контролируемых значений.

Таким образом, я утверждаю, что, во-первых, большая часть «социоюза» не связана со сложностью предмета или мысли. Повод для его употребления, как я полагаю, почти полностью сводится к тому, чтобы заявить о своих собственных претензиях: писать так значит говорить читателю (может быть, не подозревая об этом): «Я знаю нечто такое, что тебе очень трудно будет понять, если только ты не овладеешь моим трудным языком. Ведь ты просто журналист или юрист, — в общем, непосвященный».

2) Отвечая на второй вопрос, мы должны разграничить два способа представления работ, принятых в общественных науках в зависимости от мнения пишущего о самом себе и о том, чьи соображения он излагает. В одном случае предполагается, что пишущий — это конкретный человек, который может кричать, говорить, шептать или фыркать, но он постоянно присутствует.

Кроме того, всегда можно судить о том, что это за человек: самоуверенный или невротичный, прямой или путаник. Независимо от этого он является центром пересечения опыта и рассуждения.

Допустим, он только что обнаружил что-то и сообщает нам, как это ему удалось, и за великолепным изложением слышится голос конкретного человека.

В другом случае работа пишется так, что в ней не слышно ни голоса, ни мнения. Такая манера письма вообще лишена «голоса», и в результате получается механически изготовленная проза. Дело не в том, что она пестрит жаргоном, а в том, что она им нафарширована. Такая статья или книга не просто безлична, она нарочито безлична. В таком стиле пишутся правительственные бюллетени и деловые письма, а также большая часть текстов по общественным наукам. Если написанный текст — здесь мы не касаемся творений поистине великих стилистов — невозможно воспроизвести в устной форме, это плохой текст.

3) И, наконец, вопрос о том, кому адресуется голос автора, тоже влияет на особенности стиля. Очень важно, чтобы пишущий представлял, для кого он пишет и что о них думает. Это непростые вопросы. Чтобы на них ответить, нужно сначала принять решение о своей собственной роли и представить, какими знаниями располагает читающая публика. Писать — значит претендовать на то, что тебя будут читать. Но кто эти люди? Ответ на этот вопрос дал мой коллега, Лайонел Триллинг. Он разрешил изложить свою позицию. Представьте себе, что вас попросили прочитать лекцию на хорошо знакомую вам тему для собравших со всех факультетов преподавателей и студентов одного из ведущих университетов, а также для интересующейся публики, проживающей в его окрестностях. Представьте, что они сидят перед вами и имеют полное право знать то, что знаете вы. Представьте, что вы хотите поделиться своим знанием. Представили? Теперь пишите.

Из обществоведов могут получаться авторы четырех типов. Если пишущий считает, что ему есть что сказать, и хорошо знает свою аудиторию, он будет стараться писать понятно. Если ученому есть что сказать, но он не вполне представляет своих читателей, он может сбиться на полную ахинею. Такому лучше быть осторожным.

Если он вообразит, что ему не просто есть что сказать, а возомнит себя выразителем некой безличной воли, то, найдя себе публику, он положит начало новому культу. Если у ученого нет ни определенного мнения, ни аудитории, он будет просто писать в полном одиночестве ни для кого конкретно, ни от чьего имени, и я подозреваю, что нам придется признать в нем настоящего производителя стандартизированной прозы: источника некоего звука в огромном пустом зале. Все это производит жутковатое впечатление, напоминающее романы Кафки; и не зря, поскольку мы обсуждаем границы разума.

Грань между изложением глубокого содержания и многословием часто провести очень трудно. Никто не станет отрицать странное очарование тех, кто, принимаясь за исследование, испытывает столь сильное удовлетворение и благоговейный страх после первого же шага, что им не хочется идти дальше. Сам по себе язык создает прекрасный мир, но запертые в этом мире, мы не должны принимать путаницу начинающих за глубину итоговых результатов работы

мастера. Члену академического сообщества следует видеть себя носителем поистине великого языка и требовать от себя, чтобы устная и письменная речь были хотя бы похожи на речь цивилизованных людей.

Осталось осветить последний пункт, касающийся взаимодействия письма и мышления. Если вы будете писать, соотносясь только, как сказал Ханс Рейхенбах, с «контекстом открытия», вас поймут единицы. Кроме того, ваши утверждения будут весьма субъективны.

Более объективное мышление требует работы в контексте «презентации». Сначала вы «презентируете» мысли самому себе, то есть проясняете их, затем, почувствовав, что достаточно разобрались в них, «презентируете» их другим. Таким образом вы находитесь в «контексте презентации». Иногда вы будете замечать, как в процессе формулирования определенных положений ваши мысли трансформируются, и не только по форме, но и по содержанию, так j^j в контексте презентации к вам приходят новые идеи. Так возникает новый контекст открытия, отличный от исходного и, по большому счету, как я думаю, более объективный. Здесь опять-таки нельзя отделить то, как вы мыслите, оттого, как вы пишете. Вам приходится постоянно совершать рейды между контекстами, и, перемещаясь от одного контекста к другому, полезно знать, к какому из них вы двигаетесь в данный момент.

6.

Из сказанного выше, наверно, ясно, что на практике вы никогда не «начинаете работать над проектом»; вы уже работаете, делая записи просто так, или собираете их в файлы, после их бесцельного перелистывания или направленного поиска материала.

Следуя образу жизни и работы ученого, у вас всегда будет много тем, которые вы хотели бы изучить более глубоко. Решившись на публикацию, вы будете стараться максимально использовать свои записи, конспекты прочитанных в библиотеке книг и статей, личные беседы — все, что относится к теме исследования или к важной для вас идее. Вы пытаетесь построить маленький мирок, содержащий все ключевые элементы, вошедшие в вашу работу, систематически расставить их по своим местам, постоянно переделывать конструкцию в ходе проработки каждой из ее частей. Чтобы жить в этом сконструированном мире, надо знать, что нужно для его построения: идеи, факты, снова идеи, цифры и опять идеи.

Так вы будете узнавать, описывать и строить типологии для упорядочения того материала, который стал вам доступен, тщательнее анализировать и организовывать свой опыт, давая название каждому отдельному явлению. Стремление к упорядоченности заставляет вас искать повторяющиеся образцы и тенденции, отыскивать среди отношений те, которые могут быть причиняющими и типическими. Иными словами, вы будете искать смысл того, что обнаружили, того, что можно интерпретировать как видимую сторону чего-то, что еще невидимо. Вы сделаете инвентарную опись всего, что, как кажется, имеет отношение к тому, что вы пытаетесь понять, будете вникать в отдельные проблемы, а затем тщательно, систематически соотносить их друг с другом, чтобы сформировать рабочую модель, и станете применять ее ко всему, что вы постараетесь объяснить. Иногда это получается сразу, иногда так ничего и не выходит.

Постоянно, среди всевозможных деталей, вы будете искать те индикаторы, которые могут указать на основное направление изменений, на идеальные формы всего спектра общественных явлений XX века и тенденции их развития. Ибо, в конечном счете, вы пишете о многообразии человечества.

Процессе мышления — это борьба за упорядоченность и одновременно за всесторонность взгляда на мир. Вы не должны прекращать свои размышления слишком быстро, в противном случае вам не удастся узнать то, что вы могли бы узнать. Но нельзя затягивать слишком долго формирование текста, поскольку это может длиться до бесконечности. В этом, я полагаю, и состоит дилемма.

Размышления, особенно в тех редких случаях, когда они увенчиваются большим или меньшим успехом, являются самым увлекательным занятием, на которое

только способен человек.

Пожалуй, можно подытожить то, что я пытался выразить в форме рекомендаций и предостережений.

- 1) Будьте мастером своего дела. Избегайте установления жестких процедур. Прежде всего, старайтесь развивать и применять социологическое воображение. Избегайте фетишизации метода и методики. Способствуйте реабилитации непретенциозного интеллектуального мастерства и старайтесь сами стать таким мастером.

Пусть каждый будет сам себе методолог и сам себе теоретик. Отстаивайте приоритет индивидуального исследователя, противодействуйте укреплению влияния исследовательских команд, состоящих из технических исполнителей. Старайтесь со своей личной позиции рассматривать проблемы человека и общества.

- 2) Избегайте витиеватой игры с понятиями и манерности в изложении. Требуйте от себя и других простых и ясных определений. Вводите узкоспециальные термины только тогда, когда вы твердо убеждены в том, что они расширяют границы познания, точнее отражают предметную реальность и более адекватно передают ваши рассуждения. Не прибегайте к невразумительному изложению как к средству уклониться от определенности суждений об обществе и избежать оценки вашей работы читателями.
- 3) Применяйте в своей работе любые трансисторические конструкции, которые вы считаете необходимыми, но не пренебрегайте конкретно-историческими деталями. Стройте любые формальные теории и модели. Подробно изучайте не только статистические факты и взаимосвязи между ними, но и уникальные исторические события. Избегайте догматизма и не отрывайтесь в своих исследованиях от исторической реальности. Не думайте, что кто-то другой сделает это за вас. Поставьте себе задачу: определить историческую реальность, соотнесите с ней проблемы своих исследований, попытайтесь прояснить эти проблемы и, тем самым, разрешить актуальные социальные противоречия и порождаемые ими личностные трудности. И не пишите более трех страниц подряд, если не имеете четкого представления о том, что излагаете.
- 4) Не исследуйте отдельно различные формы повседневной жизнедеятельности, изучайте социальные структуры, в которые эти формы встроены. Исследуя более широкие структуры, выбирайте для детального анализа и конкретные виды деятельности, чтобы понять взаимовлияние структуры и повседневной жизни друг на друга.

Охватите в исследовании всю историческую эпоху: не будьте лишь журналистом, пусть даже дотошным. Знайте, что журналистика в лучших своих образцах —

высокое призвание, но ваше призвание еще выше! Поэтому не надо торопиться публиковать отчеты о моментальных срезах или об очень коротких промежутках времени. В качестве временных рамок выберите себе ход человеческой истории и разместите внутри него те недели, годы, эпохи, которые вы исследуете.

- 5) Помните, что ваша цель заключается в наиболее полном сравнительном изучении социальных структур как существовавших в мировой истории, так и имеющих место ныне. Помните, что для выполнения этой задачи нужно преодолеть любые междисциплинарные перегородки. Специализация должна осуществляться в зависимости от темы и, прежде всего, от значения поставленной проблемы.

Формулируя и решая эти проблемы, старайтесь творчески использовать концепции и другие материалы, идеи и методы всякого исследования о человеке и обществе. Все ваши персональные исследования принадлежат вам. Они относятся к общественным наукам, представителем которых являетесь вы сами. Давайте отпор всякому, кто пытается подменить дело напыщенными фразами и претенциозностью всезнающего эксперта.

- 6) Всегда обращайтесь внимание на то, какой образ человека, какое понимание человеческой природы явно или неявно следует из вашей работы, а также на трактовку вами истории и на понимание того, как она делается. Одним словом, нужно постоянно пересматривать свои взгляды на проблемы истории, биографии и социальной структуры, в которой биографии и история взаимодействуют друг с другом.

Не упускайте из виду все многообразие людей и характерные для исторической эпохи механизмы ее изменения. Все, что вы видите и творчески осмысливаете, используйте в качестве ключа к изучению человеческого многообразия.

- 7) Помните, что вы являетесь наследниками классической традиции в социологии. Поэтому старайтесь понять человека не как изолированный фрагмент, не как отдельный объект или систему.

Старайтесь понять мужчин и женщин в их социально-исторической конкретности, объяснить наличие определенных людских типов и механизмы их формирования в различных человеческих обществах.

Завершая какую-либо часть работы, оцените хотя бы приблизительно ее результаты с точки зрения основной своей задачи: понять структуру и ее изменения, формирование и смыслы современной вам эпохи, жуткий и волшебный мир человеческого общества второй половины двадцатого века.

- 8) Не принимайте официально сформулированные социально-политические проблемы и обывательские ощущения личностных трудностей в качестве проблематики ваших исследований. Прежде всего, не отказывайтесь от своей

моральной и политической независимости и не перенимайте ни антилиберальную практику бюрократического этоса, ни либеральную практику моральной бесхребетности. Помните, что многие проблемы, с которыми сталкивается отдельный человек, нельзя решать в индивидуальном порядке; их надо рассматривать в социально-политическом контексте и с точки зрения исторического развития. Помните, что значение социальных проблем определяется только их соотношением с заботами конкретных людей в их частной жизни.

Адекватно сформулированные задачи общественных наук должны включать исследования общества, личности, биографий, исторического процесса и всевозможные взаимоотношения между ними.

Внутри этих взаимоотношений оказываются индивид и общество.

Именно социологическое воображение имеет шанс разобраться в качестве человеческой жизни, присущем нашему времени.

Выражение признательности

Первоначальный вариант этой книги обсуждался на семинаре по общественным наукам, организованном Хеннингом Фриисом, консультантом Министерства по социальным вопросам, весной 1957 г. в Копенгагене. Я очень благодарен лично ему и другим участникам семинара Кирстену Руд-фельду, Бенту Андерсену, П. Х.

Кюлю, Полу Видриксену, Кнуду Ерику Свенсену, Торбену Агерснэпу, Б. В. Элберлингу за внимательные критические замечания и добрые советы.

Глава 1 «Что нам обещает социология» наряду с другими фрагментами книги была представлена в сжатой форме на конференции Американской ассоциации политических наук в сентябре 1958 г. в Сент-Луисе. В главе 6 я опирался на статью «Two styles of research current social study», опубликованную в журнале «Philosophy of Science», том XX, номер 4, в октябре 1953 г.

Первоначальный проект первых пяти разделов приложения увидел свет в книге «Symposium on Sociological Theory» под редакцией Л. Гросса в 1959 г. Разделы 5 и 6 главы 8 были напечатаны в журнале «Monthly Review» в октябре 1958 г. На протяжении всей работы я использовал заметки, впервые опубликованные в «The Saturday Review» 1 мая 1954 г. Фрагменты глав 9 и 10 были использованы в публичных лекциях в Лондонской школе экономики и в Польской академии наук в Варшаве в январе 1959 г., а также передавались по третьей программе Би-би-си в феврале этого же года.

Рукопись книги обсуждалась, в целом и по частям, коллегами, которым я обязан многим из того хорошего, что есть в книге. Я бы хотел выразить им самую искреннюю признательность за помощь.

Это Харольд Барджер, Роберт Бирштадт, Норман Бирнбаум, Герберт Блумер, Том Боттомор, Лайман Брай-сон, Льюис Козер, Артур Дэвис, Роберт Дубин, Си Гуд, Марджори Фиске, Питер Гэй, Левеллин Гросс, Ричард Хофштад-тер, Ирвинг Хоув, Х. Стюарт Хьюз, Флойд Хантер, Сильвия Джаррико, Дэвид Кеттлер, Уолтер Клинк, Чарльз Л.

Линдблом, Эрнст Маннгейм, Рис Макджи, Ральф Мил-либэнд, Баррингтон Мур мл., Дэвид Рисмен, Арнольд Рогоу, Пол Суизи.

Я очень благодарен моим друзьям Уильяму Миллеру и Харви Свадосу за их постоянную помощь в моих усилиях сделать изложение максимально ясным.